

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Сулейменов Андрей Русланович

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО
РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент И.В. Рыжов

Нижний Новгород

2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	25
1.1. «Исламское государство» как ведущий проект радикального исламизма	25
1.2. Таблиги Джамаат: на пути духовного джихада	45
1.3. От «Чеченской республики Ичкерия» к «Имарату Кавказ»: региональный проект радикального исламизма.	50
ГЛАВА 2. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ИСЛАМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.....	66
2.1. Условия формирования коллективной памяти северокавказского исламизма	66
2.2. Темпоральный режим современного исламизма: «национальное» и «глобальное» измерение.....	86
2.3. Категория пространства в пропаганде радикального исламизма	111
ГЛАВА 3. ПРАКТИКИ ЛЕГИТИМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА.....	128
3.1. Риторические приемы легитимации современного исламизма	128
3.2. Метафоры в дискурсе радикального исламизма	143
Заключение	159
Список источников и литературы	167

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вторая половина XX в. ознаменовалась крупными социально-политическими трансформациями исламского мира. Исламская революция 1979 г. обозначила новый этап как в развитии самой мировой исламской уммы, так и в отношениях ислама со внешним миром. В том же году возродилось и понятие религиозной войны против иноверцев, а афганский опыт послужил религиозно-политической и военной школой для последующих исламистских организаций.

Революционные процессы в шиитском Иране нашли живой отклик в суннитском мире мусульманского большинства. Основанные на установках ортодоксального ислама социо-политические проекты обрели популярность как в регионах возникновения, так и далеко за их пределами. Востребованность религиозно ориентированного государственного проекта на Ближнем Востоке определяется не только исторической укорененностью ислама, но и очевидной неудачей концепций арабского социализма и национализма, через которые прошли большинство региональных акторов. Череда военных поражений в арабо-израильских войнах, неудачи на пути межнационального объединения, неспособность светских правительств решить ряд социальных проблем сделали религиозный путь развития привлекательным как в глазах «арабской улицы», так и национальной интеллигенции. Основанные на религии проекты регионального объединения оказались востребованы и государственными элитами. Ислам как идея региональной интеграции и внутригосударственного сплочения удовлетворяет запросам арабского общества, все еще переживающего историческую травму колониализма и распада некогда единого исламского пространства.

Одним из ответов исламского мира на политические и социальные неудачи модели светского государства стал радикальный исламизм. Реальность секуляризованного мира модерна не только не отбросила в прошлое религиозное мировоззрение, но и вызвала к жизни опирающееся на

архаические традиции раннеисламского общества проекты построения социума на принципах религиозного фундаментализма. Данные идеи были приняты на вооружение рядом террористических организаций, как национального, так и международного характера.

Схожие в своей разрушительности процессы распада единого социокультурного пространства затронули и население бывшего СССР. Утрата социальных ориентиров, резкое падение уровня жизни и деформация единого экономического пространства привели к росту популярности различных форм ислама на территориях новообразованных республик. В некоторых случаях (конфликт на Северном Кавказе) неконтролируемый переход к исламизму был осуществлен в ходе реализации сепаратистского проекта, сами руководители которого на определенном этапе вооруженного противостояния центральной власти утратили контроль за распространением идеологии радикального исламизма в среде сепаратистов.

Осуществляемые как на религиозной, так и на национальной платформе проекты общественного строительства активно эксплуатируют исторические нарративы, которые служат основой социокультурной идентичности сообщества. Среди акторов исторической политики в XXI в. оказались и различные организации радикального исламизма, обратившиеся к (ре)конструированию воспоминаний как для легитимации существующего порядка, так и для оппонирования ему.

Степень изученности проблемы. Несмотря на значительное количество публикаций, связанных с деятельностью организаций радикального исламизма, объем работ, посвященных мемориальной политике исламистских групп и движений, представляется явно недостаточным. Прежде всего, неизученной остается проблема использования в радикальной исламистской пропаганде исторических мотивов и сюжетов, а также их интерпретации в духе радикального исламизма.

Тематика данного исследования делает необходимостью обращение как к исследованиям проблематики политического исламизма и исламского радикализма, так и исследованиям памяти.

Проблематика исламского радикализма в достаточно полной мере разработана как российскими, так и зарубежными учеными. Так, вопросы о месте религиозного компонента в политических процессах ближневосточного региона возникали еще в трудах конца XX в.: работах Л.Р. Полонской и А. Х. Вафа¹, Л.И. Медведко, А. Германовича², Е. М. Кожокина и В. И. Максименко³, З.И. Левина⁴, а также множества иных исследователей. В достаточно полной мере разработана проблематика как общетеоретических⁵ вопросов политического ислама и исламизма, так и его конкретных⁶ региональных проявлений. Помимо специализированных

¹ Полонская Л.Р., Вафа А.Х. Восток: идеи и идеологи. М.: Наука. 1982. 257 с.

² Медведко Л., Германович А. Именем Аллаха. - М.: Политиздат. 1989. 256 с.

³ Ислам и исламизм: Сб. ст. / Рос. ин-т стратег. исслед. (РИСМИ); Под общ. ред.: Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 1999. 238 с.

⁴ Левин З.И. Общественная мысль на Востоке: Постколониальный период, Восточная литература, РАН, 1999 г. 196 с.; Левин З.И. Ислам и национализм (идейный аспект). М.: Наука, 1988. 221 с.; Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. ИВ РАН: Крафт+ 2005 г. 230 с.

⁵ Долгов Б.В. Кризис в Арабском мире и политический ислам. Азия и Африка сегодня, 2020 г., № 6. С.14-20. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005 г. 286 с.; Сикоев Р.Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамаллудин Афгани и его религиозно-политические последователи XX начала XXI в. М.: Аспект Пресс. 2010. 287 с.; Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. 334 с. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. 420 с.; Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма»: аналитический обзор. М.: РАН ИНИОН, 2008. 104 с.; Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Жиль Кепель; пер. с фр. В.Ф.Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468с.

Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. 163 с.; Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения / Р.Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский. М.: Наука, 2010. 300 с.; Наумкин В. В. Изучение исламского радикализма на пост-советском пространстве концепции и подходы. // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. М «Гуманитарий», 2004. 21 с.; Juergensmeyer, M. (2017). Terror in the mind of god: The global rise of religious violence. University of California Press. ;Islamism, Salafism, and jihadism: A primer [Электронный ресурс] // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/07/15/islamism-salafism-and-jihadism-a-primer/> (дата обращения: 12.12.2021)

⁶ 6. Долгов Б.В.Сирийский кризис и феномен «Исламского государства» // Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 103-124 Степанова Е. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные. М.: Науч. кн. 2010. 287 с.; Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М.: Институт востоковедения РАН. 2003. 271 с.; Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос. 2007. 126 с.; Куделев, В.В. «Арабская весна»: марокканский феномен. М.: Ин-т Ближнего Востока. 2017. 341 с.; Хассан Хассан. «Исламское государство». Идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды [Электронный ресурс] / Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2016/12/27/ru-pub-66552> (дата обращения: 04.04.2021)

экспертно-аналитических материалов⁷, научное сообщество активно осмысляет как медиаструктуру исламистов в целом⁸, так и отдельные аспекты пропагандистской деятельности террористов⁹. Подробный анализ условий возникновения и развития региональных движений радикального исламизма представлен в ряде работ Б.В. Долгова¹⁰. Отдельный пласт работ посвящен условиям возникновения социо-политической турбулентности в регионе Ближнего Востока¹¹. Следи исследователей, разрабатывающих данную проблематику, особенно отметим М.А. Сапронову¹²

Работы данных исследователей стали для диссертанта основой при изучении доктринально-теоретических установок и прагматических методов действия организаций радикального исламизма, социо-культурной среды

Islamist movements and the Democratic Process in the Arab World: Exploring the Gray Zones [Электронный ресурс] // Carnegie papers. Middle East Series. Number 67, March 2006. URL: https://carnegieendowment.org/files/cp_67_grayzones_final.pdf (дата обращения: 04.04.2021)

Ibrahim S.E. The Changing Face of Egypt's Islamic Activism. Egypt, Islam and Democracy. Cairo: The AUS Press, 1996. 284 p.

⁷ Ислам в политике: идеология или прагматизм Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, август 2013.; «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад / Под общей редакцией Я.А. Амелиной и А.Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. 226 стр.

⁸ Яшлавский А. Террористическая активность джихадистов из Центральной Азии на Западе // Россия и новые государства Евразии, № 4, 2020. С. 133-149; Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и «Исламское государство» - общее и особенное // АНИ: экономика и управление. 2017. №3 (20).; Шегаев И.С., Царихин В.А. Становление террористического интернационала: организация неуправляемого хаоса. Общество: политика, экономика, право. 2016. №2. С. 37-39; Панкратенко И.Н. ИГИЛ сегодня: на пути к полноценному государству. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. 29 с.

⁹ Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма [Электронный ресурс] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-russkoyazychnogo-dzhihadizma-do-igil-retseptsiya-sovetskogo-kak-rozhdenie-postsovetskogo-radikalizma> (дата обращения: 28.04.2022).

Колозарики П., Ильин А. Исламское медиагосударство // Индекс безопасности, 2015. №2 (113). С. 161-168.

¹⁰ Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). ФГБУН Институт востоковедения РАН. Москва: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.; Долгов Б.В. Сирийский кризис и феномен «исламского государства» // Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 103-124; Долгов Б.В. Исламистские движения в сирийском и иракском конфликтах: геополитический аспект // Исламистские движения на политической карте современного мира. Выпуск 3. Афразийская зона нестабильности – М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 121-129.

¹¹ Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное господство // Свободная мысль, № 1, 2019. С. 169-180; Ермаков А.А., Корнилов А.А., Рыжов И.В. Новый этап палестино-израильского противостояния // Азия и Африка сегодня, № 6, 2016. С.18-22;

¹² Сапронова М.А. Фундаменталистский и демократический «проекты» в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран. Ближний Восток и современность: сб. науч. тр.; выпуск 50 / Институт Ближнего Востока. 2016. С.121-141; Сапронова М.А. Мусульманское представление о государственной власти: исторический аспект и современные концепции // Ислам в мировой политике в начале XXI века. МГИМО МИД РФ, 2016. С. 104-133. Сапронова М.А. Фундаменталистский и демократический «проекты» в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран / М.А.Сапронова // Ближний Восток и современность: сб. науч. тр.; выпуск 50 / Институт Ближнего Востока. — М., 2016. — С.121-141

возникновения и активности политического ислама. Отметим несколько наиболее важных работ и теоретических положений перечисленных авторов, имеющих важность для данного исследования.

Так, одним из наиболее важных проблем остается концептуализация термина «исланизм» и «исламский фундаментализм». А.В. Малащенко обращает особое внимание на различие исламизма, фундаментализма и джихадизма, обращая внимание в своей монографии¹³ и на сложность отношений внутри самой исламской Уммы, которые оказывают влияние на общественное восприятие ислама. Попытки отделить исламизм в качестве политической составляющей религии от собственно ислама однозначно неудачны, на что указывают как зарубежные исследователи¹⁴, так и сами представители исламского мира. В качестве базового определения ислама и исламизма возьмем предложенное А.В. Малащенко понимание исламизма как компонента ислама, нацеленного на реформирование современных мусульманских обществ. Исламисты, таким образом, стремятся к построению современной аналогии государства Пророка VII в., общества чистого ислама без искаживших религию наслоений последующих времен. На основе выстроенного «модерно-архаичного» государства и предполагается совершение стремительного рывка, который бы наглядно доказал превосходство ислама над остальными религиозно-мировоззренческими концепциями¹⁵. Таким образом, грань между консерваторами и реформаторами-фундаменталистами оказывается стертой, что и отмечает В. Наумкин¹⁶. Крайне полезным для исследователя и спустя более тридцати

¹³ Малащенко А.В. Ислам: век XXI. М.: Институт Ближнего Востока; Институт диалога цивилизаций, 2019. 230 с.

¹⁴ Fradkin H. The History and unwritten future of Salafism. Current Trends in Islamist Ideology. 2008. P. 5. Olivier Roy. Political Islam after Arab Spring [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2017-10-16/politicalislam-after-arab-spring> (дата обращения: 05.04.2021)

¹⁵ Малащенко А.В. Ислам: век XXI. М.: Институт Ближнего Востока; Институт диалога цивилизаций, 2019. С 55.

¹⁶ Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2006. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-radikalizm-v-zerkale-povyh-kontseptsiy-i-podhodov> (дата обращения: 01.12.2022).

лет является работа В.А. Тишкова¹⁷, проблематике Первой Чеченской войны. В.А. Тишкову удалось создать многосоставную картину чеченского общества до конфликта и сразу после Хасавюртовских соглашений. Именно методика включенного наблюдения, погружённость исследователя в условия находящегося в вооруженном конфликте общества, делает данную работу крайне ценной в рамках исследования диссертанта.

Также следует отметить ряд диссертационных исследований, являющихся важными для настоящей работы. Работа Д.А. Нечитайло¹⁸ представляет собой комплексный и наиболее полный анализ не только значительного ряда конкретных террористических группировок, но и стратегии глобального радикального исламизма. Автор отмечает, что «чистый ислам является привнесенной идеологией и не имеет прочных корней в массовом сознании, а в основе исламизма лежат преимущественно фундаменталистские, пуританские идеи возрожденцев (ваххабиты) и охранителей реформаторского толка (братья мусульмане и близкие им группы), а это представляет опасность для традиционного образа жизни»¹⁹.

Анализируя исламистские проекты арабских стран, Т.Р. Хайруллин отмечает, что длительный кризис движения арабского национализма, выразившийся в череде военных поражений арабских стран в борьбе с Израилем, вызвал к жизни рост популярности исламистских идей²⁰.

Значимые в контексте данной работы теоретические положения содержатся в исследовании Д. Гараева²¹. Автор рассматривает русскоязычный джихадизм как специфическую практику рецепции советского дискурса. Не можем не согласиться с тезисом автора:

¹⁷ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. 533 с.

¹⁸ Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. стратегия и тактика: дисс. ... доктора политических наук: 23.00.01 / ИВ РАН Москва, 2017. 633 с.

¹⁹ Там же, с. 598

²⁰ Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Институт Африки РАН. Москва, 2018. С. 57

²¹ Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма [Электронный ресурс] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-russkoyazychnogo-dzhihadizma-do-igil-retsepsiya-sovetskogo-kak-rozhdenie-postsovetskogo-radikalizma> (дата обращения: 28.04.2022).

действительно, исламистские тексты северного Кавказа во многом оперируют еще советскими штампами национально-освободительной борьбы и противостояния «русскому империализму», в то время как религиозный компонент общеисламского джихада выражен в относительно небольшой степени.

Завершая обзор работ в области политического ислама, необходимо остановиться на целом ряде исследований явления халифата. Данная тема получила свое развитие в трудах А.М. Абидулина и Н.И. Аюповой²², К. Карпата²³ Т. Арнольда²⁴, Э. Розенталя²⁵, А. Ламбтона²⁶. Также особо выделим работу Карло Налино²⁷, анализирующую феномен османского халифата. В частности, выводы исследователя проливают свет на восприятие власти османского халифа в арабском мире и, в свою очередь, предоставляют объяснение отражение данного исторического периода в сознании исламистов XXI в.

Вторым корпусом теоретических исследований, представляющих важность для данной работы, являются многочисленные труды и публикации в области *memory studies*, приобретшие крайнюю популярность среди исследователей в начале XXI в.

Исследования под общим обозначением *memory studies* совершили значительную эволюцию с момента осмысления проблемного поля, однако оформление в отдельную научную дисциплину не произошло. Во многом этому процессу препятствует чрезвычайно широкий круг затрагиваемых вопросов, отсутствие четко выраженной методологии и фрагментарность исследовательского поля. Так, с помощью понятий «режим памяти»,

²² Абидулин А.А., Аюпова Н.И. Анализа факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хаида II // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. №4, 2016. С. 18-32; Роль традиционных восточных ценностей в процессе легитимации султанской власти в Османской империи на рубеже XIX-XX вв. // Ислам в современном мире. № 3, 2015. С. 95-106

²³ Kemal Karpat. The Politicization of Islam. Oxford University Press, 2001. 533 p.

²⁴ Arnold T.W. The Caliphate. Oxford, Clarendon Press, 1924. 234 p.

²⁵ Rosental E. Islam in Modern National State // Religious Studies , Volume 3 , Issue 1 , October 1967 , pp. 423 - 426

²⁶ Lambton A.K. State and Government in Medieval Islam. Oxford, 1985. 364 p.

²⁷ Nallino C.A. Notes of the «Caliphate» in General and on the Alleged «Ottoman Caliphate». Rome, 1919. 41 p.

«историческая память», «историческая политика» исследователи анализируют крайне широкий круг вопросов, который нередко хаотично смыкается с иными крайне разнородными направлениями научного поиска: изучением национализма, теорией травмы, микроисторией и историей повседневности; изучением как локальных сообществ, так и империй.

Отметим наметившийся в российских исследованиях памяти синтез социокультурной и интеллектуальной истории, который позволяет исследовать, в том числе и в компаративистском ключе, общества с совершенно различным историческим опытом²⁸.

Обилие затрагиваемых и осмысляемых с помощью исследований памяти тем приводит к выводу, что в настоящее время исследования памяти – скорее инструмент, а не самостоятельное направление научного поиска. Данный инструмент адекватен и исследовательской задаче выявления исторических событий, составляющих основу дискретного нарратива радикального исламизма. Для анализа исторического нарратива джихадистской пропаганды особую важность представляет работа Я. Ассмана²⁹ и использующая предложенные этим исследователем концепции «горячей» и «холодной» модальности исторической памяти статья А. Васильева³⁰, анализирующей миф о закате польской государственности. Данный исторический миф по ряду параметров схож с распространенной в джихадистском дискурсе мифологемой о закате мощного и справедливого праведного Халифата времен первых четырех халифов – полагаем, что в обоих случаях задействуются одинаковые механизмы репрезентации исторических событий в исторической памяти.

²⁸ Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.

²⁹ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. Москва: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.

³⁰ Васильев А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти, 2012. С. 215-248.

Также необходимо отметить ряд статей А.В. Баранова, освещающих аспекты мемориальной политики ближневосточного региона³¹. Среди работ исследователя особо выделим семиотический анализ символики династии Пехлеви и современной Исламской республики Иран³².

Образец качественного контент-анализа дискурсивного интернет-пространства северокавказского исламизма представляет исследование С.А. Рагозиной³³, осмысляющее проблемное поле с помощью постструктуралистской теории дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, основанной на идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. Предложенная С.А. Рагозиной методика исследования дискурса северокавказских исламистов может быть с успехом применена и к исследованию иных дискурсивных пространств при условии накопления достаточно большой источниковой базы.

Одним из наиболее значимых компонентов джихадистской пропаганды являются сюжеты, посвященные культурной и исторической травме исламского социума. Исследования травмы также обладают богатой историей и обширным рядом концепций. В рамках данного исследования среди многообразия направлений *trauma studies* следует обратиться к конструктивистской концепции травмы, выдвинутой Дж. Александером³⁴. Согласно выдвинутой концепции, травма является видом рационального ответа на внезапные перемены на личном или социальном уровне. Попытка

³¹ Баранов А. В. Влияние исторической памяти на формирование внешней политики Исламской Республики Иран. // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – Вып. 1. – 280 с. С.51-64; Баранов А.В. Отражение событий 2011 года на страницах «Аш-Шарк Аль-Аусат» // История и историческая память: межвуз. сб. научных трудов / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2019. Вып. 18. С. 79–93; Баранов А.В. Историко-культурный контекст «Ашшур» и «политика памяти» в современном Иране // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С. 164-167; Баранов А.В. Иран и египетская революция 2011 года: восприятия и трактовка // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. – Вып. 12. С. 104-133.

³² Баранов А.В. Мнемонизация исторической памяти в государственной символике Ирана // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2020. Вып. 21. С. 63-81

³³ Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А. Л. Рябиной, Г. В. Лукьянова. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 144 с.

³⁴ Александер Джеффри, Alexander J. C., Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность [Электронный ресурс] // Социологический журнал, 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-identichnost> (дата обращения: 26.04.2022)

осознания травматического события приводит к необходимости изменения реальности, что соотносится с предложенной Я. Ассманом концепцией «горячей» памяти. Таким образом, прослеживается тесная связь между во многом конструируемым травматическим событием и коллективной идентичностью. Согласно этой же концепции, травма не является имманентно присущей обществу характеристикой, но конструируется им как часть коллективной идентичности. Провозглашение травматического события создает травматическое сообщество и способствует запуску социально-политического кризиса.

Травматические нарративы в джихадистском дискурсе фокусируются на целом ряде сюжетов. Среди наиболее важных выделим «колониционный» нарратив, объясняющий проблемы исламского мира исторической эксплуатацией со стороны Запада, память о депортациях (наибольшее выражение данный сюжет нашел в текстах северокавказского радикального исламизма), а также примыкающие к травматическому нарративу конспирологические сюжеты, объясняющие проблемы мусульманского и исламского сообщества как плод сознательного злонамеренного стороннего вмешательства.

Образец исследования нарратива принудительного выселения представляет работа Э.М. Гучиновой, посвященная депортационным нарративам калмыков³⁵. Несмотря на фокусировку работы на личных нарративах, в рамках данного исследования важным компонентом будет понятие постпамяти – представления травматического события на основе социального воображения, а не личного опыта. Применительно к нарративам о депортации северокавказских народов, а также сюжетам об извечном противостоянии Кавказа с Россией (и империей вообще) концепция постпамяти является наиболее адекватной для анализа: доступные для

³⁵ Гучинова Э.М. Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования. 2021, №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-kalmyki-rasskazyvayut-o-deportatsii-diskursivnye-strategii-narrativa> (дата обращения: 16.04.2022)

исследования материалы базируются не на личных воспоминаниях исторических событий, а конструируются в пределах социальных рамок памяти.

Объектом исследования является идеология современного радикального исламизма, рассмотренная на примере деятельности международной террористической организации (МТО) «Исламское государство» (ИГ)*, террористической организацией «Имарат Кавказ»* и движения «Таблиги Джамаат»*.

Предметом исследования выступают исторические нарративы и пространственно-временные представления, задействованные в дискурсах данных организаций (движений).

Цель и задачи исследования. Цель данной работы состоит в изучении структуры исторического нарратива современного радикального исламизма и выявлении его компонентов и взаимоотношений между ними.

Реализация поставленной цели требует выполнения следующих **задач**:

1. Охарактеризовать организации «Исламское государство», «Имарат Кавказ» и Таблиги Джамаат, определить их специфичные черты в сравнении с иными представителями радикального исламизма;
2. Выявить исторические события, которым в дискурсе радикального исламизма приписывается травматический характер;
3. Обозначить метафорические средства, присущие дискурсу радикального исламизма;
4. Выявить свойственные организациям радикального исламизма темпоральные и пространственные представления с учетом принадлежности исламистских проектов к «глобальному» или «локальному» измерению.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 по 2020 гг. Нижняя граница обусловлена провозглашением «Халифата» лидером

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

«Исламского государства» Абу Бакром аль-Багдади в 2014 г. Воссоздание «Халифата» стало важнейшим событием для радикального исламизма, так как на короткое время ИГ воплотило в жизнь один из радикальных проектов преобразования общества по образцу «чистого» ислама. Масштабные военные успехи, а также активно освещавшееся пропагандистским аппаратом государственное строительство способствовали росту популярности экспансионистского направления радикального исламизма в 2014–2016 гг. Следует отметить, что в некоторых случаях мы вынуждены отступить от нижней границы, например, при анализе доктринальных противоречий между Аль-Каидой, послужившей фундаментом для многих современных организаций радикального исламизма, и возникшим на ее основе и затем вставшим в оппозицию «Исламским государством».

Определение верхней границы обусловлено следующими причинами. В 2019–2020 гг. произошло фактическое исчезновение «Исламского государства» как государственной структуры на территории Сирии. Оно редуцировалось до разрозненных партизанских отрядов и террористов-одиночек. Тем не менее, пропагандистские материалы ИГ продолжали публиковаться в Интернете, но их появление перестало носить массовый и организованный характер, как это было во время расцвета «Халифата». Также по состоянию на 2020 г. все три упомянутые нами организации («Исламское государство», «Имарат Кавказ», Таблиги Джамаат) находились в примерно одинаковом состоянии. Они утратили твердый контроль над территориями и были вынуждены либо перейти от попыток государственного строительства к подпольному существованию (ИГ, «Имарат Кавказ»), либо сосредоточиться на создании сети ячеек-групп единомышленников для продолжения своего существования (Таблиги Джамаат). Следует отметить, что кардинально различающиеся стратегии данных акторов предполагают и разные перспективы их дальнейшей деятельности.

Выбор исследуемых организаций продиктован, с одной стороны, относительной доступностью источников, с другой – перекрываемым спектром радикального исламизма. Так, МТО «Исламское государство» является представителем экспансионистского направления, в то время как «Имарат Кавказ» – джихадистским движением с национально-сепаратистской предысторией и значительной ориентацией на национализм. Движение «Таблиги Джамаат» представляет иной вариант исламистского проекта, не направленного на преобразование мира путем силового давления (подобно ИГ), внедрения в политическую сферу жизни общества (различные ближневосточные организации, «Хизб ут-Тахрир») или эксплуатацию национального чувства («Имарат Кавказ» или «Талибан»). Оно нацелено на путь мистического самосовершенствования своих последователей и возврат к истинному и чистому исламу, пропаганду религиозных ценностей «от двери к двери» при участии не профессиональных миссионеров, а обычных верующих.

Обзор источников. Основу источниковой базы диссертации составляют материалы джихадистской и исламистской пропаганды, разделенные на несколько групп. Первую группу источников составили периодические издания МТО «Исламское государство» и материалы аффилированных с ним джихадистских групп. Данный корпус источников представлен следующими материалами:

1. Англоязычным журналом «Dabiq», 11 выпусков;
2. Англоязычным журналом «Rumiyah», 7 выпусков;
3. Русскоязычным журналом «Исток», 4 выпуска;
4. Русскоязычным журналом «Hidaya», 2 выпуска;
5. Одним выпуском русскоязычного журнала «Furat.Press»;
6. Многочисленными визуальными материалами «стихийной» джихадистской пропаганды, обнаруженных преимущественно на платформе мессенджера Telegram.

Периодические издания «Исламского государства», составляющие основу первой группы источников, распространяются в виде pdf-файлов в джихадистских интернет-группах или доступны к скачиванию на различных файлообменниках. Важность рассмотрения данных источников объясняется их декларативным характером и их ролью в качестве идейной основы наиболее радикального исламистского движения современности. Кроме того, материалы данной категории содержат важные в контексте данной работы ярко выраженные мировоззренческие установки джихадизма, а также, в имплицитной форме, сведения об устройстве темпоральной схемы современного джихадизма.

Вторая категория источников связана с организацией «Имарат Кавказ». Источники этой группы носят более локальный характер, в значительно меньшей степени уделяя внимание глобальным вопросам религии и мировоззрения. Данная источниковая группа преимущественно представлена материалами сайта «Кавказ.Центр», «Чечен.инфо» и некоторых иных связанных с данными сайтами ресурсов.

Отметим, что национальная повестка в материалах данной группы безусловно превалирует над общеисламскими вопросами развития Уммы и глобального джихада. Несмотря на то, что провозглашение «Имарата Кавказ» в 2007 г. декларировало перетекание национально-сепаратистского северокавказского проекта в радикальное религиозное движение, национальный компонент (особенно в том, что касается культурной травмы Северного Кавказа), по-прежнему удерживает позиции в пропаганде северокавказских радикалов.

В рамках осуществления экспертной деятельности нам также удалось проанализировать некоторые практики членов движения «Таблиги Джамаат». Изучение миссионерских поездок (т.н. «сафары»), практикуемых сторонниками этого мистического направления ислама, дает ценный материал для анализа практик конструирования пространства воображения и вненаходимости.

При анализе стратегий двух наиболее ярких представителей радикального исламизма – «Аль-Каиды» и «Исламского государства» в качестве источниковой базы привлекалась внутренняя переписка руководства «Аль-Каиды» и ее иракского отделения, будущего «Исламского государства».³⁶

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- На основе источников джихадистской пропаганды раскрывается специфика временных представлений организаций радикального исламизма и особенности построения исторического нарратива данных организаций;
- Выявлен потенциал развития джихадистских проектов «нового поколения» и риски, присущие данному пути развития современного джихадизма по сравнению с «традиционными» акторами джихадизма;
- Выявлена роль метафор в дискурсе радикального исламизма и легитимации джихадистских политико-религиозных идеалов.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что они развивают теоретико-методологическую базу анализа пропагандистских материалов радикально-исламистского характера. **Практическая значимость** полученных результатов проявляется в том, что они ориентированы на применение в ходе деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, а также в процессе осмысления и выработки стратегии защиты от угроз радикального исламизма.

Выводы и рекомендации, приведенные в заключительной части исследования, могут быть использованы:

1. Для дальнейшего научного осмысления пропагандистских методик организаций радикального исламизма

³⁶ Zawahiri's Letter to Zarqawi [Электронный ресурс] // Combating Terrorism Center at Wes Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/> (дата обращения: 12.06.2021)

Atiyah's Letter to Zarqawi [Электронный ресурс] // Combating Terrorism Center at Wes Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/atiyahs-letter-to-zarqawi-original-language-2/> (дата обращения: 12.06.2021)

2. Для научной и преподавательской деятельности в ходе разработки учебных курсов и пособий как по современным деструктивным религиозным организациям, так и по проблематике мемориальной политики и использованию исторических нарративов в пропагандистской деятельности

Для решения широкого круга экспертно-прикладных задач в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации.

Методологическая база исследования.

Для разграничения фигурирующих в работе понятий «ислам», «исламизм», «джихадизм», «салафизм» нами использована схема, предложенная А.В. Малащенко³⁷. Так, под исламизмом (политическим исламом) в данном исследовании понимается общее определение для выражения политической составляющей ислама. В рамках исламизма возможна реализация концепций различной степени радикальности: от стремления контролировать общество легальными путями (вхождение в круг политических элит путем выборов) до бескомпромиссного вооруженного противостояния государственным институтам. Общим стремлением исламистских движений является нацеленность на реформирование религии, под которым понимается перестройка общества по религиозным, кораническим предписаниям.

Радикальным, экстремистским направлением исламизма является джихадизм, в основе которого лежит принцип индивидуального (фард аль-айн) долга каждого верующего вести вооруженный джихад во имя веры. Несмотря на то, что первоначальное значение слова «джихад» обозначает всякое усилия (и усилие во имя прославления веры в т.ч.), современный джихадизм фокусируется именно на религиозной вооруженной борьбе. Концепция вооруженного противостояния противникам религии также присутствует в исламском вероучении, однако такой джихад именуется «малым», в то время как усилия мусульманина по самосовершенствованию

³⁷ Малащенко А.В. Ислам: век XXI. М.: Институт Ближнего Востока; Институт диалога цивилизаций, 2019. С 55.

(учеба, прилежное исполнение религиозных обрядов и т.д.) – «большим джихадом».

Салафизм – религиозное течение, сторонники которого ориентированы на возвращение к истокам ислама, образу жизни первого исламского поколения (саляф салихун, «праведные предки»). Несмотря на то, что первоначально салафизм ориентирован именно на духовно-обрядовую составляющую, современный салафизм тесно связан с политической сферой общества. Являясь исламским фундаментализмом, салафизм в борьбе за возвращение к истокам веры (усуль ад-дин) не может оставаться в рамках исключительно духовной жизни.

Фокусирование внимания на историческом нарративе и практике воспоминания/конструирования прошлого организациями радикального исламизма прежде всего заставляет нас обратиться к богатым методологическим наработкам в области *memory studies*. К настоящему моменту опубликовано множество работ в данном направлении, однако их методологическое оформление так и не было произведено в должной мере³⁸. Этому процессу во многом препятствует чрезвычайно широкий круг затрагиваемых вопросов, отсутствие четкой методологии и фрагментарность самих исследований. Используя понятия «режим памяти», «историческая память», «историческая политика» исследователи осуществляют работу по самым разным направлениями научного поиска: изучению национализма, теории травмы, микроистории и истории повседневности, локальных сообществ и имперских проектов. По этой причине в рамках нашего исследования необходимо ориентироваться прежде всего на публикации, наиболее близкие к его тематике. В частности, отметим наметившийся в российских исследованиях памяти синтез социокультурной и интеллектуальной истории, позволяющий изучать, в том числе и в компаративистском ключе, общества с совершенно разным историческим

³⁸ Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 21-26.

опытом. Данное направление во многом реализуется в работах Российского общества интеллектуальной истории³⁹. Используемые в них концепции исторической памяти позволяют анализировать национальные идентичности, имагологические представления различных сообществ, восприятие травматических событий и иные масштабные явления социокультурной жизни.

Ключевое для данной работы понятие нарратива определяется как сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий⁴⁰. События-фрагменты исторического нарратива также могут быть развернуты в самостоятельные повествования о прошлом. Репертуар идей, образов, символов и мифов о прошлом, разделяемых группой, формируют коллективную память. В инфраструктуру коллективной памяти включены тексты (основной объект нашего внимания), праздники, ритуалы, символы и названия социально значимых объектов. Символические объекты, формирующие основу коллективной памяти, обеспечивают общность воспоминаний для будущих поколений⁴¹.

Одним из ключевых понятий в российских исследованиях исторической памяти является режим памяти, который можно обозначить как процесс легитимации и делегитимации каких-либо исторических нарративов конкурирующими группами, а также доминирование и маргинализацию версий конкретных событий и исторических периодов⁴². Именно такую борьбу за строгие рамки интерпретации прошлого мы можем наблюдать, в частности, в пропагандистских материалах «Имарата Кавказ»: усилия

³⁹ Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.; История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006. 768 с.; Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л. П. Репиной М.: Аквилон, 2017. 400 с.

⁴⁰ Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. С. 19

⁴¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 32.

⁴² Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. С. 26-39

исламистов направлены на оспаривание господствующего исторического нарратива о чеченских кампаниях, а также об исторических взаимоотношениях Российского государства и народов Кавказа.

Преимущественно текстовый характер исследуемых нами пропагандистских материалов радикального исламизма делает обоснованным применение методов политической лингвистики при анализе эксплуатируемых радикальной пропагандой метафорических моделей⁴³. Метафора является одним из наиболее сильных средств воздействия на сознание аудитории и трансляции политических концепций. Она служит не только средством познания мира⁴⁴, но и инструментом преобразования существующей в сознании адресата картины мира. При сопоставлении различных метафор, формирующих и дополняющих пропагандистские тексты, становится возможным выявление определенной метафорической модели, характерной для изучаемого дискурса. Сама же метафора воспринимается нами как основная ментальная операция, направленная на категоризацию и познание мира.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дискурс современного исламизма обладает многокомпонентной структурой, к наиболее важным элементам которой следует отнести метафорическую составляющую и активно эксплуатируемые исламистской пропагандой исторические нарративные конструкции. Так, в развитой структуре джихадистского исторического нарратива, присущей «Исламскому государству», следует выделить активную эксплуатацию образа «золотого века ислама», апелляцию к Аббасидскому халифату, обозначение 2014 г. как рубежной точки в истории исламской уммы (провозглашение халифата Абу Бакром аль Багдади). Исторический нарратив, присущий региональному измерению джихадизма (Имарат Кавказ) в большей мере сосредоточен на

⁴³ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. - М.: Флинта, 2020. 256 с.

⁴⁴ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

локальных исторических событиях, таких как покорение Кавказа в XIX веке, период реализации проекта независимого чеченского государства в конце XX в. Негативное отношение к сепаратистскому проекту «Ичкерии» тем не менее не препятствует включению последнего в связную историческую картину прошлого;

2. Дискурсу современного исламизма присущи особые представления об организации времени и пространства. В частности, пропаганда «Исламского государства» строится на противопоставлении профанного и сакрального пространства, а жизненный путь акторов пропаганды представлен как мистическое путешествие из профанного пространства (Дуньи) в сакральное (Ахират) посредством перемещения на подконтрольные боевикам «территории ислама» (Дар аль-Ислам). Крайне важное место в организации пространственно-временной картины мира пропаганды занимает ряд географических точек: для пропаганды «Исламского государства» таковыми являются города Дабик и Константинополь. «Места памяти» северокавказского исламизма обладают меньшим сакральным значением, являясь скорее точками сборки идентичности, а не сакрально нагруженными символами. Пространство паломничества (сафара), в котором осуществляют свою деятельность члены «Таблиги Джамаат», также пронизано смыслами святости и очищения;

3. Конструирование пространственно-временной схемы дискурса радикального исламизма происходит посредством включения в повествование нарратива о прошлом мусульманской уммы. Так, в случае пропаганды северокавказского исламизма, современный конфликт в регионе оказывается опрокинут в прошлое и является частью не только борьбы мусульман Кавказа против Российской империи, но и соотносится с идеей о падении великих империй прошлого (Рим, Византия). Исторический нарратив «Исламского государства» в значительной мере основан на представлениях о золотом веке исламской цивилизации и ранних временах

ислама, в то время как длительный период Османского халифата не артикулируется;

4. Значимое место в предлагаемой «Исламским государством» временной схеме занимают мифосимволические элементы, обнаруживающие определенное сходство с проанализированными Э. Смитом этническими мифами. Так, довольно четко прослеживается выделенная Э. Смитом апелляция ко временам «праведных предков»: в данном случае таковыми является период Праведного халифата (правление первых четырех халифов), а также халифата Аббасидов. Эпоха праведных предков (салафитов) сменяется длительным периодом упадка, который достигает своего пика уже в XX веке в виде договора Сайкса-Пико. В отличие от выделенной Э. Смитом идеи восстановления золотого века (данный концепт проявился в виде провозглашения Халифата в 2014 г.), конечной точкой усилий джихадистов является эсхатологическая битва при Дабике: достижение данной цели неявно артикулировалось в средствах пропаганды «Исламского государства».

Апробация и степень достоверности результатов исследования.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается комплексным анализом событий и материалов, а также обширной историографической и источниковой базой.

Ключевые положения диссертации были представлены на 1 всероссийской и 4 международных научных конференциях, изложены в 7 статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК.

Диссертационное исследование проведено в рамках реализации проекта РФФИ 20-39-90017 «Символическое поле современного исламизма».

Структура диссертации. Исследовательская работа состоит из трех глав. Первая глава, «Глобальный и региональный варианты радикального исламизма в конце XX - начале XX вв.», содержит сравнительный стратегий некоторых акторов радикального исламизма: Аль-Каиды, Исламского государства, движения «Таблиги Джамаат» и регионального представителя радикального исламизма, «Имарата Кавказ».

Вторая глава, «Исторический нарратив и категория пространства исламистской пропаганды», содержит анализ исторических конструкторов пропаганды радикального исламизма, а также категории пространства, оформляющей джихадистскую пропаганду.

Третья глава, «Практики легитимации современного исламизма», посвящена анализу метафорических моделей, с помощью которых радикальный исламизм стремится к оправданию своих действий в глазах внешней аудитории. Кроме того, используемые пропагандистскими текстами метафорические модели в имплицитной форме демонстрируют временные представления сторонников радикального исламизма, тем самым демонстрируя темпоральную картину джихадистской пропаганды.

ГЛАВА 1. ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

1.1. «Исламское государство» как ведущий проект радикального исламизма

Всеобъемлющие процессы глобализации формируют характер вызовов, которые предстают перед современным обществом. Влияние глобализации не обошло стороной и негосударственных акторов международных отношений, в том числе и террористические организации. Организации радикального исламизма по-разному ответили на вызовы процессов мировой интеграции и предложили разные варианты развития и выживания.

Среди множества джихадистских организаций нам представляется важным анализ лишь некоторых проектов радикального исламизма, которые воплощают в себе различные стратегии выживания и взаимодействия с окружающим миром. Организацией, создавшей образ современного радикального исламизма, стал бывший филиал Аль-Каиды в Ираке (ныне - «Исламское государство»), руководство которой в 2013 г. окончательно размежевалось с Аль-Каидой.

Источниками данного раздела исследования послужил ряд документов, принадлежащих Аль-Каиде и ее филиалам, а также «официальные» электронные издания «Исламского государства». К числу источников первой категории относятся письма руководства Аль-Каиды главе иракского отделения организации (зачатку будущего «Исламского государства») Абу Мусабе аз-Заркави⁴⁵. Отправителями писем являются высокопоставленные приближенные Усамы бен Ладена: Айман Мухаммед аз-Завахири (будущий руководитель организации после гибели Бен Ладена) и Атии Абд ар-Рахмана (выходец из Ливии, заместитель Усамы бен Ладена, погиб в 2011 г. на

⁴⁵ Zawahiri's Letter to Zarqawi // Combating Terrorism Center at Wes Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/>
Atiyah's Letter to Zarqawi// Combating Terrorism Center at Wes Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/atiyahs-letter-to-zarqawi-original-language-2/>

северо-западе Пакистана). Кроме того, мы анализируем ряд электронных изданий «Исламского государства»: журналы «Dabiq» и «Rumiyah», а также русскоязычный журнал «Hidayah».

За длительную историю своего развития группы и течения политического ислама прошли путь от небольших религиозно-политических обществ до хорошо организованных международных организаций. Ряд религиозно-политических потрясений конца XX в. реформировал исламизм, в значительной степени приведя к его радикализации. К середине первого десятилетия XXI в. оформились две стратегии радикального крыла исламизма.

Первая из них была представлена более «традиционным» актором радикального исламизма – Аль-Каидой, и во многом определялась подпольно-партизанской структурой организации. Развитая региональная сеть ячеек, способность наносить мощные удары за пределами родного региона, а также ориентация на первоочередное освобождение Ирака от американского присутствия позволили занять Аль-Каиде твердые позиции в регионе Леванта, а также стать зонтичной организацией для множества иных джихадистских группировок.

Вторая стратегия радикального исламизма нашла свое выражение в «Исламском государстве», громко заявившем о себе в ходе Сирийского конфликта. Данная стратегия базировалась на амбициозной для негосударственного актора цели создания универсального «исламского» государства – всеобъемлющего Халифата. Внимание к первоначально одной из множества джихадистских группировок привлекалось не только очевидной амбициозностью цели (ИГ не собиралось ограничиваться национальными территориями, но всячески декларировало расширение своего влияния на весь мир), но и очевидным на первых порах несоответствием сил тогда еще регионального отделения Аль-Каиды и иных участников конфликта. Тем не менее, расцвет ИГ в качестве квазигосударственной структуры резко подорвал авторитет Аль-Каиды и

даже вызвал раскол в иных джихадистских организациях, таких как Имарат Кавказ.

В широком смысле конфликт двух террористических организаций сводится к несовместимым принципам их методологически-доктринального базиса. Так, в основу идеологии Аль-Каида, несмотря на все свои возможности устройства крупномасштабных терактов (что наиболее ярко продемонстрировали террористические акты 11 сентября), была положена идея изгнания американцев с территории Ближнего Востока и уничтожения Израиля как государства. Преследуя цель освобождения территории, Аль-Каида декларировала готовность прислушиваться и руководствоваться мнением местного населения, и даже включать в состав «консультационных советов» немусульман в целях консолидации местного сопротивления. Террористические акты против шиитов, практиковавшиеся аз-Заркави, обозначались руководством Аль-Каиды как вредоносные, подрывающие доверие к организации среди местного населения.

В рассматриваемый нами временной период Аль-Каида представляла собой сеть подпольных ячеек, не претендующих на силовой захват власти на сколь-нибудь обширной территории. Бывший заместитель Бен Ладена (до июля 2022 г. – глава организации) Айман аз-Завахири в переписке с руководителем иракского отделения Аль-Каиды (будущее «Исламское государство») Абу Мусабом аз-Заркави обращал особое внимание на важность положительного имиджа организации среди местного населения: Аль-Каида планировала прийти к власти в регионе Ближнего Востока исключительно с помощью народной поддержки и только после изгнания американцев из региона.

Не следует сводить деятельность Аль-Каиды в начале XXI в. исключительно к региональной повестке. В доктрине организации присутствует и элемент панисламизма: в сочетании с авторитетом организации это позволило Аль-Каиде стать зонтичной организацией наподобие движения «братьев-мусульман». В отличие от организации

«Братьев», продемонстрировавших способность действовать в легальном политико-правовом поле, Аль-Каида представляет собой воплощение радикального крыла исламизма. Примером международного вектора политики Аль-Каиды стало китайское направление действий организации: исламистские группировки Синьцзяна получали боеприпасы и финансы от Аль-Каиды, готовили боевиков на базах организации. На базе «Исламского движения Восточного Туркестана» в 2013 г. возникло и китайское отделение Аль-Каиды⁴⁶.

В 2014 г. Аль-Каида предприняла попытку расширения на восток путем создания «филиала Аль-Каиды на Индийском субконтиненте», члены которого отметились попыткой угона пакистанского фрегата «Зульфикар»⁴⁷. Такие же отдельные акты террора (зачастую с большим количеством жертв) присущи и иным региональным отделениям. Так, одна из наиболее хорошо организованных и вооруженных исламистских группировок, алжирская «Салафитская группа проповеди и джихада», присоединившаяся к Аль-Каиде в 2006 г., обладала возможностью проводить операции на широком географическом пространстве, однако так и не предприняла попыток захвата территории⁴⁸.

Отметим, что деятельность всех региональных отделений Аль-Каиды нацелена на отдельные акты терроризма, но не на захват территории. Центральное место в политике организации отводится все же захвату власти на Ближнем Востоке; глобальный халифат видится скорее в качестве отдаленной цели, достижение которой возможно лишь после поражения «дальнего врага» в родном регионе организации.

Тем не менее, идеологами организации не ставилось под сомнение возможность достижения конечной цели. Так, в качестве пророческого

⁴⁶Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» в Китае [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2014. №5 (263). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-v-kitae> (дата обращения: 30.03.2021)

⁴⁷Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и «Исламское государство» общее и особенное [Электронный ресурс] // АНИ: экономика и управление. 2017. №3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-i-islamskoe-gosudarstvo-obschee-i-osobennoe> (дата обращения: 30.03.2021)

⁴⁸Солдатов А. Почерк «Аль-Каиды» в Магрибе [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2007. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pocherk-al-kaidy-v-magribe> (дата обращения: 30.03.2021)

оправдания неизбежности установления всемирного Халифата приводятся следующие строки из авторитетного сборника хадисов имама Сахих Муслима: «Поистине Аллах показал мне землю от востока до запада. Поистине господство моей общины распространится до показанных мне земель»⁴⁹.

В частности, данный хадис послужил основой для заявления одного из идеологических лидеров аль-Каиды на Аравийском полуострове, Анвара аль-Авлаки. Аль-Авлаки торжественно предсказал грядущую безудержную экспансию исламистов, предостерегая противников о бесполезности попыток избежать поражения. Пространство экспансии, в представлении пропагандиста, охватывает все мироздание и не имеет пределов⁵⁰.

Джебхат ан-Нусра как воплощение стратегии Аль-Каиды*

В развитии Сирийского конфликта значительную роль сыграл филиал Аль-Каиды в Сирии, известный как Джебхат ан-Нусра («Фронт победы»). Краткое рассмотрение истории данной организации проливает свет на основные методики Аль-Каиды (в том числе - в условиях многоакторного Сирийского конфликта).

Изначально функционируя в качестве регионального представительства Аль-Каиды, Джебхат ан-Нусра, отколовшись от материнской организации, волилась в ряды иной террористической организации, Хайят Тахрир аш-Шам* («Организация освобождения Леванта»). Несмотря на факт размежевания с Аль-Каидой, действия организации в период до 2016 г. представляли собой воплощение гибкой стратегии аз-Завахири, способной к адаптации под региональные условия.

Так, на первом этапе своего существования Джебхат ан-Нусра не только не афишировала свои связи с Аль-Каидой, но и сумела наладить достаточно прочные контакты в среде сирийской оппозиции. Свидетельством

⁴⁹Сахих Муслим // Сборник достоверных хадисов имама Муслима, 2889

⁵⁰ Анвар аль-Авлаки. Аллах готовит Умму для победы

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

этого являются протесты, заявленные сирийскими оппозиционными группами после признания организации в качестве террористической со стороны США⁵¹.

Как и Аль-Каида в Ираке, Джебхат ан-Нусра ярко проявила свой зонтичный характер, предоставляя различным джихадистским группам возможность консолидации под крылом организации. Лидер организации Абу Мухаммад аль-Джулани в предоставленном Аль-Джазире интервью прямо заявил о поддержке сирийских оппозиционных групп в 2012 г. с целью трансформации оппозиционной борьбы в полноценную гражданскую войну⁵².

От своего прародителя организация унаследовала гибкость и умение совершать тактические маневры, приспосабливаясь к местным условиям. При этом на этапе аффилированности с Аль-Каидой руководством организации не подвергалась сомнению конечная цель – установление исламского правления на контролируемой территории как шаг к построению глобального Халифата⁵³. О важности «передового отряда» Аль-Каиды в Сирии свидетельствует контроль со стороны материнской организацией над отрядами Джулани. Так, известно о прибытии эмиссаров Аль-Каиды в зону Идлиба. Таковыми стали две высокопоставленные фигуры - Абу Мохаммед аль-Мисри и Абу аль-Хайр аль-Мисри. Примечательно присутствие и иорданца Абу Халеда аль-Арури, заместителя и зятя Аз-Заркави.

Примечательно, что после отделения Джебхат ан-Нусры от основной организации, роль сирийского представительства Аль-Каиды в регионе стала выполнять группировка «Хурас ад-Дин», возглавляемая тем же Халедом аль-Арури (погиб в июне 2020 г. в результате атаки беспилотника)⁵⁴. Таким образом, Аль-Каида предпочла не прямое присутствие в регионе, но

⁵¹ Jennifer Cafarella. Jabhat Al-Nusra in Syria [Электронный ресурс] / Institute for the Study of War. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/JN%20Final.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).

⁵² Там же

⁵³ Charles Lister. Profiling Jabhat al-Nusra / The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper. P. 23 (дата обращения: 25.05.2020).

⁵⁴ США ликвидировали лидера сирийской «Аль-Каиды». 25.06.2020 [Электронный ресурс]. Коммерсантъ: Официальный сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391295> (дата обращения: 18.08.2020)

представление аффилированными организациями. Такая стратегия обладает как преимуществами, так и недостатками. Так, проведение политики головной организации посредством местных радикальных группировок было направлено на повышение доверия местного населения к джихадистам. Однако, как показывает пример ИГ и Джебхат ан-Нусры, далеко не всегда материнская организация способна обеспечить лояльность местных группировок: отход может произойти как в сторону радикализма (как в случае Исламского государства), так и по направлению к легитимации группировки и ее слиянию с силами «исламской оппозиции», что продемонстрировал разрыв с руководством Джебхат ан-Нусры. Одним из важнейших преимуществ «Аль-Каиды» на данном этапе развития организации являлась долгосрочная стратегия, направленная на инфильтрацию в среду местного населения, тщательная пропагандистская работа в местной среде. Опора на широкую народную поддержку, выстраивание организации вокруг народных масс позволяет отнести Аль-Каиду к организации «маоистского типа»⁵⁵. Кроме того, допускаемая высшим руководством организации гибкость в религиозных вопросах (в том числе и в отношении шиитов) расширила возможности организации в среде местного населения, значительно увеличив круг потенциальных сторонников. Более того, как явствует из письма заместителя Бен Ладена Аймана аз-Завхаири, адресованного главе иракского отделения Аль-Каиды, религиозно-политическая доктрина организации допускала адаптацию ислама к конкретным местным условиям. Практикуемое Аль-Каидой создание «аффилированных» организаций обеспечило одновременно и уход головной организации от ударов противника, и возможность легитимации самой Аль-Каиды (либо ее части) при благоприятных условиях. Воплощением данной стратегии стала группировка «Джебхат ан-Нусра». В

⁵⁵Daveed Gartenstein-Ross, Jason Fritz, Bridget Moreng, Nathaniel Barr. Islamic State vs. Al-Qaeda [Электронный ресурс] / New America // International Security. 2015. 44 p. URL: https://static.newamerica.org/attachments/12103-islamic-state-vs-al-qaeda/ISISvAQ_Final.e68fdd22a90e49c4af1d4cd0dc9e3651.pdf (дата обращения: 20.08.2020)

отличие от ИГ, Аль-Каида не придерживалась практики такфиризма (обвинение в вероотступничестве мусульман, не разделяющих взгляды джихадистов), уклонившись от бескомпромиссного противостояния с иными джихадистскими группировками. Такая позиция позволила группировке стать зонтичной организацией, под сенью которой действуют иные, более мелкие исламистские организации. Авторитет Аль-Каиды, подтвержденный длительным противостоянием с западным миром, позволил организации играть роль посредника в конфликтах, возникающих в джихадистской среде: эмиссары Аль-Каиды неоднократно играли роль арбитров в ходе сирийского конфликта. Скрытый подход к проведению операций, внешне незаметная работа среди населения позволили Аль-Каиде накапливать силы, выжидая удобного момента для нанесения удара, а принцип опоры на сеть ячеек придал Аль-Каиде удивительную жизнеспособность. В то время как привязанные к определенной территории группировки, не обладая военным потенциалом противостоящих им традиционных акторов международных отношений, рано или поздно сдавали свои позиции, Аль-Каида оказалась способна существовать в условиях сколь угодно сильного давления.

Однако у выбранной руководством организации стратегии были и очевидные недостатки; полагаем, что важнейшим из них являлся сознательный отказ от государственного строительства и полномасштабного контроля территорий, который сделал организацию неспособной к открытому военному противостоянию с государственными акторами. В силу разрозненности группировки и отсутствия развитой инфраструктуры (далеко не всегда руководители центральной организации осведомлены о положении дел в региональных отделениях⁵⁶) руководство Аль-Каиды оказалось не всегда способно контролировать действия филиалов. Подтверждением этому стали события 2014 г., когда руководство иракского отделения выбрало альтернативный проект строительства Халифата и провозгласило отход от

⁵⁶Zawahiri's Letter to Zarqawi // Combating Terrorism Center at West Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/>

Аль-Каиды. Похожая судьба постигла и наиболее успешный проект Аль-Каиды - в конечном итоге руководство Джебхат ан-Нусры откололось от материнской организации, войдя в объединение группировок Джейш аль-Фатх. К недостаткам, налагаемым на организацию сетевым принципом, следует отнести полную неспособность вести полномасштабные боевые действия с задействованием широкого спектра вооружений, и, как следствие, отсутствие контроля сколь-нибудь значительной территории на всем протяжении истории существования организации. За все время своего существования Аль-Каида, в отличие от ИГИЛ, нимало не приблизилась ни к изгнанию американцев, ни к построению халифата. На фоне столь скромных успехов Аль-Каиды (или точнее, их отсутствия) удивительно хорошие результаты продемонстрировали филиалы организации, возникшие в ходе сирийского конфликта. Так, террористическая организация «Джебхат ан-Нусра» смогла не только закрепиться в зоне Большого Идлиба, но и в значительной мере легитимироваться, создав очередное правительство Сирии, оппозиционное Дамаску⁵⁷.

Нарастающие с момента «Арабской весны» процессы турбулентности в регионе открыли перед Аль-Каидой ряд возможностей для роста и развития. Аль-Каида обладает значительным опытом организации масштабной работы с населением, создания сети подпольных ячеек, а также солидным запасом авторитета, накопленного за время долгого противостояния в Ираке. В условиях масштабного регионального кризиса и экспоненциального роста джихадистских группировок руководство Аль-Каиды приложило значительные усилия для объединения под своим «джихадистским брендом» иных исламистских организаций. Использование «дочерних» группировок показало себя эффективным инструментом в борьбе с иными джихадистскими группировками, не признающими авторитет Аль-Каиды. Так, в западных

⁵⁷ «ХайятТахрираш-Шам»: как бывшая «Джебхат ан-Нусра» движется к легализации. 10.12.2020. [Электронный ресурс]. РИА ФАН. URL: <https://riafan.ru/1350518-khaiyat-takhrir-ash-sham-kak-byvshaya-dzhebkhath-an-nusra-dvizhetsya-k-legalizacii> (дата обращения: 02.01.2021)

СМИ уже высказывались идеи использования «Джебхат ан-Нусры» в качестве инструмента борьбы с «Исламским государством» и силами САА⁵⁸. Данный факт иллюстрирует успешность внедрения в легальное политическое поле джихадистских группировок, аффилированных с Аль-Каидой. Необходимо отметить и специфику борьбы с терроризмом в регионе Ближнего Востока: некоторые региональные акторы активно использовали террористические группировки в проведении своей внешней политики. Так, известно о работе Управления Разведки Саудовской Аравии с рядом салафитских групп региона⁵⁹.

В конце января 2017 г. произошло слияние сирийского отделения Аль-Каиды «Джебхат Фатх аш-Шам» с рядом иных джихадистских группировок, что в итоге привело к созданию объединения «Хайят Тахрир аш-Шам». Данные трансформации позволили аффилированным с головной организацией группировкам отойти от зловещего образа прародительницы и влиться в легальное политическое поле, сохраняя при этом доктринальные установки материнской организации.

После гибели Бен Ладена в 2011 г. «центральное ядро» группировки вошло в период длительного кризиса. Данное обстоятельство привело к возрастанию роли региональных отделений организации; чрезмерная самостоятельность местных лидеров привела к утрате со стороны руководства контроля за принятием стратегических решений, что значительно осложнило выработку единой стратегии⁶⁰.

Отдельным немаловажным фактором в условиях современного многовекторного конфликта стала отсталость организации в плане медийно-агитационного аппарата. Так, присутствие конкурента Аль-Каиды, «Исламского государства», в информационном поле несоизмеримо выше, что

⁵⁸ Petraeus explains how jihadists could be peeled away to fight ISIS -- and Assad [Электронный ресурс] // CNN Politics. URL: <https://edition.cnn.com/2015/09/01/politics/david-petraeus-al-qaeda-isis-nusra/> (дата обращения: 02.01.2021)

⁵⁹ Бородин М.Ю., Рыжов И.В., Аверьянова Д.А. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке // Мировая политика. 2020. № 4. С. 18-31. (дата обращения: 02.03.2021)

⁶⁰ Яшлавский А. Аль-Каида: старое зло в новом обличье // Проблемы безопасности в современном мире. 2017. № 7. С. 27-34

во многом нивелировало военные неудачи ИГ и конечное поражение идеи строительства «глобального халифата». Готовность группировки мириться с местными вариантами ислама (во многом обусловленная ее географическим разбросом) сделала саму Аль-Каиду объектом атаки более радикальных джихадистов. Данная угроза во многом нашла свое воплощение именно в ходе противоборства Аль-Каиды с «Исламским государством»;

Относительные успехи некоторых исламистских организаций (египетские «братья-мусульмане», Джебхат ан-Нусра) в участии в политическом процессе в регионе Ближнего Востока открыли перед Аль-Каидой возможность развития как в сторону «классической» джихадистской организации, так и в качестве альтернативного проекта социального устройства с ориентацией на умеренный исламизм. Многообразие выбора (отсутствующего у более ригористично настроенного «Исламского государства») способствовала и стратегия опоры на аффилированные организации, которые оказались способны занимать различные ниши в политическом поле региона. Кроме того, ориентация на сетевой принцип позволила организации существовать в условиях усиливающегося военного давления как государственных институтов, так и конкурирующих исламистских группировок. В то же время отказ от строгого контроля территорий и выстраивания административно-бюрократического аппарата резко ограничил возможности Аль-Каиды по управлению региональными филиалами, которые по мере своего развития продемонстрировали способность разрыва с идеалами и устремлениями материнской организации.

Отметим, что в условиях социо-политической неопределенности в регионе Ближнего Востока, усилившейся с началом Арабской весны и длительного Сирийского конфликта, создание буферных организаций могло являться сознательным шагом руководства Аль-Каиды. Такие дочерние группировки, сохраняющие тесные связи с головной организацией, стали инструментом защиты аморфного ядра Аль-Каиды от враждебных намерений как «пуритан», так и государственной машины. Очевидно, что встраиваясь в

политическую систему региона, дипломатически взаимодействуя с иными джихадистскими организациями, такие аффилированные с материнской группировкой отделения Аль-Каиды отвлекли на себя часть усилий противников. Именно на эту же цель могли быть направлены усилия по позиционированию либо самой Аль-Каиды, либо ее отделений как проекта, альтернативного (но все еще основанного на исламе) бескомпромиссным устремлениям «Исламского государства». Тем не менее, ограниченные военные возможности сделали невозможным прямое противостояние с прошедшими суровый кризис государственными институтами. Кроме того, достаточно широкая автономия филиалов в совокупности с отсутствием широкомасштабной медийной работы имела следствием выход дочерних джихадистских группировок из сферы влияния Аль-Каиды.

За длительную историю своего существования Аль-Каида сумела накопить не только богатый опыт организации террористической деятельности и авторитет в джихадистской среде, но и немаловажный опыт работы с населением территорий с разными культурными и политическими условиями. Пожалуй, именно умение адаптации к различным социо-политическим условиям, децентрализованный характер существования сделали данную организацию более серьезным вызовом мировой безопасности, нежели активно присутствующее в информационном поле «Исламское государство», которому удалось на короткий срок затмить детище Бен Ладена.

В рассматриваемый период «Исламское государство», являющееся основным объектом исследования данной работы, действовало, исходя из совершенно иных принципов. Прежде всего декларируемой целью организации в период активного расширения являлось построение именно государственной структуры на основе принципов шариата в их фундаменталистском понимании. Отметим, что такие попытки уже предпринимались и оканчивались успехом: выражениями религиозных сил, сумевших встроиться в политическую систему общества, являются иранские

фундаменталисты, египетские «Братья-мусульмане», выигравшие выборы в парламент в 2011 г., эмират муллы Омара, построенный талибами в Афганистане, а также восстановление власти Талибана в августе 2021 г. Современные монархии Залива также представляют собой теократические государства. Однако цель ИГ – построение, а точнее воссоздание глобального всеобъемлющего халифата. На фоне такой масштабной задачи исключительно региональное движение талибов и международная сеть подпольных ячеек Аль-Каиды выглядят скорее как разобщающие факторы, мешающие объединению мусульман в единую Умму.

В отличие от Аль-Каиды, Исламское государство не было нацелено на последовательное освобождение территории Ближнего Востока с последующим приходом к власти. Захват территорий, облегченный кризисом государственных структур в ходе Арабской весны, уже создал тот самый вакуум власти, о котором говорил Айман аз-Завахири в своем послании, адресованном Абу Мусабе аз-Заркави⁶¹. Джихадистам зачастую оставалось установить лишь институциональный контроль на захваченных территориях. Такая нацеленность на создание собственных институтов власти резко выделяет Исламское государство из ряда подпольных террористических группировок и ставит его в один ряд с движением Талибан (с тем отличием, что конечной целью Исламского государства является установление глобального Халифата, не ограниченного территорией конкретной страны).

Совершая обзор стратегий террористических группировок, следует отметить феноменальный успех «Исламского государства» в краткосрочной перспективе. Период 2014-2016 гг. стал временем наивысшего расцвет ИГ именно как квазигосударственной структуры, что поставило под вопрос эффективность методов Аль-Каиды как объединения подпольных ячеек с прицелом на ведение партизанской войны и нанесение периодических ударов по территории противника. «Исламское государство» продемонстрировало

⁶¹Zawahiri's Letter to Zarqawi // Combating Terrorism Center at West Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/>

не только возможность полноценного захвата власти на достаточно большой территории, но и способность к строительству государственных структур и ведению полномасштабной экспансии на нескольких отдаленных друг от друга фронтах (Левант, Филиппины, Мозамбик и Нигерия). Из периодических изданий «Исламского государства» известно о создании государственных структур, призванных буквально воплощать в жизнь нормы шариата.

Популярности бренду бескомпромиссного всемирного джихада добавило и то обстоятельство, что в то время как иные террористические группировки совершали дрейф от джихадистских к умеренно-исламистским (Джебхат ан-Нусра, Ахрар аш-Шам) и совершали попытки легитимизации в политическом поле «арабской весны» (движение «Талибан» проделало похожий путь в контексте афганского конфликта), ИГ, вне зависимости от своего военного положения, декларировало характер борьбы до неизбежной в представлении исламистов победы. Анализ религиозно-политических конфликтов демонстрирует способность радикальных исламистских террористических группировок идти на компромисс с представителями «демократической оппозиции»: подобный сценарий был реализован в ходе гражданских войн в Сирии и Таджикистане. Отрицая всякую возможность компромисса со светскими акторами («тагутами» в терминологии исламистов) и практикуя такфиризм, ИГ отрезало себе все пути отступления и легитимации в светском правовом поле. С другой стороны, во многом неизменная позиция организации обеспечила приток высокомотивированных сторонников в период активного территориального расширения.

Наибольшего успеха «Исламское государство» достигло после взятия Мосула в 2014 г., однако три г. спустя при значительной помощи российского контингента и иранских вооружённых сил распространение Халифата было остановлено. На завершающем этапе кампании против «Исламского государства» организация столкнулась с возрастающим противодействием со стороны иных радикальных сирийских группировок.

Практика такфиризма, которая цементировала организацию, в данном случае обернулась против самих боевиков. Уже в декабре 2017 г. было заявлено о «полном разгроме» ИГ⁶². Несмотря на очевидную на тот момент преждевременность таких заявлений, «Исламское государство» к исходу 2018 г. действительно утратило контроль за территориями (последний эпизод истории ИГ как квазигосударственного образования связан с длительной осадой и уничтожением анклава в н.п. Багуз-Фукани, контроль над которым террористы утратили весной 2019 г.), перейдя в формат подпольной организации. Однако потеря территорий не стала фатальным ударом для «Исламского государства»: провозглашение Халифата освободило организацию от привязки к территории. Однако с течением времени ИГ частично восстановило свои силы, что проявилось в периодических нападениях на иракские службы безопасности и враждебные джихадистские группировки⁶³.

Помимо хорошо подготовленных и аффилированных с медиафондами «Исламского государства» изданий, к которым принадлежат журналы «Dabiq» и «Rumiyah», к средствам джихадистской пропаганды относятся и неаффилированные с конкретными медиафондами средства массовой информации: в частности, к таковым принадлежит русскоязычный журнал «Hidaya» («Коршун»), два выпуска которого датированы апрелем и июнем 2020 г. Несмотря на то, что издание не отличается высоким качеством подготовки материалов, сам факт возобновления агитационной деятельности, не направленной на население региона непосредственной деятельности, свидетельствует о решении группировкой к моменту 2020 г. задачи непосредственного выживания и возможности выделения средств на второстепенные активности. Несмотря на то, что группировка лишилась возможности проведения полноценных воинских операций образца 2014-

⁶² «Полный разгром»: Россия объявила об окончательной победе над ИГ в Сирии. 06.12.2017. [Электронный ресурс] РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171206/1510372695.html> (дата обращения: 05.05.2020)

⁶³ «Исламское государство Ирака» 2.0: как ИГ возрождается и снова захватывает территории. 18.03.2020 [Электронный ресурс] РИА ФАН. URL: <https://riafan.ru/1278183-islamskoe-gosudarstvo-iraka-2-0-kak-ig-vozrozhdaetsya-i-snova-zakhvatyvaet-territorii> (дата обращения: 15.05.2020)

2017 гг., на тот момент существующие в распоряжении организации ресурсы все еще позволяли наносить чувствительные удары противникам на территории Ирака и Сирии. Переход «Халифата» в формат подпольных ячеек организационно сблизил ИГ с «Аль-Каидой» и расширил возможности организации для совершения террористических актов по всему миру: «спящие ячейки» зачастую могли не иметь никакого канала связи с материнской организацией, что безусловно осложняло противодействие террористам.

В качестве иллюстрации массовой активизации спящих ячеек приведем ряд террористических актов в Кувейте, Франции и Тунисе после призыва Абу Мухаммада аль-Аднани («официальный спикер» ИГ) в июне 2015 г. накануне первой гг.щины провозглашения «Халифата» «обратить Рамадан в бедствие для нечестивцев»⁶⁴. ИГ взяло на себя ответственность только за взрыв смертника в Кувейте, унесшего жизни 25 человек (около 200 получили ранения)⁶⁵. Вероятно, остальные две атаки (массовый расстрел туристов в Тунисе, попытка взрыва завода и обезглавливание во Франции) не координировались ИГ; данный случай одновременных атак демонстрирует способности медиасредств террористов к активизации сторонников без непосредственной связи с ними и координации действий.

Эффективность пропаганды исламистов среди населения стран СНГ подтверждается террористическим актом 31 октября 2017 г., совершенным в Нью-Йорке уроженцем Ташкента Сайфулло Саиповым. Электронные устройства Саипова содержали материалы ИГ, а сама организация взяла на себя ответственность за террористический акт, провозгласив исполнителя теракта «солдатом Халифата»⁶⁶.

⁶⁴ И.А. Матвеев. Сирия в огне. М.: ИВ РАН, 2020. С. 252

⁶⁵ Terrorist attacks in Tunisia, Kuwait and France stun three continents [Электронный ресурс]. The Guardian, 26 Jun 2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/26/terror-attacks-tunisia-kuwait-and-france-islamic-state> (дата обращения: 20.05.2020)

⁶⁶ Яшлавский А. Террористическая активность джихадистов из Центральной Азии на Западе // Россия и новые государства Евразии. № 4. 2020. С. 133-149

В условиях распада квазигосударственных структур «Исламского государства» и отсутствия развитого административного аппарата Аль-Каиды особую роль приобрели медиа-возможности организаций и масштабы радикальной агитации. Возобновившаяся после военного поражения агитационная деятельность ИГ продемонстрировала жизнеспособность организации в новом для нее формате партизанских формирований.

К числу ключевых отличий и преимуществ стратегии «Исламского государства» относятся:

1. Развитая машина пропаганды и агитации. Налаженная сеть медиафондов обеспечила высокое качество «официальных» изданий исламистов. Превосходно подготовленные агитационные материалы медиаструктур ИГ резко контрастируют с агитационной продукцией иных группировок. Постоянное нахождение в информационном поле позволило многократно увеличивать угрозу группировки в период военных успехов и декларировать неустанный продолжение борьбы после утраты территорий и фактического военного поражения;

2. Религиозный пуризм «Исламского государства» обеспечил приток высокомотивированных джихадистов, а также симпатии наиболее радикальной и убежденной части салафитов. Прямым свидетельством отсутствия морального упадка в среде сторонников организации даже после военного поражения Халифата является зафиксированное нами продолжение агитационной работы исламистов, выраженное в появлении периодических изданий в 2020 г.;

3. Нацеленность на контроль территорий и построение государственных структур гарантировала группировке мощный приток финансов в виде налоговых поступлений, торговых операций и внешнеэкономической деятельности;

4. Взятие Мосула с последующим провозглашением Халифата в риторике исламистов подавалось в качестве мощного легитимизирующего

фактора (подробнее данный аргумент разобран в последующих разделах исследования). С совершением данного шага группировка вышла за пределы политического поля, а также отвергла понятия легальности и нелегальности – в представлении пропагандистов ИГ, мир делится на дар аль-харб (территория войны) и «дар аль-ислам» (территория ислама). Именно последняя категория представлена как отечество всех мусульман, единственно имеющая законные основания на существование. В то же время, долгом каждого мусульманина является защита своей территории⁶⁷; таким образом, защита Халифата преподносилась как главная обязанность каждого мусульманина.

Тем не менее, жесткая привязка к территории в значительной мере лишила ИГ главного преимущества террористических организаций: мобильности и возможности внедрения на контролируемые правительством территории. Очевидно, что «Исламское государство» оказалось не способно в полной мере противостоять отлаженной государственной машине, и тем более – антитеррористической коалиции.

Провозглашение Халифата, помимо легитимизации группировки в глазах определенной части радикалов, также автоматически обозначило незаконность всех иных джихадистских группировок, которые не принесли клятву верности («байят») Исламскому государству. Данное обстоятельство и обеспечило разрыв ИГ с Аль-Каидой и иными джихадистскими организациями. Ригоризм ИГ в оказался равной степени способен не только привлечь наиболее радикальных и мотивированных исламистов, но и оттолкнуть значительное число «сочувствующих», которые в ином случае могли бы пополнить ряды группировки.

После провала проекта государственного строительства надежды на рост и восстановление утраченных позиций «Исламского государства» в условиях поражения государственного проекта были связаны в первую

⁶⁷Коран, Сура 2 «Бакара», аят 194: «Если кто посягнул на вас, то и вы посягните на него, подобно тому, как он посягнул на вас»

очередь с тактикой «одиноких волков». Децентрализованные атаки «спящих ячеек» либо террористов-одиночек оказались способны бросить вызов силовым структурам при максимизации пропагандистского эффекта и с минимумом задействованных ресурсов⁶⁸.

Значимую угрозу для проекта «Исламского государства» в период его квазигосударственной стадии реализации представляла конкуренция со стороны иных исламистских групп, которая приобрела характер как прямого военного столкновения, так и идейного состязания проектов радикального исламизма. Так, стратегия легитимации Джебхат ан-Нусры позволила группировке добиться контроля северо-восточных территорий Сирии и создания административного аппарата: Джебхат ан-Нусра, способная к установлению контактов с государственными акторами, сумела добиться практически тех же самых результатов, что и пуритане «Исламского государства». К 2020 г. потерявший все крупные города Халифат оказался более неспособен конкурировать с отлаженной государственной военной машиной, а в среде самих боевиков появилась значимая почва для разочарования в самом проекте государственного строительства и в личности первого лидера «Исламского государства». Необходимо учитывать, что фигура «первого халифа» Абу Бакра аль-Багдади связана не только с триумфальным периодом 2014-2016 гг., но и не менее оглушительными поражениями исламистов. Потеря родных территорий (в том числе и столицы – Ракки, а также крайне важного в символическом отношении Дабика) нанесла безусловно тяжелый удар по престижу «Исламского государства». Кроме того, крайне важно и размытие сакрального статуса халифа – цепь неизменно гибнущих на протяжении нескольких лет руководителей организации нанесла значительный ущерб основанному на пророческих хадисах о восстановлении «праведного халифата» авторитету религиозной власти «Исламского государства».

⁶⁸Кузьмин Н. Исламское государство: адаптация к новой реальности [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/islamskoe-gosudarstvo-adaptatsiya-k-novoy-realnosti/#4> (дата обращения: 04.06.2020)

Ретроспективным обзор показывает, что стратегия Аль-Каиды нацелена на долгосрочную перспективу и длительное противостояние с превосходящим противником в формате партизанских вылазок/террористических актов на вражеской территории. Нельзя упускать из виду и успешную практику легитимации отдельных частей Аль-Каиды. Учитывая нарастающее противостояние в регионе Ближнего Востока между Ираном и суннитскими государствами, использование последними Аль-Каиды в качестве инструмента против шиитов с постепенной легитимацией боевиков представляется вполне логичным действием⁶⁹.

В то же время потерпевший поражение в полноценном военном противостоянии Халифат был вынужден перейти на подпольное положение/совершить миграцию в интернет-пространство. Несмотря на то, что усилия построения исламского государства на территориях мусульманского мира окончились провалом, ИГ, потеряв привязанность к конкретной территории, приобрело вместе с тем значительную мобильность.

Ход Сирийского конфликта показал, что попытка террористической организации действовать в рамках государственных структур и конкурировать с ними обречена на поражение в случае полноценного вмешательства в регион превосходящей военной силы (именно на противодействие превосходящему противнику нацелена стратегия асимметричной войны, практикуемая Аль-Каидой). Краткосрочный успех «Исламского государства» оказался возможным только во временных условиях практически полной недееспособности государства, в то время как вступление в противостояние иных акторов (Россия и Иран) довольно быстро вернуло террористов на стартовые позиции подпольной организации. После поражения квазигосударственного проекта практически единственным перспективным путем развития ИГ осталась основанная на медийной

⁶⁹ Daveed Gartenstein-Ross, Jason Fritz, Bridget Moreng, Nathaniel Barr. Islamic State vs. Al-Qaeda [Электронный ресурс] / New America // International Security. 2015. 44 p. URL: https://static.newamerica.org/attachments/12103-islamic-state-vs-al-qaeda/ISISvAQ_Final.e68fdd22a90e49c4af1d4cd0dc9e3651.pdf (дата обращения: 20.08.2020)

структуре пропагандистская работа и вербовка «одиночных волков», а также миграция в иной политически нестабильный регион.

1.2. Таблиги Джамаат: на пути духовного джихада

Несмотря на то, что движение «Таблиги Джамаат» не находится в фокусе современных религиоведческих исследований, масштабы распространения делают таблигов значимым фактором религиозно-политической ситуации. Основанное индийским шейхом Мухаммдом Ильясом Кандехлеви в 1926 году, в настоящее время движение таблигов насчитывает до 80 миллионов сторонников⁷⁰.

В центре деятельности сторонников учения Кандехлеви находится миссионерская работа среди самих мусульман, а главный призыв таблигов – «Мусульмане, будьте мусульманами!»⁷¹. Отличительным признаком организации является ведение миссионерской деятельности не профессиональными проповедниками, а простыми людьми. Само слово «таблиг» с урду означает «проповедники» – залог успеха новой организации основатель видел не в распространении знаний с помощью печатного слова, а посредством личных контактов непрофессиональных миссионеров с массой верующих. Миссионерские группы таблигов относительно небольшие и насчитывают до 10–15 человек во главе с амиром, наиболее опытным и авторитетным сторонником учения. Основная деятельность ячеек таблигов состоит в периодических миссионерских поездках, обозначаемых словом «сафар» (ар. «путешествие») или «хурудж» (ар. «выход»). Миссионерская группа совершает поездки как по регионам своей страны, так и выезжая за ее пределы, останавливаясь на ночь в местных мечетях и ведя проповедь «от двери к двери». Выезды бывают различной длины, от 3 дней до четырех месяцев. В целом, члены движения должны уделить миссионерской работе не менее 40 дней в год. Длительные паломничества связаны с посещением

⁷⁰ Егоров Е.Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 516

⁷¹ Ahmed M. Islamic fundamentalism in South Asia: The Jamaat-i-Islami and the Tablighi Jamaat of South Asia // Fundamentalisms Observed / ed by M.E. Marty & R.S. Appleby; Chicago, IL: Chicago University Press, 1991. P. 510-524.

крупных религиозных центров движения: в ходе длинного четырехмесячного сафара паломник посещает Индию, Пакистан, Бангладеш.

Важнейшие советы старейшин из уважаемых членов движения действуют при крупных мечетях «Таблиги Джамаат» в определенной стране, обозначаемых терминами «марказ» (ар. «центр»). Марказы представляют собой подобие штаб-квартиры движения на определенной территории⁷². На низовом уровне движение состоит из практически не связанных между собой ячеек-джамаатов. Данное обстоятельство определяет аморфность движения и значительное многообразие местных религиозных практик ячеек таблигов: фактически единственным связующим звеном разбросанных ячеек являются труды Кандехлеви.

Движению присущи и мистические суфийские черты: одной из практик является непрестанное творение зикра на протяжении долгого времени. Кандехлеви считал зикр «крепостью для защиты мусульман от сатаны», призывая своих сторонников распространять практику постоянного поминовения Аллаха, т. к. «Аллах остается с мусульманином до тех пор, пока он произносит зикр»⁷³. Мистические черты проявляются и в практике итикафа – ночном бдении в мечети населенного пункта, в котором делает остановку миссионерская группа. В ходе итикафа таблиги ожидают получить мистическое озарение, однако стоит отметить, что зачастую данная практика встречает настороженное отношение местных имамов, которые могут отказать посетителям в необычной просьбе. С суфиями таблигов роднит и установка на активное участие в мирской жизни, уверенность в отсутствии необходимости уединения от мира и отшельничества.

Догматические принципы организации довольно просты и укладываются в следующие положения:

⁷² Комиссина И.Н. Движение «Таблиги Джамаат»: теория и практика радикализма // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6). С. 45-65.

⁷³ Advice to those who participate in dawah along with the Tableeghi Jamaat in Dawat. [Электронный ресурс] URL:

<https://ia802600.us.archive.org/18/items/AdviceToThoseWhoParticipateInDawahAlongWithTheTableeghiJamaatForAdviceForThoseWho.pdf> h (дата обращения: 22.01.2023)

1. «Калимах» – вера в то, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его.

2. «Салаят» – пять ежедневных молитв, необходимых для духовного возвышения над миром греха и спасения от соблазнов материального мира.

3. «Илм» и «Зикр» – память об Аллахе, поддерживаемая через собрания, на которых верующие слушают проповеди, возносят молитвы, цитируют Коран и читают хадисы.

4. «Икрам-и-Муслим» – уважительное отношение ко всем мусульманам, независимо от мазхабов.

5. «Иклас-и-Ният» – изменение своей жизни с молитвами к Аллаху и путем совершения всех своих поступков ради Аллаха.

6. «Тафрик-и-Вакт» – жизнь на принципах веры и добра, согласно заповедям Пророка, и распространение его учения от двери к двери

Доктринальное оформление учения произошло в конкуренции с другим исламистским проектом – «Джамаат-и-Ислами» Абу Ала Маудуди, которое также оформилось в Индии в конце 1920-х гг. Как и движение Кандехлеви, организация Маудуди ставила целью приведение жизни мусульман в соответствие с религиозными установками Корана. Маудуди полагал ислам прежде всего политической идеологией, с помощью которой «Джамаат-и-Ислами» должна была работать над созданием мусульманского государства, в то время как таблиги позиционировали свою организацию как занимающуюся прежде всего задачами духовного самосовершенствования мусульман и стоящую в стороне от политики. Согласно взглядам Кандехлеви, построение идеального исламского государства произойдет в результате эволюции духовной жизни мусульман. В то же время движение Маудуди ставило своей целью приход к власти для установления исламских порядков.

«Таблиги Джамаат» не декларирует цель установления власти ислама в отдельном государстве. Цели движения более глобальны и не

ограничиваются территорией одной страны. Кандехлеви учил, что «группа жителей одного конкретного региона или страны не представляет собой умму. Умма – это сообщество представителей всех стран и регионов мира. Каждый, кто считает, что существуют свои и чужие уммы, является врагом ислама и в действительности работает на уничтожение исламской уммы. Если мусульмане смогут объединиться, то все оружие мира, включая ядерное, не сможет их победить»⁷⁴.

Отмечается крайне быстрое распространение вероучения таблигов по всему мусульманскому миру. Таблигам удалось развернуть глобальную сеть своих сторонников в очень сжатые сроки и при этом с широчайшим географическим охватом: от Центральной Азии до Тропической Африки. Изначально стремительное распространение таблигов по странам с мусульманским населением опиралось на существующую социальную инфраструктуру, созданную мусульманами-индийцами в Юго-Восточной Азии, Европе и Африке. Это обстоятельство определило три центра экспансии таблигов – Южную Азию, Аравию и Великобританию (в каждом из этих регионов существовала многочисленная индийская мусульманская диаспора)⁷⁵. В настоящее время центром движения в Европе (и в значительной мере – в мире) является Великобритания.

Утверждение самих таблигов об аполитичном характере их деятельности верно лишь в смысле отсутствия краткосрочных политических задач (таких как немедленное преобразование жизни всего общества по исламскому образцу). В благоприятных условиях движение вполне способно встроиться в политическую сферу жизни социума. Так, занимая легальное положение в Киргизии, движение таблигов добилось значительного успеха: в

⁷⁴ Advice to those who participate in dawah along with the Tableeghi Jamaat in Dawat. [Электронный ресурс] URL: <https://ia802600.us.archive.org/18/items/AdviceToThoseWhoParticipateInDawahAlongWithTheTableeghiJamaatForAdviceForThoseWho.pdf> (дата обращения: 21.01.2023)

⁷⁵ Колдунова Е.В.. Две модели трансрегиональных исламских движений в Южной и Юго-Восточной Азии: Джамаат Таблиг и Джамаат-и-Ислами // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-modeli-transregionalnyh-islamskih-dvizheniy-v-yuzhnoy-i-yugo-vostochnoy-azii-dzhamaat-tablig-i-dzhamaat-i-islami> (дата обращения: 21.01.2023).

марте 2014 г. верховным муфтием республики стал представитель таблигов Максат Токтомушев (занимал пост до 2021 г.)⁷⁶. На территории остальных стран Центральной Азии деятельность сторонников Кандехлеви запрещена; попытки запретить Таблиги Джамаат предпринимались и властями Киргизии. Однако в методическом пособии «Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане», выпущенном Государственной комиссией по делам религий в 2015 г., движение таблигов признано мирной и аполитичным религиозным течением. Авторы пособия также отмечают реабилитационный потенциал организации, способствующей ресоциализации бывших заключенных и алкоголиков⁷⁷. В пособии четко указано, что движение не представляет опасности для республики.

Вместе с тем представление о Таблиги Джамаат как исключительно пацифистском движении, нацеленном на достижение духовного самосовершенствования своих сторонников, оспаривается некоторыми исследователями⁷⁸. Отмечается, что разветвлённая трансрегиональная сеть Таблиги Джамаат могла активно использоваться для переброски иностранных боевиков на Северный Кавказ во время второй чеченской кампании.

Однако нам представляется более справедливым представление о движении таблигов как об исламистской организации, не практикующей вооруженный джихад. Безусловно, прямо декларируемая основателем движения цель построения исламского государства включает Таблиги Джамаат в обширный круг исламистских организаций, однако вооруженная борьба против светского правительства никогда не являлась инструментом

⁷⁶ Егоров Е.Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 516

⁷⁷ Чотаев З.Д., Турсунбеков З.А., Жумакунов Э.М., Сманова Н.Т., Гайббаева А.Т. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане: методическое пособие. Бишкек: ГКДР КР, 2015. 90 с.

⁷⁸ И.В. Пономарев. Таблиги Джамаат и международный терроризм на Северном Кавказе в 1990-е гг. // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. М.: Институт Африки РАН, 2017 С. 579-595.

организации. Участие в миссионерских поездках может являться путем для дальнейшей радикализации неофита, но вооруженный джихад как таковой не является целью деятельности сторонников Кандехлеви.

1.3. От «Чеченской республики Ичкерия» к «Имарату Кавказ»: региональный проект радикального исламизма.

Несмотря на то, что подробное рассмотрение организационной структуры и истории северокавказского исламизма в лице «Имарат Кавказ» не входит в задачи работы, в рамках исследования все же необходимо привести краткую характеристику данной организации. Полагаем, что именно особый национальный и локальный характер «Имарата Кавказ» определяет специфику использования исторических сюжетов в пропаганде северокавказского исламизма.

Сам нарратив Чеченских войн демонстрирует признаки травматического события для российского социума. Свидетельством до сих пор непроработанного травматического характера событий 1990-х – начала 2000-х гг. является исследованная В.А. Танайловой болезненная реакция участников событий⁷⁹ в ответ на попытки исследователя проанализировать специфику памяти о Чеченских войнах; наблюдается и обостренная реакция российского общества на события двух чеченских кампаний (войн).

Одним из признаков травматического нарратива является его непроговариваемость. Применительно к событиям 1994-2009 гг. непроговариваемость проявляется даже в избегании обозначения конфликта термином «война» со стороны государственной власти. Помимо того, что боевые действия Первой чеченской войны проходили на фоне довольно тяжелого социо-экономического и политического состояния России, в 1994-1996 гг. государство столкнулось с нетипичным противником, вытеснившим государственные институты с части территории Северного Кавказа. Фактическая утрата государственного суверенитета над частью территории

⁷⁹ Танайлова В.А. (Не) быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 101

страны, общая депрессивная социальная и экономическая обстановка внутри общества, отсутствие на начальном этапе конфликта моральной и технической подготовки для противостояния относительно небольшой, но идеологически заряженной группе сепаратистов и сочувствующего проекту «Ичкерии» гражданскому населению и придали событиям Первой чеченской войны не проработанный до настоящего времени травматический характер.

Во многом благодаря сохраняющемуся конфликтогенному потенциалу, события двух военных конфликтов получили достаточно хорошее освещение не только в откликающейся на общественный запрос публицистике⁸⁰, но и исследовательской литературе. В фокус внимания исследователей, как правило, попадали непосредственно боевые действия в регионе Северного Кавказа или причины роста терроризма на территории Чечни и Дагестана⁸¹. Образцом качественного антропологического исследования социума, находящегося в состоянии многокомпонентного вооруженного конфликта, можно назвать работу В.А. Тишкова⁸². Анализ взаимодействия этнических мифов и ислама содержится в исследованиях В.А. Шнирельмана⁸³, А.А. Ярлыкапова⁸⁴, А.В. Малащенко⁸⁵.

Отдельные исследователи фокусируют внимание на ранее не освещавшихся деталях противостояния на Северном Кавказе: риторике

⁸⁰ Ярким примером последней могут являться работы Е. Норина

⁸¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. 464 с.

Малащенко А.В., Тренин Д.А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 267 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.). М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.

Асташкин Н.С. По волчьему следу. Хроники чеченских войн. М.: Вече, 2005. 416 с.

⁸² Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. 533 с.

Тишков В. А. Слова и образы в постконфликтной реконструкции // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А. Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 49-72.

Тишков В. А. Чеченский дискурс как идеология крайностей (анализ СМИ в условиях конфликта) // Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 75-106.

Тишков В. А. Восстановление культуры через гражданское содействие // Осмаев М. К., Апиросв И. Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003. С. 313—316.

⁸³ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

⁸⁴ Ярлыкапов А.А. Конфликтующие формы ислама на Северном Кавказе // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2012. С. 604-626.

⁸⁵ Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский центр Карнеги, 1998. 222 с.; Он же. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.; Малащенко А., Тренин Д. Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 267 с.

правительства самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия по отношению к конфликту в Дагестане (август-сентябрь 1999 г.)⁸⁶, или же расколу в рядах исламистского движения⁸⁷.

В целом, проблематика хода боевых действий, экономического и социального устройства сепаратистских-исламистских формирований, деградации сепаратистского политического проекта от самопровозглашенной «Ичкерии» к загнанному в подполье и многократно расколовшемуся «Имарату Кавказ» получила достаточное освещение. Данный раздел исследовательской работы фокусируется не на хорошо изученных аспектах истории ЧРИ и «Имарата Кавказ», а на восприятии данных организаций и трансформации национально-сепаратистского проекта «Ичкерии» в исламистский «Имарата Кавказ» в глазах современных последователей радикального исламизма на Северном Кавказе.

Источниками данного раздела исследования послужили материалы, размещенные на сайтах северокавказских исламистов – преимущественно на главном информационном ресурсе «Имарата» – «Кавказ.Центр». В ходе исследовательского поиска нами был выделен ряд материалов, иллюстрирующих отказ от модели национально-ориентированного государства и переход к концепции построения «исламского государства» на территории Северного Кавказа как части глобальной исламской уммы.

Определенный акцент на отход от концепции светского национального государства в пользу исламского общества фиксируется еще во время скоротечной гражданской войны на территории Чечни: уже в 1995 г. Дж. Дудаев отмечает открытость границ Чечни для всех мусульман,

⁸⁶ Тумаков Д.В. Политика сепаратистского режима Чечни по отношению к войне в Дагестане в августе-сентябре 1999 г. [Электронный ресурс] // СХВ. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-separatistskogo-rezhima-chechni-po-otnosheniyu-k-voynе-v-dagestane-v-avguste-sentyabre-1999-goda> (дата обращения: 02.05.2022).

⁸⁷ Добаев И., Черевков О. Трансформация радикального исламистского движения на Северном Кавказе: от «Имарата Кавказ» - к «вилайату Кавказ» [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2017. №9 (303). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-radikalnogo-islamistskogo-dvizheniya-na-severnom-kavkaze-ot-imarata-kavkaz-k-vilayyatu-kavkaz> (дата обращения: 30.04.2022).

Добаев И. Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» [Электронный ресурс] // Центральная Азия и Кавказ. 2009. №1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnyy-kavkaz-protsess-rastekaniya-dzhihadа> (дата обращения: 02.05.2022).

желающих принять участие в вооруженном противостоянии с Россией, предполагая объединение всех борющихся мусульман мира под флагами независимой Чечни⁸⁸. Данное заявление Дудаева послужило стимулом для многих участников «афганского джихада» к перемещению на территории мятежной республики⁸⁹.

Несмотря на определенные шаги в направлении исламизации, осуществленные еще при Дудаеве (переговоры с исламской делегацией из Азербайджана на почве объединения сил против «христианского мира»⁹⁰, опора на противостоящий российским властям новосозданный Духовный центр мусульман Чеченской республики⁹¹), наиболее мощным стимулом радикализации Чечни стало постепенное сползание общества в вооруженный конфликт: так, выступление Дж. Дудаева перед Советом старейшин в ноябре 1994 г. содержало призыв к опоре на шариат в борьбе против «российской агрессии». Юридические основания переход общества на шариатскую основу были оформлены принятием З. Яндарбиевым нового уголовного кодекса, построенного по суданскому образцу⁹².

Особую роль в радикализации Чечни сыграли отряды иностранных боевиков, хотя до коллапса чеченских государственных институтов в период после Хасавюртовских соглашений роль иностранных джихадистов и радикального исламизма в противостоянии оставалась относительно незначительной. К концу 1996 г. количество иностранных участников объявленного в марте 1995 г. Джихада достигло 700 человек – приток боевиков получил одобрение со стороны занимавшего пост премьер-министра Ичкерии Аслана Масхадова, заявившего, что «...на нашей стороне

⁸⁸ Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. стратегия и тактика: дисс. ... доктора политических наук: 23.00.01 / ИВ РАН Москва, 2017. с 336.

⁸⁹ Shah-Kazemi Reza. Crisis in Chechnya. Islamic World Report. Vol. 1, №1, London, 1995, p. 43.

⁹⁰ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005. с. 95

⁹¹ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С.192

⁹² Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.

воюют моджахеды из многих исламских государств, и они оказывают нам большую помощь»⁹³.

Прибывающие на новый фронт джихада полевые командиры из арабских стран, обладая отсутствующими у чеченских властей финансовыми ресурсами, организовывали самоуправляющиеся джамааты, в которых сторонники нового государства проходили не только физическую, но и духовную подготовку. Исследуя состояние чеченского общества во время войны, В.А. Тишков отмечает нехарактерный для традиционного социума раскол между поколениями на религиозной почве (до «ваххабизации» Чечни на территории республики были сильны в первую очередь суфийские тарикаты)⁹⁴.

Разорвавшие свои семейно-родовые узы молодые боевики, пополнявшие отряды ваххабитов, отличались более высокой боеспособностью, чем объединенные по родовому признаку отряды. Сразу по окончании войны «безродные» ваххабиты, не связанные семейно-родовыми обязательствами, стали надежной опорой З. Яндарбиева⁹⁵.

Ставка на радикальный исламизм была сделана руководством распадающейся «Ичкерии» уже после уничтожения Дж. Дудаева новым временным руководителем, Зелимханом Яндарбиевым. Окончательный поворот в сторону религиозной, а не национальной ориентации был сделан 7 октября 2007 г. провозглашением «Имарата Кавказ» заявлением «президента ЧРИ», «амиром муджахидов Кавказа» Докку Умаровым (Абу Усман).

Таким образом, в течение нескольких лет был осуществлен переход национально-сепаратистского проекта на рельсы радикального исламизма. Особо отметим то обстоятельство, что исламизм «ваххабитского», салафитского образца был не свойственен региону – смена ориентиров и включение «ичкерийского проекта» в контекст глобального джихада

⁹³ Bodansky Y. Chechnya Fighting to Resume. Defense & Foreign Affairs' Strategic Policy, November-December, 1996, p. 1.

⁹⁴ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. С. 339

⁹⁵ Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос, 2007. С. 163.

потребовала определенной рефлексии и обоснования столь резкого поворота со стороны современных сторонников «Имарата Кавказ».

Декларации новых принципов и ценностей посвящена обширная статья «Провозглашение Имарата Кавказ: Отречение от Тагута» за авторством А.Э. Астемирова (амир Сейфуллах), размещенная на сайте «Кавказ.Центр» в годовщину события 7 октября 2020 г.⁹⁶. Факт размещения на главном информационно-пропагандистском ресурсе «Имарата» апологетической статьи погибшего в 2010 г. Астемирова свидетельствует о двух вещах: сложении в рамках дискурса северокавказского радикального исламизма определенного канона авторитетных текстов, и отсутствии спустя десятилетие после провозглашения «Имарата» в среде современных сторонников данной организации достаточно подготовленных пропагандистов, способных осветить столь важный для джихадистов вопрос.

Анализируемый текст представляет собой довольно обширный перечень аргументов в пользу провозглашения теократического государства и обвинений предыдущего руководства северокавказского исламистского подполья в непоследовательности и нелогичности действий, не соответствующих шариатскому образу жизни. Работа Астемирова фокусируется на нескольких аспектах провозглашения «Имарата Кавказ»:

1. Религиозной обоснованности;
2. Внешнеполитическом контексте провозглашения новой религиозно-политической структуры;
3. Тематике «заговора» лояльных государственным институтам улемов и иных исламских авторитетов.

В контексте данного исследования интерес представляют не столько религиозные аргументы, приводимые Астемировым, сколько осмысление опыта предыдущего военно-политического руководства чеченского

⁹⁶ Провозглашение Имарата Кавказ: Отречение от Тагута 07.10.2020 [Электронный ресурс] // Кавказ.Центр. URL: <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2020/10/07/119352/znaj-svoyu-istoriyu--provozglashenie-imarata-kavkaz-otrenchenie-ot-taguta--.shtml> (дата обращения: 25.03.2022)

сепаратизма. Так, Астемиров признает непреодолимые противоречия в среде полевых командиров после «победы в первой (кампания 1995-1996 гг.) войне». Следует отметить и расхожий в среде исламистов сюжет о «заговоре» ряда исламских авторитетов против вооруженной борьбы – призывы мусульманских авторитетов не только к миру, но даже к простому снижению накала противостояния представляются автору актом измены по отношению к джихадистам. В рамках данного текста Астемиров прямо противопоставляет провозглашенный Д. Умаровым «имарат» и государства, у власти в которых находятся мусульмане. Проект «имарата» представлен в качестве единственной альтернативы постепенному поглощению северокавказских мусульман «миром куфра и тагута». Отметим, что текст Астемирова не обозначает каких-либо географических границ провозглашенного «имарата» – возможно, новосозданная организация мыслилась автору и аудитории джихадистской пропаганды как модель будущего всемусульманского государства.

Подтверждение предположения, что отсутствие указания границ «имарата» – намеренное действие, а не оплошность Астемирова, содержится в ином тексте, размещенном на схожем тематическом ресурсе «Чечен. Инфо»⁹⁷. Текст за авторством Докку Умарова прямо указывает на необходимость продолжения джихада и вне территорий Северного Кавказа. Вооруженный джихад должен распространяться и на «... все исторические земли мусульман, а эти границы выходят за пределы Кавказа». Примечательно, что автор релиза не обозначает границ «исламской Реконкисты», называя среди прочих фронтов противостояния Афганистан, Ирак, Сомали и Палестину. Вопрос о границах получил свое освещение в интервью брата Докку Умарова, Ахмеда Умарова (Абу Хамза): так, «Имарат Кавказ» обозначается как «не организация, а государственное образование, и одновременно военно-политический Союз мусульман Кавказа, Идель Урала

⁹⁷ Официальный релиз заявления Амира Докки Умарова о провозглашении Кавказского Эмирата. 06.05.2020 [Электронный ресурс] // Чечен.Инфо. URL: <https://www.checheninfo.com/2020/05/06/337/> (дата обращения: 25.03.2022)

и Поволжья»⁹⁸. Очевидно, вопрос о форме государственного устройства (унитарное/федеративное теократическое государство, или же союз полноправных субъектов) так и остался неразрешенным в умах сторонников северокавказского исламизма.

Более скромные территориальные претензии можно обнаружить в идеях организованного Ш. Басаевым Конгресса народов Чечни и Дагестана, который ставил целью воссоздание исламского государства в границах бывшего имамата Шамиля с выходом к Каспийскому морю. В настоящее же время сколь-нибудь определенные территориальные границы гипотетического исламского государства на Северном Кавказе сменились полностью виртуальными «фронтами». Примером, ярко иллюстрирующим воображаемую географию современного «Имарата Кавказ», является эпизод исторической хроники, размещенной на сайте «Кавказ.Центр»: «14–19 июня 1995 г. разведывательно-диверсионный батальон (РДБ) ВС ЧРИ под командованием полковника Шамиля Басаева захватил город Будённовск Ставропольского края РФ (ныне Вилайят Ногайская Степь Имарата Кавказ)».

Следует обратить внимание и на проводимые Ахмедом Умаровым параллели с иными фронтами «глобального джихада» – так, противостояние на Кавказе сравнивается с вооруженным конфликтом в Боснии и Герцеговине, Афганской войной, а также проводимой на момент написания текста операцией коалиции под предводительством США в Афганистане.

Одним из наиболее важных вопросов в восприятии авторов является проблема суверенитета и источника власти в новой структуре. Астемиров с негодованием отвергает положения конституции ЧРИ 1992 г.: «Народ Чеченской Республики Ичкерия является единственным источником всей власти в государстве. Народ осуществляет принадлежащую ему суверенную власть непосредственно и через систему создаваемых им органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также посредством

⁹⁸ Ахмед Умаров: «В Имарате Кавказ идет процесс реорганизации» 20.10.2017 [Электронный ресурс] // Чечен.Инфо. URL: https://www.checheninfo.com/tag/имарат_кавказ_ик/ (дата обращения: 25.03.2022)

органов самоуправления»⁹⁹. Бескомпромиссный отказ от светского проекта национального государства в пользу «суверенитета Аллаха» мыслится как единственно верный и возможный путь развития, который призван объединить разрозненных и враждующих полевых командиров.

Схожая позиция обнаруживается и в ином тексте, размещенном на схожем исламистском сайте «Чечен.Инфо». В основу статьи¹⁰⁰ положен тезис «исторической миссии» освобождения от «оккупации» чеченскими джихадистами северокавказского региона. Как и в предыдущем материале, данный текст проводит знак равенства между северокавказским джихадизмом и движением «Талибан», а также мусульманами Косово. Интересны футурологические представления автора материала: «Имарат Кавказ» становится не только фундаментом общего дома народов Северного Кавказа, но и предтечей «истинного халифата», а значимость действий Докку Умарова только предстоит оценить потомкам, так как «не все из современников поддержали провозглашение и фактическое создания муджахидами Северного Кавказа исламского государства Имарат Кавказ».

В отношении самовосприятия регионального исламистского проекта показательно уже упомянутое нами интервью Ахмеда Умарова. Отвечая на вопросы интервьюера, Умаров отмечает универсальность исламистского проекта для всех народов Кавказа. Противоположностью единого общекавказского «Имарата» являются нежизнеспособные «мелкие национальные кварталы по границам, перекроенным Кремлем, так, чтобы народы Кавказа всегда враждовали друг с другом».

Примечательно, что в ходе интервью проявляется непроговариваемое признание поражения проекта построения исламистского государства: Умаров признает отход проекта северокавказского «имарата» на второй план

⁹⁹ Конституция Чеченской республики Ичкерия (с изменениями, дополнениями, внесенными Законом от 11 ноября 1996 г., Законом от 3 февраля 1997 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://chechenlaw.ru/?p=94> (дата обращения: 30.03.2022)

¹⁰⁰ Имарат - фундамент общекавказского дома. 05.10.2020 [Электронный ресурс] // Чечен.Инфо]. URL: <https://www.checheninfo.com/2020/10/05/имарат-фундамент-общекавказского-д/> (дата обращения: 30.03.2022)

в связи с событиями в Сирии (к 2017 г. могущество «Исламского государства» уходило в прошлое, однако боевики данной организации все еще оставались заметной силой в регионе). Причиной неудач исламистского проекта признаются непреодоленные националистические амбиции его лидеров, а также «незнание в полной мере законов ислама».

В отличие от присущего исламистской пропаганде сюжета заговора против исламской уммы, для анализируемого интервью более характерна тема «пятой колонны», возвращенной российскими спецслужбами и разлагающей изнутри мусульманское общество. Именно российское государство, по мнению Умарова, несет ответственность за поток мухаджиров на территорию Ближнего Востока: «Делалось это [выезд сторонников ИГ на территории Сирии и Ирака] для ослабления джихада на Кавказе против агрессии России, которая на протяжении веков уничтожает кавказцев, заселяя эти территории своими рабами». Временные рамки противостояния России и горских народов расширяются на глубину более трех столетий, а победа исламистского проекта на Северном Кавказе видится как шаг к установлению всемирного Халифата.

Несмотря на многочисленные утверждения в религиозной обоснованности утверждения новой формы организационно-государственного устройства, проблема легитимности «Имарата» все же занимает достаточно большое место в материалах исламистской пропаганды. Наиболее ярко позиция сторонников «Имарата» по отношению к современному состоянию (на 2021 год) организации выражена в статье «14 лет со дня образования Имарата Кавказ. О некоторых аспектах провозглашения ИК: Факты и домыслы»¹⁰¹. Материал статьи содержит изложение административной и управленческой структуры «Имарата Кавказ». Вторая половина материала посвящена политическим соперникам и

¹⁰¹ 14 лет со дня образования Имарата Кавказ. О некоторых аспектах провозглашения ИК: Факты и домыслы // Кавказ.Центр. 11.10.2021. URL: <https://kavkazcenter.com/russ/content/2021/10/11/120226/14-let-so-dnya-obrazovaniya-imarata-kavkaz--o-nekotorykh-aspektakh-provozglasheniya-ik-fakty-i-domysly-.shtml/> (дата обращения: 30.03.2022)

освещению раскола в рядах руководства организации. Авторы приводят в качестве нелегитимных структур целый ряд исламистских организаций (существующих исключительно в виртуальном пространстве): «Чеченская республика Ичкерия» Ахмеда Закаева, «Парламент Чеченской Республики Ичкерия»¹⁰² Жалоуди Сараяпова, «Президиум Правительства ЧРИ»¹⁰³ Ахьяда Идигова, «Чеченская Республика Ичкерия»¹⁰⁴ погибшего на Украине в 2015 г. Исы Мунаева, а также «Временный национальный законодательный совет Чеченской Республики Ичкерия» Мусы Темишева.

Сторонникам северокавказского исламизма очевиден глубокий кризис, в котором пребывает организация. Причиной упадка (фактически – прекращения реальной деятельности) видится как раскол в рядах «Имарата», так и появление альтернативного проекта в виде «Исламского государства». Последнее обозначается как «фитна» (хаос, смута), резко ослабившая позиции северокавказского проекта путем оттока джихадистов на территорию Ближнего Востока. Тем не менее, несмотря на признание состояния упадка, джихадистская пропаганда по-прежнему транслирует тезис о грядущей победе в противостоянии с российским государством.

В восприятии современных сторонников северокавказского исламизма, совершенный в 2007 г. переход от национального к исламистскому проекту обладает следующими характеристиками:

1. Обоснованность отказа от Конституции 1992 г. прямым религиозным долгом;
2. Неизбежность провозглашения «имарата» как возвращение к основам праведной религии предков, отказа от «куфра и тагута демократии»;
3. Расширение сферы северокавказского джихада (включение в «Имарат Кавказ» на правах административных единиц ряда регионов, а

¹⁰² Нам удалось обнаружить телеграм-канал данной структуры. URL: t.me/TheParliamentofChRI (дата обращения: 01.04.2022)

¹⁰³ Портал Ичкерия.Инфо». URL: <https://ichkeria.info/> (дата обращения: 01.04.2022)

¹⁰⁴ Информационное агентство «Chechenews». URL: <https://chechenews.com/> (дата обращения: 01.04.2022)

также номинальное создание «фронтов джихада» в регионах с мусульманским населением);

4. Преемственность «Имарата» предыдущим государственным образованиям Северного Кавказа: Северо-Кавказского Эмирата (1919-1920, Имамата Нажмуддина (1917-1918), имамата Алибек-Хаджи и Мухаммад-Хаджи (1877-1878), имамата Дагестана под предводительством Имамов Гази-Мухаммада, Хамзат-Бека и Шамиля (1829-1859) и имамата Шейха Мансура (1785-1791)¹⁰⁵.

Говоря о генезисе сепаратистско-исламистского проекта в регионе Северного Кавказа, следует упомянуть и своеобразную концепцию мирного урегулирования конфликта, предложенную в 1999-2001 гг. Хож-Ахмедом Нухаевым. Идея Х.-А. Нухаева о мирном сосуществовании России и Чечни иллюстрирует общий контекст становления исламистского дискурса на Северном Кавказе и многообразие вариантов исламистской идеологии, возможность ее сопряжения с идеями традиционализма и геополитики. Проанализированная нами концепция содержится в двух текстах: «Ведено или Вашингтон»¹⁰⁶ и «Давид и Голиаф, или Российско-чеченская война глазами "варвара"»¹⁰⁷, опубликованных на интернет-странице «Независимой газеты» в декабре 2000 и 2001 г. Хожа-Ахмед Нухаев является заметным деятелем чеченского сепаратистского проекта, в разные годы занимая пост руководителя службы внешней разведки (правление Дж. Дудаева) вице-премьера ЧРИ (правительство Зелимхана Яндарбиева); отметил Х.-А. Нухаев и при создании шариатской конституции ЧРИ, будучи одним из ее авторов.

Предложенная Х.-А. Нухаевым концепция мирного сосуществования Чечни и России крайне необычна, в равной степени как и трансформация

¹⁰⁵ 14 лет со дня образования Имарата Кавказ. 10.11.2021 [Электронный ресурс] // Кавказ.Центр. URL: <https://kavkazcenter.com/russ/content/2021/10/11/120226/14-let-so-dnya-obrazovaniya-imarata-kavkaz--o-nekotorykh-aspektakh-provozglasheniya-ik-fakty-i-domysly-.shtml> (дата обращения: 12.12.2021)

¹⁰⁶ Х.-А. Нухаев. Ведено или Вашингтон 18.04.2001 [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/net/2001-04-18/0_euroasia.html (дата обращения: 27.11.2022)

¹⁰⁷ Х.-А. Нухаев. Давид и Голиаф, или Российско-чеченская война глазами "варвара"». URL: http://scenario.ng.ru/expertize/2000-12-10/4_goliaf.html (дата обращения: 27.11.2022)

самого Х.-А. Нухаева из лидера чеченских преступных группировок в Москве и функционера сепаратистского правительства в философа-традиционалиста. Рассматриваемые тексты можно охарактеризовать как традиционалистские: их наиболее яркой чертой является оппозиция современному миропорядку западной (атлантической, или «морской» в терминологии Нухаева) цивилизации. Альтернативой бездушному и безжизненному обществу потребления, навязываемом Западом, в представлении автора является «варварское» общество Традиции, основанное прежде всего на родоплеменном строе.

Конфликт на Кавказе вписывается автором в более широкий контекст цивилизационного противостояния, но не между Россией и Чечней, а наступающего мира модерна и обороняющейся традиции. Общество южной (горной) Чечни в представлении Х.-А. Нухаева является архетипическим представителем здорового традиционного общества, в то время как Россия представлена не как аксиологический противник Чечни, но в качестве инструмента сил глобализации. Осознание Россией своей роли как «тарана» чуждых ей сил и гипотетический союз с непокорной Чечней должны привести к слому натиска Запада и формированию евразийской империи, построенной на принципах традиционизма.

Наиболее желательным исходом противостояния, обозначенном в статье «Давид и Голиаф», является союз православного Севера и исламского Юга и формирование оси Москва-Тегеран; занимающая промежуточное положение Чечня является связующим звеном между двумя антизападными обществами. По этой же причине конфликт на Кавказе видится автору как препятствие на пути формирования мощного антизападного блока, а военная победа Чечни (представлявшаяся автору на момент 2000 г. неизбежной) должна была стать путем осознания Россией своей роли в качестве инструмента Западной цивилизации и началом ее освобождения от оков модерна.

Интересна и выделенная автором роль Грозного в глобальном конфликте «варварства и цивилизации». В представлении Х.-А. Нухаева, заложенный генералом Алексеем Ермоловым Грозный стал разрушительным центром цивилизации, распространяющейся по Чечне (для обозначения этого процесса Нухаевым применяется метафора раковой опухоли, метастазы). Практически полное разрушение города в ходе военных действий только приветствуется автором текста, так как «... ради возвращения к Истине, пришлось бы рано или поздно решить самим - деконструировать Грозный, который, как и любой город, был гнездом разврата и растления, смешения и ассимиляции, нёс нам гнилое дыхание цивилизации».

Образ городской цивилизации неразрывно связан с образом государства. Институт государственности также противостоит образу желанного «варварства» (состояния традиционного родоплеменного общества) – так, именно государственность имамата Шамиля обвиняется в поражении борьбы горцев Кавказа против Российской империи: «Широко распространено мнение, будто своим долголетним и успешным сопротивлением России чеченцы обязаны государству «Имамат». Это мнение глубоко ошибочно, так как хроники российско-кавказской войны убедительно показывают, что чеченское сопротивление слабело прямо пропорционально усилению государства. Государство не сплотило и не могло сплотить чеченцев, поскольку привнесло в их общественную жизнь социальное расслоение и разбило народ на взаимно враждебные группы».

Таким образом, разрушение Грозного представлено не только как потеря важного военного плацдарма российской армии, но и как предвестие грядущего краха модерна на территории Чечни, сакральный акт очищения земли предков: «Разрушение Грозного - это предвестие гибели империи, и его руины станут могилой цивилизации. Уверен, что когда-нибудь настанет время, когда чеченцы начнут водить своих детей на развалины Грозного как в музей, чтобы показать им в какой нравственной дикости жили их предки, заключенные в каменные клетки, сутившиеся в бетонных муравейниках».

Предложенные идеи были развиты Х.-А. Нухаевым в следующей работе «Ведено или Вашингтон». Автор разворачивает концепцию трех уровней существования человеческих сообществ: гор (абсолютных ценностей высокого уровня), суши (основных ценностей) и моря (наиболее ликвидных ценностей низкого уровня). Конфликт между Горами и Сушей (Чечней и Россией) представляется автору достаточно серьезным, однако куда в большей мере ожесточен конфликт между Горами и Морем. В аксиологическом противостоянии глобализму Чечня и Россия в представлении Х.-А. Нухаева могут оказаться союзниками, а сама Россия уже выбрала путь оппозиции Западу, став на курс воссоздания своей империи. Воссоздаваемая империя России, как полагает Нухаев, должна стать частью более масштабной Евразийской империи, мощной конфедерации стран и этносов с высокой долей автономности.

Автору видится возможным следующее решение затянувшегося конфликта в Чечне: разделение республики на две части, Северную (равнинную) и Южную (горную). Южная Чечня (Чечения в терминологии автора) должна быть отделена от России с возвращением к желанному состоянию родоплеменного строя, основой которого является кровная месть. Подразумевается, что Северная часть Чечни войдет в состав Российской Федерации с полными гражданскими правами ее населения, управлением из Москвы и помощью центрального правительства. В концепции Х.-А. Нухаева только такое решение конфликта будет не только обоюдовыгодным для враждующих сторон, но и нанесет фатальный удар цивилизации Моря, станет верным шагом на пути создания новой евразийской общности и установления оси Москва-Тегеран (православная - исламская цивилизация).

К настоящему моменту, пережив ряд расколов и многократно лишившись руководства, движение северокавказских исламистов существует в исключительно виртуальной форме. «Чеченская республика Ичкерия», зародившись как квазигосударственное национально-сепаратистское

движение, в конечном итоге обрела форму подпольных ячеек радикальных исламистов. Отказ от институтов светского государства и ставка на радикальный исламизм вряд ли были сознательными устремлениями первых руководителей мятежной республики, однако постепенная утрата контроля за проникающими на территорию Чечни салафитскими боевиками и проповедниками, распад экономических структур, все большая автономность полевых командиров и разногласия в среде самого руководства наряду с военными поражениями привели к постепенной замене национальной риторики на исламистскую. Тем не менее, для современной (виртуальной) формы «Имарата Кавказ» все еще чрезвычайно характерна риторика «многовекового противостояния России» и исторической травмы. В достаточно сильной мере выражены и идеи освободительной, антиколониальной борьбы. Народы Кавказа в риторике современных последователей северокавказского исламизма представляют собой передовой отряд борьбы с империалистическими устремлениями России, а масштаб противостояния расширяется на несколько столетий.

Серьезный удар по находившемуся в затяжном кризисе радикальному исламизму на Северном Кавказе был нанесен реанимацией идеи общемусульманского Халифата и стремительным ростом «Исламского государства» в 2014-2016 гг. Несмотря на то, что риторику «Имарата Кавказ» все же можно включить в экспансионистский дискурс «Исламского государства», национальный компонент оказался достаточно силен для очередного раскола. Середина 2015 г. отмечена массовым байятом (присягой) ряда руководителей вилайятов Имарата на верность халифу «Исламского государства» Абу Бакру аль Багдади.

ГЛАВА 2. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ИСЛАМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

2.1. Условия формирования коллективной памяти северокавказского исламизма

Эксплуатация прошлого является одним из важнейших компонентов легитимации любого политического режима. Используя конкурирующие интерпретации исторических событий, политические структуры оправдывают свои идеи и действия, ведут борьбу за привлечение сторонников, выстраивают свое видение будущего. Вопросы политической эксплуатации прошлого приобретают особую важность в условиях неравных сил или неопределенности, идеологического вакуума в обществе. Для любой общественной силы, позиционирующей себя как альтернативный проект текущему социальному устройству, умелое использование событий прошлого становится залогом выживания и развития.

В более широком контексте изучение пространственно-временных характеристик джихадистской организации и джихадистского нарратива в целом способно ответить на ряд значимых вопросов:

1. С помощью каких инструментов джихадистская пропаганда осуществляет конструирование религиозно-политической идентичности?
2. Какие исторические события формируют джихадистский нарратив?
3. Какие аргументы используются радикальной пропагандой для легитимации джихадистских структур?
4. Как соотносятся пространственный и временной компонент радикальной пропаганды?

Необходимо учитывать и значительную эволюцию, которую претерпел исламизм на Северном Кавказе к 2020 г., пройдя путь от сепаратистского проекта светского государства к состоянию джихадистского подполья: к описываемому нами периоду идеологи «Имарат Кавказ» не создали сколь-

нибудь объемных концепций видения прошлого, преимущественно эксплуатируя идеи предыдущего этапа выстраивания исторического нарратива. Созданное усилиями позднесоветской светской и религиозной интеллигенции Северного Кавказа, деятелями «Чеченской республики Ичкерия» историческое повествование легло в основу исторических нарративов и темпоральной картины северокавказского джихадизма, пришедшего на смену сепаратистскому проекту.

Наиболее очевидным направлением исследовательского поиска является помещение проблематики политической эксплуатации прошлого в культурный контекст и анализ взаимодействия исторических событий с политической сферой. В рамках данного исследования представляется разумным сужение проблемного поля до концепций ключевых мемориальных акторов политического использования прошлого в дискурсе северокавказского радикализма. В качестве таковых нами были выделены лидеры сепаратистского-религиозного проекта (в частности, З. Яндарбиев как главный идеолог северокавказского исламизма в ранний период его развития), а также «творческая интеллигенция», возникшая в ходе двух военных кампаний (в качестве наиболее ярких представителей были отобраны Тимур Муцураев, Хусейн Бетелгириев, Имам Алимсултанов). Еще одним актором северокавказской пропаганды ичкерийского периода стал Хож-Ахмед Нухаев, предложивший крайне оригинальную картину взаимодействия Чечни и России¹⁰⁸.

Прежде всего необходимо концептуализировать понятие коллективной памяти и режима памяти. Подходящим для целей данной работы нам представляется определение О.Ю. Малиновой, понимающей коллективную память как репертуар идей, образов, символов и мифов о прошлом, разделяемых группой¹⁰⁹ (в данном случае – сторонниками северокавказского

¹⁰⁸ Х.-А. Нухаев. "Давид и Голиаф, или Российско-чеченская война глазами "варвара". 10.12.2000 [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://scenario.ng.ru/expertize/2000-12-10/4_goliaf.html (дата обращения: 27.11.2022)

¹⁰⁹ Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты и нарративы: коллективная

сепаратистско-религиозного проекта на раннем этапе его функционирования).

Инфраструктуру коллективной памяти составляют тексты (основной объект нашего внимания), праздники, ритуалы, символы и названия социально значимых объектов. Несмотря на то, что формирование коллективной памяти происходит благодаря усилиям профессиональных групп, сам успех предложенных моделей зависит от степени их резонанса с памятью на массовом уровне. При анализе коллективных представлений о прошлом необходимо учитывать и мифы, сюжетные линии, исторические события, между которыми выстраиваются связи и за интерпретацию которых ведут борьбу различные мнемонические группы и уроки, извлекаемые из данных событий (и разнящиеся в зависимости от проведенных интерпретаций событий). Борьба различных мнемонических сообществ за различные интерпретации одних и тех же событий и создает режим памяти, отражающий мнемонический ландшафт конкретного сообщества.

Реализация компонентов коллективной памяти происходит в виде нарративов (связных, сюжетно оформленных повествований о прошлом). Исторические нарративы являются носителями идентичности социума, идентификаторами отношений «свой/чужой». Из множества мемориальных компонентов, содержащихся в коллективной памяти социума, в процессе идеологической борьбы отбираются конкретные сюжетные линии и их трактовки, образующие конкурирующие нарративы - сюжетно оформленные версии и трактовки событий прошлого.

Сложение основных компонентов инфраструктуры коллективной памяти Северного Кавказа пришлось на позднесоветскую эпоху, когда национальная интеллигенция региона взялась за формирование/переосмысление ключевых событий национальной истории¹¹⁰.

монография / под редакцией А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 26-39.

¹¹⁰ Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 250-269

В ходе противостояния с центральной властью и задолго до образования «Имарата Кавказ» произошло оформление основных концепций джихадистского дискурса: важнейшую роль в этом процессе, как нам представляется, сыграли взгляды Зелимхана Яндарбиева.

В рамках данного раздела предпринята попытка источниковедческого анализа книги Яндарбиева. В соответствии с классификацией источников, приведенной Н.Г. Георгиевой,¹¹¹ текст З. Яндарбиева можно обозначить как публицистический источник: несмотря на значительную долю мемуарного компонента, основная функция книги Яндарбиева состоит в формировании общественного сознания в соответствии с социально-политическими основами сепаратистского проекта.

Современная методология исторической науки выделяет несколько этапов источниковедческого исследования¹¹². В соответствии с предложенной схемой обозначим исторический контекст создания книги Яндарбиева.

Имеющаяся в нашем распоряжении книга З. Яндарбиева представляет собой ряд политических очерков, собранных воедино под редакцией украинской журналистки Марии Базелюк; львовское издание книги датируется 1996 г.

Одним из знаковых моментов противостояния в 1996 г. стал рейд Ш. Басаева на Будённовск, в равной степени сопровождавшийся беспрецедентной жестокостью и строгим расчетом. Захват заложников и последовавшие переговоры Ш. Басаева и В. Черномырдина предоставили ичкерийским отрядам жизненно необходимую передышку – несмотря на крайне тяжелый «новогодний» штурм Грозного, к лету 1996 г. сепаратистский проект переживал тяжелый военный кризис, а отряды боевиков несли все новые невосполнимые потери. Август 1996 г.

¹¹¹ Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 222.

¹¹² Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т «Открытое общество», 2004 . С. 127

ознаменовался «операцией Джихад» (вторичное занятие Грозного отрядами боевиков), а вслед за тем – соглашениями в Хасавюрте, формально оформившими завершение Первой чеченской войны.

Несмотря на во многом успешное для боевиков завершение лета 1996 г., проект «Ичкерии» переживал стадию острого политического кризиса – после уничтожения Джохара Дудаева военно-политическое руководство ЧРИ утратило единство и фактически распалось. Уже после завершения первого штурма Грозного полевые командиры приобрели значительную самостоятельность, а потеря лидера в еще большей степени ослабила централизованное руководство военными операциями. Президентские выборы января 1997 г. принесли победу наиболее «умеренному» кандидату – Аслану Масхадову, набравшему 59,3% голосов. Автор исследуемой книги, З. Яндарбиев, вышел на третье место с 10,1% голосов. Промежуточное второе место занял Ш. Басаев с 23,5 % голосов.

Полагаем, что книга Яндарбиева нацелена на оформление и широкое распространение идеологии сепаратистского проекта, который к описываемому времени хоть и находился в состоянии всестороннего кризиса, однако имел потенциал к экспансии за счет воспринимаемых в качестве поражения России соглашений в Хасавюрте. Необходимость активных наступательных действий диктовало и истощение экономической базы самой Чечни.

При ответе на вопрос об обстоятельствах создания текста и влиянии внешних факторов на его достоверность очевидна попытка З. Янадрбиева создать и распространить нарратив освободительной борьбы Чечни за независимость от «имперского центра». Не останавливаясь на степени достоверности изложенных автором событий позднесоветского периода, отметим чрезвычайно избирательность автора в выборке фактологии для своего повествования. Так, З. Яндарбиевым фактически игнорируется военная обстановка в Чечне после «новогоднего штурма» и постепенного вытеснения боевиков из города, из фокуса внимания Янадрбиева полностью

выпадают и детали теракта в Будённовске. Сам рейд Ш. Басаева обозначается как военно-политическое поражение России; при этом уничтожение Дж. Дудаева подается как «акт международного терроризма». Полагаем, что приведенные факты однозначно закрывают вопрос о степени объективности текста книги, выполняющего прежде всего пропагандистскую функцию и нацеленного на легитимацию сепаратистского проекта в общественном сознании.

Помимо самого текста изучаемого источника, важен общественный аспект его восприятия. Для полномасштабного исследования эволюции анализируемой идеи (к примеру, центральной идеей текста Янадрбиева может считаться концепция «кавказскости» и «освободительной борьбы чеченского народа») необходимо рассмотрение книги в рамках более общего контекста времени, формируемого множеством более мелких политических текстов. Однако сочинение Янадрбиева остается едва ли не единственным доступным нам крупным и значимым идеологическим обоснованием северокавказского исламизма – важную роль в этом обстоятельстве, как нам представляется, сыграло и достаточно высокое социальное положение автора к началу описываемых в книге событий, и полученное Янадрбиевым университетское филологическое образование. Тем не менее, некоторое представление о социальной роли и задачах книги дает объемное предисловие редактора, украинской журналистке Марии Базелюк.

Предисловие выдержано в рамках общего повествования о неравной национально-освободительной борьбе против превосходящих имперских сил, воплощаемых Россией. Так, Базелюк приводит слова Дудаева о «русизме-сатанизме», обозначая этим понятием угрозу чеченской независимости. Само обозначение Чечни заменено на «Чечения» – редактор книги утверждает, что «феномен Чечении, не устранившейся во стократ более сильного врага, притом вооруженного средствами массового уничтожения, применяемыми на всю катушку, будут изучать и исследовать историки, философы, политологи будущего тысячелетия».

Особое внимание автор предисловия обращает на связь чеченского и украинского народов, обозначая поддержку, оказанную ЧРИ со стороны украинских парламентариев (в частности, упоминается инициированного украинской стороной создание межпарламентского комитета по защите Ичкерии). Также предисловие Базелюк акцентирует внимание на образе украинского и чеченского народов в качестве жертвы советской политики, направленной на геноцид всей этнической общности.

Таким образом, тексту Яндарбиева отводится роль политического заявления, обличающего имперские устремления России. В таком же характере выдержан и непосредственно текст самой книги.

Наиболее важный в контексте данной работы элемент источниковедческого исследования представлен анализом содержания книги Яндарбиева. Выделим некоторые, как нам представляется, наиболее значимые черты данного текста.

Наиболее яркой характеристикой произведения является его выдержанность в духе советских политических текстов. Данное обстоятельство также отмечается Д. Гараевым как в значительной мере присущее корпусу текстов русскоязычного джихадизма до появления «бренда» «Исламского государства»¹¹³. Дискурс антиколониальной борьбы ярко проявляется на всем протяжении книги Яндарбиева – отличие от советского канона политических текстов проявляется лишь в замене заокеанского империализма на российский. Мессианские ожидания, также свойственные советскому политическому дискурсу, переносятся с передовой роли пролетариата на историческое призвание чеченского народа, который «разорвал политический занавес последней из империй»¹¹⁴. Сепаратистскому проекту отведена роль движущей силы истории, в то время как находящейся к тому моменту на стадии разрушения советской системе – реакционной

¹¹³ Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-russkoyazychnogo-dzhihadizma-do-igil-retseptsiya-sovetskogo-kak-rozhdenie-postsovetskogo-radikalizma> (дата обращения: 07.07.2021)

¹¹⁴ Яндарбиев З. Чечения-битва за свободу. Львов, 1996. С. 20

силы, пытающейся «развернуть историю вспять» (из фрагмента книги, повествующего о провозглашении Декларации независимости и реакции на это событие союзного центра). Разрушение советской империи (а вместе с ней – и российского государства) в представлении Яндарбиева носит неотвратимый, исторический характер: «... империя просчиталась, потому что не учла законы общественного развития. Все было предрешиено судьбой».

Таким образом, роль ЧРИ в изложении Яндарбиева приобретает отчетливо мессианский, всемирно-исторический характер – разрушение «последней империи» и освобождение поработанных народов, которые за годы нахождения в составе российского/советского государства подвергались непрестанной идеологической обработке с целью вымывания национального компонента. Знаковые моменты этапов государственного строительства ЧРИ носят характер сакральных актов очищения, возврата к национальным истокам и возрождения нации. К таким моментам Яндарбиев относит учреждение Шариатского суда (первое заседание в Ведено – «столице» ЧРИ после утраты контроля над Грозным), декларацию государственного суверенитета, президентские выборы в Чечне в октябре 1991 г. и после уничтожения Джохара Дудаева, а также «Операцию Джихад» (повторное занятие боевиками Грозного в августе 1996 г.). Период 1991-1994 гг. обозначается как «излечение чеченского самосознания от наследия колониального прошлого», а эволюция проекта Ичкерии – как «путь национального освобождения колониальных народов Российской Империи».

События, прошедшие с момента распада советского государства, помещены Яндарбиевым в широкий контекст «общечеловеческой борьбы и развития». При этом имперская система в представлении Яндарбиева не ограничивается территорией лишь России – так, «в войне против Чечении на стороне России участвуют все страны СНГ». Яндарбиев, в отличие от своих более поздних последователей, подчеркивал отсутствие враждебности по отношению к русскому народу, обозначая оборонительный и освободительный характер войны. Данный идеологический прием был

полностью утрачен позднее – в текстах северокавказского исламизма более позднего времени русофобия и подчеркнуто пренебрежительное отношение к русской нации стали одним из центральных компонентов.

Одним из элементов инфраструктуры режима памяти являются названия общественных пространств. В ходе реализации сепаратистского проекта логичным образом произошло переименование множества знаковых мест. Наиболее яркой иллюстрацией является смена названия города Грозный на Джохар в честь первого президента ЧРИ Джохара Дудаева (в тексте Яндарбиева столица республики все еще именуется Грозным). Изменения коснулись и других мест и символов. Наиболее интересную трансформацию пережила площадь Ленина, также фигурирующая в тексте под именем пл. Шейха Мансура (ныне – пл. Абубукара Кадырова). За время событий 1990-х гг. площадь неоднократно переименовывалась как сепаратистами, так и центральной властью: в очередной раз занимая город, каждая из сторон возвращала площади свое название. Примечательно, что повествуя о политической борьбе осенью 1991 г. и оппозиционном новым властям республики митинге, Яндарбиев употребляет советское название площади, т.к. «... хотя площадь и была переименована, народ не хотел связывать антинародный митинг с именем национального героя (т.е. Шейха Мансура) и поэтому называл ее [площадь] именем коммунистического вождя, за реанимацию идей которого ... и стояли его участники»¹¹⁵. Довольно много места Яндарбиев отводит перипетиям противостояния «двух площадей» – занятой оппозицией пл. Ленина и продудаевским митингом на площади Свободы (пространство возле Дома Советов получило данное наименование после победы сторонников Дудаева, ныне – пл. имени Ахмата Кадырова). Значимым моментом является эксплуатация Яндарбиевым сюжета из истории России XIX в.: повествуя об идеологическом противостоянии двух митингов, Яндарбиев уподобляет площадь Свободы Сенатской площади, а самих митингующих – декабристам. Не избежала

¹¹⁵ Там же. С. 185

переименования и другая площадь довоенного Грозного – Дружбы народов, которой было присвоено имя Лечи Хултыгова, главы службы национальной безопасности ЧРИ. Наконец, сама территория Чечни в книге Яндарбиева фигурирует исключительно под названием Чечении. Переименования пространств Грозного и трансформация городского пейзажа принимает характер сакрального обновления – так, снос памятника Ленину 23 августа 1991 г. обозначен как момент «очищения насквозь пропитанного коммунистическим духом сознания чеченского народа».¹¹⁶

Еще одно дихотомическое противопоставление связано с другим знаковым местом – Домом политического просвещения КПСС. В то время как митинг на площади Свободы приобретает черты религиозного действия (периодический зикр, сменяющий политические речи), Дом политпросвещения, место заседания Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики (захвачен толпой 6 сентября 1991 г.), именуется «главным штабом атеизма республики». Сакральное очищение произошло и с этим пространством – по просьбе духовенства здание было передано под нужды Исламского института.

На протяжении всей книги заметны усилия автора по приданию легитимности новообразованному государству. Заметно изменение модальности данных усилий: если в объемном предисловии, посвященном в основном оформлению политических сил в ЧИ АССР, легитимация строится на моральных аргументах национально-мессианского характера с обращением к мудрости народа в лице старейшин, то начиная с изложения событий 1992 г. все в большей степени в фокус внимания Яндарбиева попадает религиозный компонент. При этом выдержанная вполне в советском духе риторика всемирной антиимпериалистической и антиколониальной борьбы по-прежнему занимает значимое место в обосновании легитимности нового правительства Чечни. Присутствует и обращение к международным правовым нормам: неоднократно Яндарбиев

¹¹⁶ Там же. С. 165

указывает на полное соответствие президентских выборов 1991 г. международному праву. Последнее утверждение, учитывая социально-политическую обстановку в республике, закономерно вызывает значительные сомнения. В поисках легитимности и морального оправдания Яндарбиев вновь обращается к историческим аллюзиям, утверждая, что «... Лидице, Орадур, Хатынь, Сонгми, перед которыми цепенеет в скорби человечество, методично и с ужасной неотвратимостью повторяет в Чечении Российское государство».

Представляется, что концепции национально-освободительной борьбы и мессианского предназначения чеченского народа – «разрушение последней империи», были постепенно заменены на религиозные положения. Момент трансформации усматривается нами в апреле 1996 г., когда в селе Гехи-Чу после вступления в должность Президента Зелимханом Яндарбиевым был провозглашен джихад против России. Религиозная война видится новому руководству ЧРИ «благоприятной перспективой для возрождения чеченского народа и Кавказа». Джихад в представлении Яндарбиева порожден «... идеологией русизма, великодержавно-шовинистическим, имперским характером России, являющейся сегодня [...] угрозой не только любым народам и государствам, но и принципам, даже намекам на гуманизм, свободу, честь и достоинство личности [...]». Таким образом, к моменту 1996 г. руководство ЧРИ в лице наиболее образованной его части сделало ставку на усиление религиозного компонента противостояния. Отметим, что еще в августе 1992 г. Дж. Дудаев не отвергал возможности построения светского государства: «Место ислама в Чечне будет зависеть от политической ситуации в республике... Будут усиливаться негативные внешние факторы – будет усиливаться ислам. Будет возможность самостоятельного выбора, самостоятельного развития – будет развиваться конституционное светское

государство»¹¹⁷. Период между 1991-1996 гг. можно обозначить как укрепление идеи религиозного насилия в сознании элит ЧРИ.

Полагаем, что объяснение этому явлению носит комплексный характер. В первую очередь, религия виделась мощным средством воздействия, допустимом для использования в моменты наиболее серьезных угроз новому режиму. Так, одним из наиболее важных испытаний для оформляющихся структур ЧРИ стало введение режима чрезвычайного положения российскими властями на территории республики в ноябре 1991 г. Тогда Дудаев призвал мусульман Москвы превратить столицу в «зону бедствия во имя нашей общей свободы от куфра»¹¹⁸. Несмотря на отсутствие терминологии религиозной войны, очевидна эксплуатация чувства веры, стремления к избавлению от греха неверия (куфра). Постепенная деградация государственных и военных институтов ЧРИ (несмотря на обилие формально создаваемых постов и структур) привела к возрастанию важности полунезависимых от центральной власти отрядов полевых командиров, в том числе – и иностранного, религиозно мотивированного элемента. В.А. Тишков также отмечает всеобъемлющую исламизацию общества как признак 1996 г., а слабая религиозность значительной части населения и наличие в Чечне конфликтующих групп «старого» (суфийского) и «нового» (пришлого салафитско-ваххабитского) ислама стала залогом успеха упрощенного, редуцированного понимания ислама¹¹⁹. В период остановки экономической жизни республики, отсутствия выполнения социальных обязательств государства перед населением, разрушения привычной картины мира именно упрощенный ваххабитский ислам давал простое и понятное объяснение обстановки. На материалах значительного полевого исследования В.А. Тишков разворачивает картину постепенного проникновения ваххабитского ислама в прежде относительно секуляризованную Чечню: «...

¹¹⁷ Тернистый путь к свободе. Правительственные документы Чеченской Республики, статьи, интервью. Вильнюс: Изд-во «Вага», 1993. С.115.

¹¹⁸ Сборник указов и распоряжений президента Чеченской республики с 1 ноября 1991 г. по 26 мая 1993 г. Грозный, 1993. С.4

¹¹⁹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2003. С.339.

к нам стали приезжать арабы. Они нам открыли глаза. Оказывается, нашу религию засорили муллы [...] Мне нравилось, чтоб арабы хотят воевать, пока не освободят весь мир от гяуров. Из-за этого некоторые спорили. Но арабы говорили, что газават должен продолжаться до тех пор, пока все христиане не перейдут в ислам. Это большой газават. Малый газават – это когда мы победим гяуров. Большой газават – это когда умы всех мусульман повернутся в сторону учения Абл аль-Ваххаба. Тогда исламские страны станут общей родиной всех мусульман»¹²⁰.

Религиозное чувство стало удобным инструментом в мобилизации уставшего от войны и разрухи населения: к тому моменту, когда утопические призывы к «разрушению последней империи» и построения независимого национального государства утратили действенность, религия затронула иные, менее чувствительные ко внешним неудобствам механизмы человеческой психики, направленные на достижение личного духовного спасения. Зелимхан Яндарбиев, в отличие от первого президента ЧРИ, твердо избрал путь эскалации религиозно мотивированного насилия. После прихода к власти Яндарбиев подписал указ о шариатских судах, пришедших на смену расформированным светским органам правосудия. К формированию судебной системы на основе шариата был привлечен видный деятель дагестанского исламизма Багаудин Кебедов; одновременно был введен так называемый Уголовный кодекс-шариат, фактически являвшийся переводом Уголовного кодекса Судана. В Грозном открылся Исламский молодежный центр. В 1997 г. парламент внес изменения в Конституцию ЧРИ, провозгласившие ислам государственной религией¹²¹. Таким образом, ислам ваххабитского толка, несмотря на противодействие как со стороны духовенства тарикатов, так и частичное неприятие населением региона, органично вписался в цели руководства ЧРИ пост-дудаевского периода.

¹²⁰ Там же. С.342.

¹²¹ Осмаев А. Д. Роль религиозного фактора в чеченском кризисе концах-началах 1 вв. [Электронный ресурс] // Via in tempore. История. Политология. 2008. №5 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznogo-faktora-v-chechenskom-krizise-kontsahh-nachalahh1-vv> (дата обращения: 03.06.2022).

Решение парламента ЧРИ являлось лишь логичным завершением дрейфа чеченского руководства к использованию религиозных концепций, а также все возрастающей ролью иностранных отрядов наряду со все меньшим контролем над ними со стороны центрального правительства.

Следующим значимым сюжетом книги Яндарбиева, нуждающимся в анализе, является активно продвигаемая автором концепция кавказскости. Суть этого явления наиболее четко сформулирована автором в приложении к книге, состоящем из нескольких статей. Статья «Кавказскость» датирована 1990 г. – временем активного оформления и борьбы различных политических сил ЧИ АССР.

Начало статьи выдержано в духе полемики с идеей исчезновения национальных противоречий по мере продвижения к коммунизму. Оппонируя этому утверждению, Яндарбиев выводит тезис о единой, цельной сущности гетерогенного пространства Кавказа, находящегося на периферии как Запада, так и Востока. Отличительным признаком кавказскости как имманентного свойства населяющих регион народов Яндарбиев довольно абстрактно отмечает свободолюбие и нетерпимость к притеснению. Кавказ в представлении Яндарбиева является уникальным в географическом и социальном отношении регионом, население которого, будучи под влиянием коммунистической идеологии, не в силах осознать свою принадлежность к единому кавказскому социуму. В историческом плане Кавказу также отведена особая, уникальная роль в эволюции человеческого духа – данное утверждение подтверждается цитатой Гегеля: «Лишь в кавказской расе достигает дух абсолютной идентичности с самим собой [...]. Прогресс мировой истории начинается с пути кавказской расы».

В контексте данной работы особо важен взгляд Яндарбиева на религиозную обстановку в регионе Кавказа. В представлении Яндарбиева, опасность для осознания «кавказскости» несет умелое манипулирование религией со стороны имперского центра. Предлагаемое автором текста решение видится в экуменизме, объединении христианства и ислама – так

как и населяющие регион христиане, и мусульмане в равной степени являются носителями «кавказскости». Как видно из времени написания статьи, за несколько лет взгляды Яндарбиева на религию претерпели значительную эволюцию – объявляя джихад России в 1996 г., Яндарбиев, осознанно или нет, уподобился обвиняемому им «имперскому центру» в политическом использовании религиозного чувства.

Культурный контекст противостояния в Чечен в значительной мере формировался поэтическим творчеством; также нам удалось обнаружить продолжение чеченской поэтической традиции в более позднюю эпоху. Проводя антропологическое наблюдение, В.А. Тишков отмечает значительную роль поп-музыки в сложении новой мифопоэтики воюющего общества¹²². Роль поп-культуры в сложении медиа-образа шахидов выделяется и Д. Гараевым – очевидно, что период двух чеченских кампаний стал временем не только активного творческого осмысления конфликта, но и создания новой мифологии, распространяемой среди широких масс прежде всего в форме магнитофонных аудиозаписей. Проанализировав несколько наиболее ярких, по нашему мнению, поэтических произведений, выделим характерные конструкции чеченской поэзии 1990-х гг.

Одной из проблем при анализе чеченских песенных текстов является их датировка. В настоящее время некоторые из аудиозаписей знаковых чеченских бардов (в первую очередь, Т. Муцураева) по-прежнему доступны в открытом доступе. Для анализа нами был выбран ряд текстов трех чеченских бардов: Тимура Муцураева, Имама Алимсултанова и Хусейна Бетелгириева, написанных на русском языке. Кроме того, работа В.А. Тишкова содержит несколько записанных автором текстов как на чеченском, так и на русском различных исполнителей (в частности, группы «Зама»). Несмотря на то, что выбранные в качестве объекта изучения тексты однозначно не представляют собой всю палитру чеченской военной поэзии (и поэзии военного времени),

¹²² Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2003. С.149.

содержащиеся в них сюжеты достаточно ярко демонстрируют дискурсивное пространство воюющего общества. Полагаем, что сконструированные в период 1990-х гг. концепты легли в основу инфраструктуры режима памяти северокавказского исламизма начала XX в..

Одним из основных топосов, присутствующих в проанализированных нами поэтических текстах, является тематика империи и неравного противоборства с ней. В роли имперской структуры может выступать не только российское государство, но и различные иные исторические акторы.

Империя в чеченской поэтике военного времени выполняет несколько функций:

1. Конструирование образа врага и неравного противостояния. Сюжет заведомо неравного противоборства с противником, неизменно превосходящим чеченцев в военной силе и территориях, занимает крайне важное место в чеченском поэтическом дискурсе 1990-х гг.. Как правило, империя представлена в виде «тюрьмы народов»¹²³, угнетающей самосознание и дух поработанного населения;

2. Придание противостоянию коннотации справедливой борьбы и исторической предопределенности его исхода. Сюжет борьбы с многократно превосходящим противником, создающий романтические настроения героической и справедливой войны, также содержит отсылки к тезису исторической неизбежности краха имперских структур¹²⁴;

3. Конструирование образа векового противоборства небольшого народа за независимость от империи. Противостояние России в чеченской поэзии военных лет логичным образом обнаруживает свои истоки с покорения Кавказа XIX в. и ранее. Так, одно из сочинений Х. Бетелгириева посвящено борьбе шейха Мансура против Потемкина.

¹²³ См. Т. Муцураев, Чеченский Карфаген: «Тюрьма племён, империя-палач»

¹²⁴ См. Х. Бетелегериев, Кровавая Русь: «Запомни на век человеческий род / Империи временны, вечен народ!»

Т. Муцураев, Святые войны: «Ведь так мала моя Чечня / А враг бесчислен и жесток / Россия с нами неровня / Как острый меч и волосок»

И. Алимсултанов, Клинки звенели: «И на штыки бросались смело горцы / в жестокой схватке был неравным бой»

Наиболее яркое представление о месте империи в чеченском дискурсе 1990-х гг. дают тексты Х. Бетелегериева. Так, текст «Кровавая Русь» дает панораму смены империй вокруг Чечни. Автор приводит список из ряда погибших государств и народов: «О сколько империй, одна за другой / Сменилось под этой вечной луной. Империя кельтов, сарматов, алан / И гуннов свирепых степной ураган. Вот признанный миром, седой исполин / Покоится в свалках истории Рим. Затем Византия на грани веков, / Рассыпалась в прах под ударом врагов. И сколько б не рушила она города, / Ушла в небытие Золотая Орда. И все они ныне как древняя быль, / Лежат, превратившись в дорожную пыль». Автор перефразирует формулу «Москва – Третий Рим»: «Но пали два Рима и их не видать, / А третьему Риму уже не бывать»¹²⁵. Чечня в представлении Бетелгериева является «кладбищем империй», на котором найдет свой покой и «имперская Русь». Для обозначения жизненного цикла империй Бетелгериев использует метафору мощного, но временного природного бедствия.

Интересно, что текст Бетелгериева перекликается с известной песней Муцураева, уподобляющего противостояние в Чечне с Пуническими войнами и сравнивающего Россию с Римом, а Чечню – с Карфагеном. Произведение Муцураева «Кавказский Карфаген» представляется нам особенно важным в контексте изучения исторических предпосылок коллективной памяти северокавказского исламизма.

Текст Муцураева наполнен отсылками к историческим символам – Карфагену и Риму (а также Третьему Риму), Ганнибалу и Алариху. Военный конфликт в Чечен уподобляется противостоянию Пунической войны, причем историческое отмщение победившему Риму видится автором в фигуре вождя готов Алариха: «Известно нам из летописей старых / Что рухнул Рим под натиском орды / Где был вождём стремительный Аларих» (при этом деяния готского вождя приписываются орде гуннов). Гуннское нашествие метафорически передает Чечне историческую миссию разрушения империй:

¹²⁵ Х. Бетелегериев, Кровавая Русь

«Неверия и злобы цитадель / Смели в руины дерзостные гунны /Отныне у чеченцев таже цель / У нас к тому же есть Коран и Сунна». В представлении Муцураева российскому государству присуще извечное желание уничтожить непокорный ему чеченский народ, в чем автору видится своеобразная миссия «имперского центра». Опрокидывание современного конфликта в прошлое – достаточно частый стилистический прием, обнаруживаемый нами как в текстах 90-х гг., так и в современной пропаганде радикального исламизма.

Военная поэзия, наряду с текстом Яндарбиева, также дает представление о географии ментальной географии ЧРИ. Нам также представляется важным то обстоятельство, что Чечня и Дагестан мыслятся единым целым в противостоянии имперскому центру. Так, автор «Чечении ...», излагая ход событий в ноябре 1994 г., упоминает о попытке открытого втягивания Дагестана в конфликт с центральной властью, обозначая «историческую, национальную, традиционную и геополитическую взаимосвязанность народов наших республик [...] Но народ дагестанский был с нами»¹²⁶. Единство Дагестана и Чечни, характерное для северокавказского дискурса конца XX в., прослеживается и в поэтических текстах¹²⁷, и в риторике элиты сепаратистского проекта¹²⁸. Также отметим чрезвычайную популярность поэтического образа имама Шамиля, чья фигура в равной степени принадлежит и Чечне, и Дагестану. Впрочем, В. Тишков отмечает трансформацию образа последнего по мере эскалации боевых действий от героического борца за независимость до «предателя Шамиля».

Помимо представляющей родственным регионом Дагестана, отметим ряд «мест памяти» чеченского конфликта. Нами выделены некоторые знаковые для чеченских поэтов места: Грозный, Будённовск, Бамут, Шатой.

¹²⁶ З. Яндарбиев. Чечения - битва за свободу. Львов, 1996. С. 257

¹²⁷ И. Алимсултанов, Клинки звенели: Чечня и Дагестан одной судьбою / Бок о бок четверть в. бил врагов

¹²⁸ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2003. С.153

В поэзии Муцураева упомянутые города отмечены как места боевой славы и неравного боя с противником¹²⁹.

Последними проанализированными образцами поэтического творчества в Чечне времен открытого вооруженного конфликта являются тексты Имама Алимсултанова «Черные дни» и «Клинки звенели». Первый текст представляет интерес в контексте изучения коллективной травмы депортации чеченцев. События февраля 1943 г. видятся автору незаслуженным наказанием от единой [советской] родины: «За что наказаны в то время были горцы, / В чем провинился перед Родиной народ?»¹³⁰. Возможно, это обстоятельство делает допустимым датировку текста довоенным временем, до периода эскалации конфликта. В дальнейшем творчестве Алимсултанова встречаются уже известный мотив расширения временных рамок конфликта, эксплуатации сюжета покорения Кавказа в XIX веке: «Ермолов шел и все с пути сметая, / Он не щадил ни женщин, ни детей, / Дотла сжигая мирные селенья /И на Кавказе слыл он как злодей»¹³¹.

Отметим также практически неизменно присутствующий компонент религиозной мотивации конфликта: к сюжету борьбы за независимость добавляется тематика священной, религиозно оправданной войны: « И потому с разных стран / Победно разнесётся Божье слово / Муслимы укрепят в себе иман / И разберутся с гидрой двухголовой»¹³², «И в.ми Отчизна героев растила, / Сколько их у вайнахов – оглянитесь назад / Каждый год прибавлял Чечне их могилы... / О Аллах, Ты прими их святой газават!»¹³³, «И в горы слал орлов двуглавых царь, / Но горы головы пред ним не гнули, /Из уст срывался клич: Аллах акбар!»¹³⁴.

¹²⁹ Т. Муцураев: «Но был тяжелым вражий путь / Усеян трупами везде / В Буденовск, Грозный и Бамут / Победа не сдана нигде!»

¹³⁰ И. Алимсултанов. Черные дни

¹³¹ И. Алимсултанов. Клинки звенели

¹³² Т. Муцураев. Кавказский Карфаген

¹³³ Т. Муцураев. О Русь, забудь былую славу

¹³⁴ И. Алимсултанов. Клинки звенели

Проанализировав мифопоэтические конструкции времен войны в Чечене, а также текст ведущего идеолога ЧРИ, можно прийти к следующим выводам:

1. Очевидна эволюция дискурса северокавказского сепаратистского проекта. Так, в начале 1990-х гг. наиболее явно выражены идеи национального освобождения и борьбы против «империи». Еще в 1994 г., до начала столкновений с антидудаевской оппозицией в Грозном, Яндарбиев допускает возможность союза русского народа и народов Кавказа в борьбе против «империи Кремля»: «... народ дагестанский был с нами. С нами были и другие народы, и не только кавказские. Все народы мира, в том числе и русский». Текст Имама Алимсултанова «Черные дни» также обнаруживает весьма значимое упоминание о единой (в том числе и чеченской) родине, подвергших своих граждан несправедливой ссылке. По мере роста ожесточенности боевых действий и прогрессирующего распада государственных институтов ЧРИ светская идея национального освобождения, объединения всех кавказских народов и строительства независимого государства все в большей степени замещалась идеей религиозной войны, джихада против «куфра и неверия». Поздние тексты сторонников «Имарата Кавказ» в значительной мере утратили способность Зелимхана Яндарбиева к оперированию политическими идеями, сведя свою риторику к русофобии и постулированию религиозного долга вооруженного джихада. Государственность ЧРИ отошла на второй план и воспринималась авторами пропаганды исключительно как препятствие к осуществлению джихада, нечестивое порождение западных политических конструкций, бездумное заимствование которых в значительной мере и ответственно за конечное поражение сепаратистского проекта.

2. Крайне важное место в идеологических конструкциях северокавказского исламизма занимает идея мессианства, исторической цели чеченского народа. Применительно к текстам конца XX в. идеи мессианства нашли свое выражение в убеждении призвания Чечни к уничтожению

«последней империи». На начальном этапе вооруженной борьбы Яндарбиев допускает консолидацию в достижении этой цели чеченского и русского народов, однако по мере накала противостояния понятия «Россия» и «Империя» в восприятии чеченских авторов сливаются воедино.

3. Отметим также утраченный современными последователями северокавказского исламизма довольно высокие способности к оперированию такими концепциями, как «Москва – Третий Рим», использованию красноречивых образов Пунических войн и упадка Рима и Византии, исчезновения с исторической сцены великих степных империй монголов и гуннов.

2.2. Темпоральный режим современного исламизма: «национальное» и «глобальное» измерение

В отличие от дискурса радикального исламизма на Северном Кавказе, который опирается на национальную историю и нарратив о длительной освободительной войне, пропаганда исламистских глобалистских проектов вынуждена выстраивать идентичность своих сторонников с помощью иных объединяющих конструкций. Изучение политики памяти, исторических нарративов занимают значимое место в современных исторических исследованиях. Во множестве встречаются как обобщающие работы¹³⁵, так и исследования, посвященные отдельным аспектам исторической памяти¹³⁶. Однако аспекты исторической памяти, связанные с исламским сообществом, за некоторым исключением¹³⁷, не получили должного внимания со стороны исследователей.

¹³⁵ Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // // Диалог со временем, 2007. С. 106-118;

Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем, 2007. С. 5-21;
Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти// История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 57-55

¹³⁶ Васильев А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 215-248.

¹³⁷ Баранов А.В. Историко-культурный контекст «Ашуры» и «политика памяти» в современном Иране // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С. 164-167;

Особую актуальность события прошлого приобретают в условиях кризисного состояния общества, недавно пережившего травматические события или военный конфликт. События реального или воображаемого прошлого обретают особенную значимость, оказываются способными оказывать прямое влияние на социо-политическую обстановку.

Особую роль изучение режимов памяти и временных представлений исламских сообществ приобретает в свете «растекания» регионального международного терроризма, сохраняющейся активностью «старых» акторов радикального исламизма и трансформацией новых террористических движений¹³⁸.

Образы прошлого, являясь структурными элементами коллективной идентичности, могут как служить легитимации существующего порядка, так и противопоставлять ему идеалы прошедших времен процветания, утраченного «золотого века». В первом случае формируется позитивная социальная ориентация, основанная на подражании славным деяниям прошлого, во втором – негативная матрица восприятия настоящей действительности. Применительно к анализу дискурса пропаганды радикального исламизма, критическое отношение к реальности призвано

Баранов А.В. Мнемонизация исторической памяти в государственной символике Ирана // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2020. Вып. 21. С. 63-81; Кузнецов В.А. Единство и множественность мира в арабо-мусульманских историко-политических дискурсах XXV веков // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной М.: Кругъ, 2010. С. 502-537

Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем, 2007. С. 52-86

Урушадзе А.Т. А. П. Ермолов в мемориальном пространстве юга России: конфликты исторических интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и восточной Европе. Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. Москва, 2021. С. 164-176;

Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 250-269

Кринко Е.Ф. Институционализация памяти о депортациях народов Северного Кавказа в СССР и современной России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 279-303.

Горюшина Е.М. Непримиемые нарративы «о Другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // Ideology and Politics Journal. 2020. № 2 (16). С. 279-303.

Горюшина Е.М. Эхо непреодолимых последствий событий в Чечне 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг.: конфликт и нивелирование памяти // Новое прошлое/The New Past. 2018. № 2. С. 146-166

¹³⁸ Добаев И.П. Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» // Центральная Азия и Кавказ. 2009. №1 (61). С. 50-61.

мобилизовать реваншистские настроения «возрождения уммы», восстановления утраченного величия исламской общины

Изучение угроз религиозного радикализма в значительной степени осложнено расплывчатостью самого предмета исследования, его чрезвычайным многообразием и многочисленностью региональных вариантов. Обобщенный в массовом сознании радикальный исламизм персонифицируется в самых различных образах – от фигуры ваххабитского проповедника до обычного посетителя мечети, в то время как многообразие акторов радикального исламизма и возникающие между ними противоречия проявляются не только на уровне конкурирующих сил (уже упомянутый конфликт некогда родственных «Исламского государства» и Аль-Каиды), но и внутри пропагандистских материалов самих группировок. Глобальный характер современного исламизма приводит к соединению в рамках одной группировки представителей самых разных государств и культур. В силу различного социального и культурного базиса своих сторонников международные организации радикального исламизма сталкиваются с необходимостью создания такого объясняющего исторического повествования, которое было бы в равной степени понятно каждому стороннику джихадистской идеологии. «Исламское государство» является характерным примером мемориального актора, столкнувшимся с данной задачей. Для «Исламского государства» периода расцвета группировки была характерна нацеленность на непрестанную экспансию, построение всемирного общемусульманского Халифата. Рекрутирование в ряды организации выходцев со всей планеты, различные профессиональные навыки и уровень образования сторонников придали «Исламскому государству» высокую мобильность и возможность действия в регионах, отдаленных от основного региона активности организации.

Однако одновременно с преимуществами, предоставляемыми разнообразием социальной базы сторонников, разнесенность организации в пространстве и зачастую слабая связь региональных ячеек с центрами

управления осложняют задачу формирования единого исторического нарратива. Формирование и донесение до своих сторонников общей исторической картины мира представляется крайне важной доктринальной задачей. Именно посредством исторического нарратива осуществляется позиционирование сообщества во времени, складывается обобщенная картина мира. Обращения к прошлому на страницах джихадистской пропаганды могут принимать вид как прямого упоминания конкретных исторических событий, так и присутствовать в неявном виде в качестве иллюстраций, обрамляющих пропагандистские тексты (к примеру, отметим активное использование образов средневековой Аравии – изображения караванов, средневековых армий).

Постановка вопроса об историческом нарративе джихадистской пропаганды неизбежно отсылает нас к проблематике формирования нарратива и функционирования исторической памяти в столь экзотичной среде. Повествование о прошлом социума направлено на фиксирование значимых моментов прошлого и придания им определенного значения. Через процесс расставления акцентов происходит формирование идентичности сообщества, формируется общая система символов. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме мифов, символов и различных культурных стереотипов выступают как интерпретационные модели, которые облегчают ориентирование в мире и в конкретных ситуациях.

Можно ли утверждать о наличии единого нарратива, единой системы символов, характерной для джихадистского дискурса? Возможно ли формирование структур самоидентификации даже среди сторонников отдельных джихадистских организаций с четко оформленной структурой и догматикой? Полагаем, что глобальный характер крупных джихадистских организаций, не привязанных к конкретной территории и нацеленных на безграничную экспансию приводит к необходимости редуцирования и упрощения представлений о прошлом. Сталкиваясь с разнородностью

социального и культурного базиса своих сторонников, такие глобальные организации вынуждены формировать максимально доступную и простую картину мира с необходимым минимумом исторических событий.

Прежде всего обозначим дискретный характер рассматриваемого нами нарратива «Исламского государства»: в силу географической разрозненности сторонников идеологии, их различного социального происхождения и культурных установок, пропагандисты ИГ предлагают не единое связное историческое повествование, а скорее связный набор отдельных сюжетов. Каждый из предлагаемых пропагандой мифов может быть воспринят аудиторией в отдельности и не требует специальных исторических знаний, зачастую не будучи привязанным к конкретной территории. Вместо связного исторического повествования пропаганда джихадистов предлагает своим сторонникам коллаж, который важен не только ценностью содержащихся в нем сюжетов, но и эмоционально-семиотическим эффектом.

Мифосимволический набор, присущий джихадистской пропаганде, в значительной мере соответствует выделенным Э. Смитом¹³⁹ компонентам национального мифа. Важнейшими структурными составляющими комплекса этнического мифа являются:

1. Миф о временных истоках, позиционирующий социум во времени и определяющий его положение относительно других обществ.
2. Миф о местоположении и миграции. Миф о местоположении задает географические координаты сообщества, которые служат для аргументации необходимости господства над конкретной территорией;
3. Миф о предках, прививающий чувство общей родословной и коллективной идентичности;
4. Миф о героической (и оставшейся в прошлом) эпохе излагает события «золотого века». Героический миф также представляет образец

¹³⁹ Anthony D. Smith. *Myths and memories of the nation*. N.Y.: Oxford university press, 1999. 288 p.

нравственных норм праведных предков, противопоставляя их образу жизни потомков;

5. Миф об упадке сообщества объясняет причины упадка и современного неудовлетворительного состояния социума;

6. Миф о восстановлении. В отличие от предыдущих, данный сюжет выполняет не познавательную, а предписывающую функцию, предлагая путь восстановления утраченного могущества предков.

Пять из шести компонентов, обозначенных Смитом, находят выражение в материалах джихадистской пропаганды. В связи с ярко выраженным интернационализмом радикального ислама и базированием джихадизма на религиозно-идеологической, а не национальной мифологической системе, миф о праведных предках не нашел своего выражения в смысле биологической общности аудитории. Тем не менее, частая самоидентификация себя как салафитов («праведные предки», первые поколения мусульман) выполняет те же функции, что и отсутствующий миф об общей родословной. Анализом каждого мифосимволического сюжета попытаемся раскрыть темпоральную схему джихадистской пропаганды, выявить ее ключевые точки, задающие рамки восприятия прошлого.

Первыми проанализированным нами сюжетом являются мифологемы о праведных предках и временных истоках сообщества (миф основания). В то время как миф о временных истоках призван обозначить место сообщества во временном континууме, миф о предках призван привить чувство общности и коллективной идентичности. Возведение всей исламской уммы (в представлении джихадистов ей является только та часть мусульман, которая разделяет радикальные идеи) к биологическому родству с группой первых мусульман абсолютно невозможно в силу временной, пространственной и культурной дистанции, разделяющей современную глобализированную общину верующих и сравнительно небольшую группу единоверцев-беженцев из Мекки VII в. На замену биологическому родству

джихадистская пропаганда предлагает духовно-историческую общность нынешних мусульман и уммы времен становления ислама.

В представлении джихадистской пропаганды, община потомков безупречных героических саляфов находится в состоянии упадка и деградации (узловая точка, фиксирующая момент перехода от идеализированной исламской уммы времен первых халифов к вырождению современного исламского социума, будет проанализирована нами далее). Справедливым представляется утверждение о репрезентации двух исламских сообществ в джихадистской пропаганде. Первое, активно действующее, представляет собой общину сподвижников Мухаммада и ее духовное продолжение – современных джихадистов; второе, представляемое как пассивное исламское большинство, является объектом приложения усилий со стороны первой группы, поскольку находится в состоянии упадка и порабощения.

Мифологическая структура временных истоков социума призвана обозначить временные координаты сообщества, расположить его на темпоральной схеме по отношению к иным событиям или социумам. Пропаганда «Исламского государства» при решении этой важной задачи столкнулась со значительной сложностью в виде принадлежности своих сторонников к различным культурам, отсутствию каких-либо общих временных представлений. С другой стороны, позиционирование себя как салафитского социума, прямого продолжения традиций и государственных институтов Праведного Халифата сводит задачу построения мифа о праведных предках к трансляции на широкую аудиторию упрощенных представлений об исламской истории.

Безусловной доминантной фигурой в нарративе об истоках сообщества является пророк Мухаммад и его ближайшие сподвижники. Следует обозначить особую важность данного периода для джихадистской пропаганды: именно ко временам Пророка возводятся подавляющее большинство легитимизирующих «Халифат» аргументов, в обилии

содержащихся в пропагандистских материалах. Обращению ко временам Мухаммада обосновываются не только образующие принципы «Халифата», но и его социальные практики: так, второй номер журнала «Исток» содержит обширную статью с обоснованием допустимости наложничества, обращаясь к примерам из жизни Пророка. В представлении авторов пропаганды провозглашение «Халифата» является прямым продолжением государственной традиции Арабского халифата при игнорировании временного разрыв со времен Средневековья (единство Арабского халифата было фактически утрачено уже в IX веке, а формальное существование халифат прекратил в XVI веке с переходом титула халифов к османским султанам).

Представление о связи поколений наиболее ярко выражено во втором номере русскоязычного журнала «Исток». Данный журнал, доступный нам в количестве первых четырех номеров, является частичным переводом оригинального издания исламистов «Dabiq» со значительными включениями собственных текстов. Полагаем, что данное издание выпускалось силами «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар» (Армия мухаджиров и сподвижников), возглавляемой Абу Умаром аль-Шишани (Тархан Батирашвили).

Приведем некоторые цитаты из своеобразного манифеста «Исламского государства» – статьи под названием «Кто мы, откуда и куда идем»: «Мы – это знающие и помнящие о том, что мы являемся потомками мусульман, когда-то припеваючи живших в тени самой интернациональной и могущественной империи мира, называемой Халифат. Наши предки наслаждались справедливостью Законов Аллаха и безопасностью, предоставляемой халифом», «Мы – это внуки и правнуки тех самых мусульман, когда-то живших в Халифате [...]»¹⁴⁰. Примечательно стремление авторов русскоязычного журнала к выстраиванию религиозной идентичности, игнорирующей историко-территориальные условности.

¹⁴⁰ Исток, 2015

Неразрывная традиция правопреемственности халифату VIII в. проявляется и в постоянном уподоблении сторонников «Исламского государства» сахабам – сподвижникам Мухаммада из числа первых мусульман.

Своеобразное отсутствие временной дистанции между временами основания ислама и современностью является специфической чертой джихадистского понимания времени. Политические процессы современности не только уподобляются событиям прошлого, но и обозначаются как логичное продолжение процессов более чем тысячелетней давности. Важным исключением все же являются фигуры самого Пророка и его ближайших сподвижников – данная группа действующих лиц джихадистского нарратива как бы недоступна для конкуренции. Подражание фигурам праведных предков одобрено и предписано, в то время как достижение той же степени праведности априори невозможно.

Кратко охарактеризовав мифологему «праведных предков», предпримем попытку поиска «точки начала», которая бы обозначила качественно новый этап в исламской истории в представлении джихадистской пропаганды. Журнал «Дабик» предлагает следующий иерархический порядок двух значимых событий: террористические акты 11 сентября и 1427 г. (2006), ознаменованный провозглашением Исламского государства в Ираке¹⁴¹. Последнее событие обозначено как самое памятное после атак 11 сентября. Возглавляемое Абу Мусабой аз-Заркави иракское отделение аль-Каиды обозначено в тексте журнала как «фундамент будущего халифата», руководство которого «не верило в пораженческие компромиссы и полагалось только на Аллаха, даже если это влекло за собой борьбу против всего лагеря куфра (неверия)».

Является ли провозглашение «Халифата» Абу Бакром аль-Багдади узловой точкой джихадистского дискурса, разделяющего историю на две части? Безусловно, джихадистские издания придают этому событию большую значимость, однако оно не обладает таким же весом, как события

¹⁴¹ Дабик, 2015

ранней истории ислама. Успехи ИГ в ходе 2014-2017 гг. скорее представлены как продолжение (и возрождение) истории победоносной исламской Уммы VII-IX вв. Таким образом, нам необходимо проанализировать следующую мифологему – миф о «золотом веке» и последовавшим за ним упадком исламского социума.

В силу чуждости исламской истории средневековой Аравии значительной части аудитории джихадистской пропаганды, мифологема золотого века занимает далеко не самое значимое место в джихадистском дискурсе. В обнаруженных нами материалах представления о временах процветания ислама существуют в самом простом виде. Арабский халифат именуется «самой интернациональной и могущественной империей мира»¹⁴², которая гарантирует всем своим подданным мир и безопасность. Героический век связан в основном с военными победами мусульман. Битвы древности как бы предваряют, служат образцом для грядущих сражений с «крестоносцами». В числе наиболее значимых сражений (не заостряя внимание на битвах Пророка и сражениях за целостность созданного им Халифата) нами отмечено упоминание битвы при Ярмуке (636 год, разгром византийской армии), завоевание Иберийского полуострова, битва за Фаллуджу (2004 год, Иракская война). Примечательно, что в доступных нам материалах отсутствует упоминание крупнейшей победы исламского мира – захвата Константинополя (1453 г.). Полагаем, что данное обстоятельство связано с неприятием Турции: падение Константинополя в мае 1453 г. являлось следствием именно османской экспансии, которая среди прочих последствий для арабского мира имела итогом и переход власти халифов в руки османского султана.

В поисках ответа на вопрос о причинах игнорирования столь длительного и значимого периода истории исламского мира в пропагандистских материалах современных джихадистов необходимо

¹⁴² Исток, 2015

обратиться к работе Карло Налино¹⁴³. Анализируя природу религиозной власти халифа и ее восприятие внутри самого арабского мира, исследователь обращается ко внешней и внутренней документации Османской империи. Так, обозначение религиозной власти султана («халифат») фиксируется в основном в документах, исходящих во внешнюю аудиторию и лишь с XVIII в. (Кючук-Кайнарджийский мирный договор). Основная мысль исследователя заключается в том, что с помощью понятия халифата Османская Порта преимущественно позиционировала себя в глазах европейцев-христиан в качестве представителя мусульманского мира, хотя в действительности религиозное верховенство османского султана было далеко не бесспорным. Подходящей аналогией представляется позиционирование правителя средневековой Франции как «христианнейшего короля», хотя французский король вовсе не являлся признанным религиозным лидером христианского мира.

При этом миф о золотом веке исламской цивилизации находится в тесной связи с представлениями о причинах ее упадка. Последние нашли свое отражение в конспирологическом мифе, присущем джихадистской картине мира. Мифологема всеобъемлющего заговора, направленного на ослабление мусульман, фиксирует темпоральную картину «Исламского государства», и является ее значимым элементом. Сюжет данного мифа достаточно прост. Согласно ему, в мире существует многовековой заговор ведущих держав, а также соперничающих религий, направленный против всей мусульманской уммы.

А.М. Прилуцкий выделяет следующие базовые концепты, формирующие конспирологический нарратив¹⁴⁴:

1. Религиозные и парарелигиозные конспирологические концепты
2. Паранаучные конспирологические концепты, (медицина, история)

¹⁴³ С. А. Nallino. Notes of the «Caliphate» in General and on the Alleged «Ottoman Caliphate». Rome, 1919. 41 p.

¹⁴⁴ Прилуцкий А.М. Семиотическое пространство конспирологического нарратива и мифа // Вестник РХГА, 2016. № 3. С. 264-270

3. Идеологические конспирологические концепты
4. Социо-экономические конспирологические концепты.

В основе конспирологического мифа содержатся следующие ключевые идеологемы:

1. Идеологема «тайного заговора могущественных сил»;
2. Идеологема «власти кукловодов»;
3. Идеологема «грандиозного обмана».

Для пропаганды «Исламского государства» более характерна идеологема «тайного заговора», который, однако, не сумел в полной мере подчинить мусульман. Так, исламская умма представлена в качестве ослабленной и находящейся в униженном состоянии, но все же не подчиненной «тайным кукловодам». Для описания текущего положения масс мусульман популярна метафора сна. Наиболее показательно применение данной метафоры в своеобразном «гимне» джихадистов – нашиде «Звон мечей»: «Уммы львы проснулись, и мечи взмахнули, делаю общину с каждым днем сильнеей»*. Пробуждение мусульман от многовекового сна происходит в мире, тайно подконтрольном ведущим западным державам, но сами мусульмане изначально занимают независимо-противостоящую позицию глобальному заговору. В представлении джихадистской пропаганды атимусульманский заговор осуществляется на протяжении всего времени существования ислама.

Силы заговорщиков представляются вездесущими: так, Марку Сайксу, одному из создателей договора Сайкс-Пико, приписывается создание национальных флагов арабских государств – исключительно в целях разделения единого арабского мира. Соглашение 1916 г. видится авторам джихадистской пропаганды в качестве точки отсчета, мифа поражения, который обозначил новую эру исламской истории. Фигурам заговорщиков, действующих исключительно из антиисламских побуждений, часто

* Нашид «Скоро, очень скоро», один из наиболее известных русскоязычных текстов «Исламского государства»

придаются соратники из числа мусульман: либо обманутых вражескими посулами, либо мотивированные личными интересами. Сюжетом, раскрывающим взаимодействие врагов ислама и самих мусульман, является история Великого арабского восстания 1916 г. Так, первый иорданский король представлен как послушная марионетка в руках заокеанских хозяев, ведущий борьбу ради создания «националистического «халифата», которым он будет править под руководством своих новых хозяев-крестоносцев». Исходя из данного сюжета выводится нелегитимность светского режима современной Иордании: «Аль-Хусейн и его сыновья тщательно выполняли приказы, предписанные им британскими крестоносцами, чтобы гарантировать их поддержку. В конце концов англичане назначили их королями над Сирией, Иорданией, Ираком и Хиджазом. Нынешний тагут Иордании является потомком этой же семьи»¹⁴⁵.

Вмешательство недоброжелателей исходит не только из западных стран, но и сами мусульмане подчас становятся орудием заговора. Так, джихадистская пропаганда «Исламского государства» уделяет достаточно много внимания «заблудшим ученым» – исламским авторитетам, чьи высказывания не соответствуют исламистским догмам. Такие «заблудшие ученые» также позиционируются как «слуги тагута», по своей доброй воле или заблуждению реализующие интересы многовекового врага исламской уммы¹⁴⁶.

Выделить в представлении «Исламского государства» какую-либо конкретную точку невозврата, после прохождения которой начался упадок исламской уммы, довольно сложно. Очевидно противопоставление первых праведных халифов всему последующему периоду исламской истории. При этом «официальные» издания ИГ практически игнорируют турецкий фактор исламской истории. Несмотря на то, что современная Турция однозначно представлена в образе врага, громадный пласт истории Ближнего Востока,

¹⁴⁵ Дабик, 2015

¹⁴⁶ Исток, 2016

связанный с проникновением турок в регион и борьбой арабских государств против османов, выпадает из темпоральной схемы, представленной в доступных нам источниках.

При рассмотрении мифологемы героической эпохи и ее окончания уместно обратиться к выделенным Я. Ассманом модальностям культурной памяти. Миф о миновавшем золотом веке Халифата можно обозначить как имеющий контрапрезентную модальность. Контрапрезентная мифомоторика сфокусирована на недостатках настоящего по контрасту с героическим прошлым¹⁴⁷. Если обосновывающая модальность культурной памяти показывает события настоящего в свете истории, демонстрируя тесную преемственность с прошлым и детерминированность современности, то контрапрезентная модальность создает временной разрыв с ушедшей в прошлое героической эпохой, демонстрируя утраченные достоинства прошлого и недостатки настоящего. Отметим, что две модальности вполне могут сочетаться в едином нарративе: если сюжет о правопреемственности «Исламского государства» арабскому государству первых четырех халифов (т.н. «Праведному халифату») обладает однозначно обосновывающей модальностью, то рассказ о победах славного прошлого и «порабощенном» состоянии современной уммы следует обозначить как имеющий контрапрезентную модальность.

Во многом аналогичным примером исследования мифа об ушедшей в прошлое в результате заговоров героической эпохе исламского мира является миф о закате польской государственности, исследованный А.Г. Васильевым¹⁴⁸. В обоих случаях перед нами миф об утраченной золотой эпохе, прекращение которой нуждается в объяснении. Польская национальная историческая мысль XIX столетия, развивавшаяся в условиях отсутствия государственности, во многом оперирует теми же категориями

¹⁴⁷ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. Москва: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.

¹⁴⁸ Васильев А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 215-248.

самого развитого государства своего времени, которое пало в результате заговора могущественных соседей. Нельзя не отметить и схожие условия развития представлений о прошлом: историческая травма утраты государственности (разделы Польши и фактическое подчинение исламского мира западным державам), наличие в прошлом мощного государства (претендующей на построение империи Речи Посполитой и огромного Арабского халифата), отсутствие суверенности в настоящем.

В крайних случаях контрапрезентный миф обретает черты революционного и мессианского: прошлое перестает быть достойным сожаления утраченным наследием, но становится достижимым идеалом общественного устройства. Данное стремление соответствует выделенной Э. Смитом мифологеме восстановления общества после периода упадка.

«Исламское государство», в попытке реанимации мусульманской империи Средневековья, на первый взгляд стремится к созданию закольцованной темпоральной схемы, где универсальная исламская империя станет единственной формой социо-политического устройства. Однако религиозный компонент, лежащий в основе идеологических представлений джихадистов, заставляет нас скорректировать данное представление.

Священные Писания иудаизма, христианства и ислама четко обозначают линейную структуру времени, фиксируя начало темпоральности (сотворение мира) и ее неминуемое окончание (конец света). В основу представлений джихадистов о конечной точке временной линии положены эсхатологические представления Корана¹⁴⁹, которые дополнены пророчеством об апокалиптической битве при Дабике. Город Дабик, послуживший названием для первого периодического издания исламистов, располагается на севере Сирии. Эсхатологические представления исламистов заключаются во втором пришествии пророка Исы (Иисуса), который вблизи Дабика поведет праведных мусульман в бой против Даджаля (Антихриста), а

¹⁴⁹ Аль-Араф, 187, Ан-Назиат, 35

также «его последователей, проклятых евреев, которые предали и даже убивали пророков Аллаха»¹⁵⁰.

Битва при Дабике служит «спусковым крючком» грядущего Армагеддона, нажать на который призваны сами исламисты. Сакральное значение Дабика открывает перед нами еще одну грань исламистской агитации и выявляет цели, которые ставят перед собой сами джихадисты. Высшей точкой жизни типичного муджахида, фигурирующих на страницах изданий, является смерть в бою. Высшей точкой развития Халифата – апокалиптическая битва при Дабике, которая обозначит конец света. Стратегической целью исламистов являются вовсе не военные и гражданские объекты противников и даже не установление всемирного Халифата – конечной целью усилий джихадистов является именно апокалипсис.

Движение «Исламского государства» по оси времени происходит не из прошлого в будущее, а по странной, с трудом поддающейся обозначению, траектории. Пропаганда «Исламского государства» практически не делает разницы между Халифатом VII в. и выстраиваемым джихадистским «государством» современности: на значительном временном отрезке между распадом единого Арабского халифата и провозглашением «Исламского государства» расположены лишь несколько событий, практически никак не связанные с доминирующим «западным» пониманием исторического процесса. Грань между прошлым и настоящим оказывается стерта, как и несколько веков развития мусульманского мира Средневековья и Нового времени. Реализация пророчества о битве при Дабике – *события будущего*, происходит в неразрывной связи с настоящим – появление представителей западной коалиции вблизи Дабика сопровождалось восторгами джихадистской пропаганды и предвкушением исполнения пророчества, ожиданием последней битвы.

При взгляде на составляющие темпоральной схемы возникает странная картина взаимодействия архаично-модерного «Халифата» и столь же

¹⁵⁰ Дабик, 2014

архаичного предсказания, описывающего события незафиксированного во времени будущего. Достижение момента окончания временной линии становится прямым последствием текущих (на момент 2014-17 гг.) военных операций.

В классификации, предложенной Э. Смитом, данное пророчество может идентифицироваться в качестве своеобразного «мифа восстановления». Отметим парадоксальность данной мифологемы применительно к «официальному» измерению джихадистской пропаганды: конечной точкой усилий всех джихадистов является вовсе не построение благополучного исламского общества в соответствии с кораническими установками, но эсхатологическое сражение. Однако необходимо сделать важное уточнение: данная мифологема, хоть и присутствует в периодических изданиях джихадистов, представляется нам довольно сложной для восприятия и разделения со стороны основной массы сторонников данной организации. Так, обнаруженные нами русскоязычные материалы «стихийной» пропаганды не содержат данного эсхатологического сюжета. Значительная же часть материалов с футурологическим компонентом, исходящая от самого «Исламского государства», концентрирует внимание на продолжении перманентной войны против мира неверия, обозначая Халифат вневременным исламским государством.

В связи с утратой возможности «Исламского государства» не только вести боевые действия вблизи Дабика, но и способностей к осуществлению полноценных военных операций, в настоящее время не представляется возможным провести более точный анализ эсхатологического мифа о Дабике и его места в темпоральной картине джихадистов.

Таким образом, временные представления экспансионистского крыла современного джихадизма представляют собой многоплановое дискретное повествование, составные части которого находятся в сложном соотношении друг с другом. При этом сами сюжеты, положенные в основу исторического нарратива, сводятся к набору простых декларируемых истин о «пробуждении

уммы» и возрождении Халифата. Простота освоения данных сюжетов, доступность их для понимания в значительной степени унифицирует идеологические и исторические представления сторонников джихадизма, задает четкую интерпретационную модель происходящих событий: так, современный конфликт с участием «Исламского государства» мыслится как продолжение победоносных завоеваний времен раннего ислама. Редуцирование многообразия исторического процесса к набору идеологически заряженных сюжетов придает джихадистскому нарративу необходимую жесткость и устойчивость, что является крайне важным в условиях различного социо-культурного базиса сторонников «Исламского государства».

Осветив временные представления наднационального «Исламского государства», необходимо обратиться к иному полюсу радикального исламизма, представляющему собой его национально-религиозное выражение. В ходе исследования национальных нарративов Северного Кавказа исследователями отмечаются активные попытки мемориальных акторов региона к созданию собственного нарратива, зачастую противоречащего «официальному» историческому повествованию. Феномен «второй памяти», отмеченный Д.О. Хлевнюк, применительно к данному региону проявляется в воспоминании травматических событий, не в полной мере укладываемых в государственный стандарт. Краеугольным камнем «второй памяти» применительно к Северному Кавказу становится история присоединения региона к российскому государству и сопутствующие ей сюжеты. Так, одним из доминирующих мест травмы является депортация кавказских народов (в частности, адыгов) и явление мухаджирства, широко распространенное в период после окончания Кавказской войны.

Восприятие растянутого во времени процесса вхождения региона в состав России также трансформировалось в зависимости от политической конъюнктуры. Советская историография, вполне ожидаемо отмечая реакционность царского периода, отображала добровольный и в целом

прогрессивный характер вхождения Кавказа в состав России. В ходе стремительных преобразований начала 90-х гг. данный нарратив уступает в популярности национально-возрожденческим проектам.

Тенденции создания собственного национального нарратива, в основу которого лег сюжет борьбы кавказских племен против России, были обозначены еще в 1994 г. в обращении Б.Н. Ельцина к народам Кавказа. Так, события Кавказской войны трактовались как «мужественная борьба народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера»¹⁵¹. Данное заявление, сделанное 18 мая 1994 г., видимо, представляло собой попытку налаживания межнационального диалога в стремительно радикализирующемся регионе. Процесс сложения деколонизационного нарратива Северного Кавказа достаточно подробно освещен в исследованиях А.Т. Урушадзе¹⁵².

Несмотря на то, что уже в ходе Первой чеченской войны произошел переход от национально-сепаратистского дискурса к религиозному, некоторые компоненты этнической мифологии отчетливо проявляются и в материалах «Имарата Кавказ».

В предыдущем разделе данного исследования мы уже обозначили процесс замещения национального дискурса дудаевской Чечни религиозным дискурсом «Имарата Кавказ». Весьма интересным представляется отмеченное В.А. Тишковым наполнение травматического сюжета о депортации антирусским содержанием. Данное крайне важное дополнение

¹⁵¹ Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа 18 мая 1994 г. [Электронный ресурс] // Коммерсант, 11.07. 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1978317> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁵² Урушадзе А.Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. 2018. № 3. С. 106-128;
Урушадзе А.Т. Кавказ в конце XIX — начале XX вв.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 144-157;
Урушадзе А.Т. Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 100-110;
Кавказ в политике Российской империи и русском общественном мнении. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2019. 115 с.

сюжета национальной травмы фиксируется автором в ходе ряда интервью после завершения кампании 1994 – 1996 гг.

В изучаемый период риторика северокавказских исламистов оказалась неразрывно связана с антирусским наполнением. Отметим также, что данный сюжет получает свое развитие не только в находящихся в фокусе нашего внимания пропагандистских материалах сайтов «Кавказ.Центр» и «Чечен.Инфо» (аффилированных с «ядром» организации), но и присутствует в пропаганде «осколков» некогда единого «Имарата Кавказ». Справедливым будет утверждение, что пафос антиколониальной и антиимперской борьбы, характерный для пропаганды северокавказского исламизма, в значительной степени дополняется русофобскими настроениями.

Цельное изложение временной схемы северокавказского исламизма представлено в размещенном на сате «Имарата Кавказ» цикле статей «Знай свою историю», которые представляют собой небольшие очерки о представляющихся важными событиях истории исламистского движения в регионе Северного Кавказа.

В отличие от относительно однородной в культурном и политическом отношении средневековой Аравии и поддерживающем единые культурно-религиозные стандарты арабском Халифате, Северокавказский регион на протяжении большей части истории представлял собой конгломерат разнообразных сообществ с различной стадией государственности. В условиях множества различных этнополитических образований выделить какую-либо «точку отсчета» представляется довольно сложным; тем не менее, стремясь к созданию линии исторической преемственности, джихадистская темпоральная схема учитывает такие государственные образования, как Имамат шейха Мансура (1785-1791 гг.), имаматы периода покорения Кавказа (территории под контролем имама Шамиля, Гази-Мухаммада), а также созданный в период Гражданской войны Северо-Кавказский эмират под лидерством эмира Узун-Хаджи.

Множественность государственных образований на территории Кавказа, разнородность этнического состава региона делает затруднительным выстраивание исторического нарратива, организованного вокруг какой-либо конкретной этнополитической общности. Видимо, в связи с этим цикл статей «Знай свою историю» строится вокруг своеобразного «героического повествования», центральным элементом которого являются первый и второй штурм Грозного. В первой статье цикла приведено изложение неудачной попытки чеченской оппозиции занять Грозный в ноябре 1994 г., а также ход «новогоднего» штурма (отметим, что занятие Грозного и поражение боевиков к весне 1995 г. ускользает из фокуса внимания авторов текста). События ноября-декабря 1994 г. фиксируют недолгую историю «Ичкерии», выступая как апогей борьбы за независимость региона.

В этом качестве события первых двух Чеченских войн вплетены в более широкий антиколониальный дискурс «многовековой борьбы» Кавказа с российской экспансией. Отметим, что тенденция к расширению временных рамок конфликта прослеживается не только в современной джихадистской пропаганде Северного Кавказа, но и отмечается в более раннем времени: так, предисловие В.Х. Кажарова к монографии по истории адыгской хасы (сословное собрание) расширяет Кавказскую войну (1817-184 гг.) до столетних пределов, отмечая, что к деэтнизации адыгов привели «... массовый геноцид, аннексия территории, изгнание большей части народа в пределы Османской империи, военно-оккупационный режим в зонах, отведенных для проживания его остатков, затем Октябрьский переворот, гражданская война, тотальные репрессии сталинизма, усугубляющие местными диктаторами, и, наконец, умерщвление духа в годы брежневщины»¹⁵³.

Таким образом, нарратив о «вековой освободительной борьбе» имеет по меньшей мере двадцатилетнюю историю. В рамках данной

¹⁵³ В.Х. Кажаров. Адыгская хаса. Институт черкесской истории и культуры. Нальчик, 1992. С. 5

«освободительной» парадигмы вплетены события в Венгрии и Чехословакии 1956 и 1968 г. Советская армия обозначена как карательный инструмент подавления национальных движений - к восточноевропейским событиям присоединяется Ферганский погром и погром армян в Баку (1989), Ошские события (1990), волнения в Тбилиси (1989), столкновения в Вильнюсе (1991), а также протесты в Ингушетии.

При исследовании нарратива северокавказского исламизма крайне важно отметить трансформацию предлагаемых сюжетов из опыта в воспоминание. Для анализа данной трансформации обратимся к теоретическому аппарату, разработанным Яном Ассманом при исследовании культурной памяти в культурах древности. Ян Ассман подчеркивает необходимость различия между историей/опытом и мифом/воспоминанием. Фактическая история, зачастую передаваемая на уровне устной коммуникации, содержит именно фактические сюжеты с изложением объективной последовательности событий. По прошествии определенного времени (около 40 лет в понимании Ассмана и ряда иных авторов) фактическая история трансформируется в историю, воссозданную воспоминанием. Таким образом, происходит рождение мифа, который также может принимать разные формы. Одной из форм мифа является обосновывающая память, фокусирующая внимание на истоки какого-либо важного процесса, ставящая целью историческое обоснование, фиксацию настоящего. Примером такой формы мифа является сюжет об обороне Массады, руины которой стали национальной святыней Израиля, местом принятия воинской присяги новобранцами Армии обороны Израиля. Именно посредством мифа общество обозначает свою ориентацию во времени и пространстве; миф, как было продемонстрировано на примере журнала «Исток», является и источником как внешней, так и внутренней легитимации. События мифологического пласта обладают особой смысловой нагрузкой, значительно превышающей таковую «фактической истории».

Таким мифом, символически закрепляющем нарративное северокавказского исламизма, стали бои за Грозный, а также иные, менее масштабные, столкновения Чеченских войн. Мифология джихадистских источников пропаганды строится на вмешательстве сверхъестественных сил в ход боевых действий. Так, свидетельством божественной благосклонности в ходе новогоднего штурма Грозного представляется поражение российской бронетехники: «карама́том» (знаменем) являются оторванные взрывом танковые башни, ставшие зимой 1994 г. отличительной чертой пейзажа Грозного. Небывало высокий полет оторванной башни танка, подбитого у Президентского дворца, однозначно трактуется как божественный знак, предвещающий дальнейший ход боевых действий (отметим, что Грозный все же был очищен от боевиков к марту 1995 г.).

Другой приметой божественного вмешательства авторам материалов представляется бой у высоты 776 (Бой у Улус-Керета), принятый ротой М. Н. Евтюхина в ходе прорыва боевиков после взятия Грозного в 2000 г.. Понеся тяжелые потери, численно превосходящие боевики сумели занять высоту и выйти из Аргунского ущелья. В самом ходе боя авторы материалов усматривают божественное вмешательство: «...у всех участников того боя было ясное ощущение того, что причиной смерти десантников была не столько их стрельба, сколько действие другой силы – Аллаха и его Ангелов».

Таким образом, фактическая история, воспоминания участников боевых действий (а автором первой статьи заявлен именно участник войны) трансформируются в насыщенный религиозным значением миф о благословенном свыше джихаде против «имперской» России.

В материалах джихадистской пропаганды можно проследить переход от условно «светской» ЧРИ к ортодоксально-религиозному «Имарату Кавказ». Отметим, что в рамках дискурса северокавказского исламизма отсутствует единая концепция данного перехода. Так, если цикл статей «Знай свою историю» однозначно создает преемственность «Имарата Кавказ» с территориальными объединениями XVIII-XIX вв., а также отводит

решающую роль Джохару Дудаеву, то размещенная на сайте «Чечен.Инфо» статья «Имарат – фундамент общекавказского дома» обозначает Дудаевскую Ичкерию «тагутским государством» в силу дудаевской конституции 1992 г., вторая статья которой гласит: «Народ Чеченской Республики Ичкерия является единственным источником всей власти в государстве. Народ осуществляет принадлежащую ему суверенную власть непосредственно и через систему создаваемых им органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также посредством органов самоуправления».

Отсутствие единой концепции государственного строительства, однозначного выбора между «светским» проектом 1992 г. и религиозно обоснованным сообществом проявляется и в рамках единой серии статей «Знай свою историю». Так, в рамках антиколониального дискурса, тезиса «борьбы против империи» исламисты провозглашают «желание муджахидов, мусульман Чечни объединить усилия с другими народами Кавказа с тем, чтобы создать действительное независимое государство, основанное на законе Создателя, а не марионеточный национально-государственной суррогат под протекторатом международного кувейта с его демократическими ценностями тотального разврата, разложения и сатанизма». Процитированная публикация содержит статью уже упомянутого нами амира Сейфуллаха (Анзора Астемирова, кадия «Имарата Кавказ», одного из лидеров Кабардино-Балкарского исламистского подполья). Обильно приправленный кораническими цитатами и ссылками на исламских богословов текст дает краткий экскурс в предысторию объявления Имарата Кавказ в 2007 г. Для данного раздела исследования важны не религиозно-политические аргументы за провозглашение исключительно религиозного фундамента новой организации, а временная схема исламистов, следы которой можно обнаружить в воссозданной истории (в формулировке Я. Ассмана) «Имарата».

Отметим, что в отличие от «Исламского государства», опирающегося на давнюю традицию исламского государственного строительства, а также

опыт многочисленных исламистских организаций, «Имарат Кавказ» возник в регионе, не имеющем исторически закреплённых государственных институтов. В результате выстраивание исторического нарратива террористической организации строилось не столько на преемственности (хотя, как было указано выше, наличествует упоминание различных государственных образований на территории Кавказа), сколько на разрыве с прошлым. Материалы, посвященные истории возникновения организации, ставят во главу угла порочный характер дудаевской Ичкерии, раздираемой противоречиями между полевыми командирами и высшим руководством. Главной виной конечного поражения дудаевского проекта видится разрозненность и отсутствие единого главы, который бы объединил разнообразные джамааты после гибели Дудаева и фактического военного (но не политического) поражения боевиков в ходе кампании 1994-1995 г.

Трансформация сепаратистского проекта в религиозный видится авторам материалов вполне естественным делом. Отметим, что, в отличие от восхождения «Исламского государства», история чеченского исламизма представляет постепенную утрату дееспособности: в ходе двух военных кампаний сепаратистско-исламистское руководство последовательно утратило способность оперирования относительно крупными и организованными вооруженными силами, перешло на ступень партизанской войны, а в конечном итоге оказалось способным лишь на осуществление террористических действий. Тем не менее, движение по нисходящей линии представлено пропагандой как постепенное очищение от элементов «тагута», которое в конечном итоге обернется на благо «Имарата Кавказ».

На основе религиозной, а не этнической или политической идентичности, выстраивается традиция исторической преемственности с последним Халифатом исламского мира – Османской империей. Не будучи в состоянии контролировать какие-либо территории, джихадисты тем не менее стремились к легитимации «Имарата Кавказ», создавая фиктивные и по большей части виртуальные государственные институты. Встал вопрос и о

выборе государственного языка «Имарата»: в числе прочих на роль такового выдвигался турецкий язык как язык последнего признанного миром Халифата. Провозглашение Имарата и отход от традиций дудаевской «Ичкерии», в понимании номинального главы организации Д. Умарова, являлось очередным шагом ко всемирному объединению мусульман, ступенью к достижению всемирного Халифата. Две организации радикального исламизма – региональная и нацеленная на всемирную экспансию, оказываются объединены единой целью, соотнося себя с общемировым пассионарным движением исламской уммы. Однако, несмотря на декларацию принадлежности к идее глобального джихада, «Имарат Кавказ» сохранил в своей риторике значимый национальный компонент, выстраивая свою идентичность прежде всего как антиколониальное сопротивление мусульман Кавказа.

2.3. Категория пространства в пропаганде радикального исламизма

Специфичность предмета исследования ставит перед исследователем вопрос: в каком пространственном режиме функционируют организации радикального исламизма, и «Исламское государство» в частности?

Исходя из предположения о мифологической природе идеологии джихадистов (хадис о Дабике, распространяемые джихадистской пропагандой материалы о глобальном заговоре против мусульман), считаем возможным утверждать о наличии особых черт пространственного измерения, присущего джихадистской пропаганде и исламистскому мировосприятию.

Полагаем, что характеристики пространственной категории агитации радикальных исламистов прежде всего обусловлены религиозным мировоззрением авторов пропагандистских материалов. Исходя из этого предположения, необходимо рассмотреть роль сакрального компонента в топологии пространства современного исламизма. Пространственное

измерение – важнейший компонент литературных текстов: как продемонстрировал М.Ю. Лотман, географические координаты в значительной степени конструируют мировосприятие религиозного человека¹⁵⁴.

Проблематика географии сакрального применительно к радикальному исламу обозначена в статье Т. Хавемана. Пространство исламизма неразрывно связано с Джихадом, который в представлении автора можно разделить на локализованные в пределах одной страны национальные движения (Талибан), и глобальную экспансию вовне, без привязки к конкретной территории. Таким образом, сакральное пространство радикального исламизма включает в себя не только психологические и социальные конструкции, но и политические элементы¹⁵⁵. Пространство экспансии представляется Т. Хавеману главным фактором отличия глобального джихада от региональных исламистских движений.

Концепция сакральной географии, предложенная Хайденрайхом, предполагает наличие сакрального центра (Кааба), знаковые священные места, нуждающиеся в защите от посягательств неверующих, а также «места страданий» мусульман, которые должны быть возвращены в будущую глобальную мусульманскую умму¹⁵⁶.

Соглашаясь с автором в необходимости ядра, положенного в основу сакрального пространства, считаем вовсе необязательным универсальность данного сакрального центра для всех сторонников радикального исламизма. Несмотря на то, что Кааба и священные города бесспорно занимают важное место в религиозной картине мира, пропаганда современных радикальных исламистов во многом сдвигает акцент на иные географические точки. К примеру, для сторонников ИГ гораздо большим значением обладают иные

¹⁵⁴ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Внутри мыслящих миров. С 255 265

¹⁵⁵ Tim Hawemann. The Sacral Geography of Islamic Jihad.

¹⁵⁶ Heidenreich, E. 2010. Sakrale Geographie Essay über den modernen Dschihad und seine Räume. Bielefeld.

географические локации – в частности, небольшой город Дабик на севере Сирии.

То обстоятельство, что радикальные исламистские организации прилагают значительные усилия к формированию макрополитической идентичности своих сторонников, сближает исследование пространственной организации пропаганды с исследованиями национализма и коллективной памяти. Именно пространство является физическим маркером коллективной идентичности: отношение членов группы к тому или иному набору географических координат как к «нашей / чужой», «дружественной / враждебной» земле закладывает фундамент коллективной идентичности.

Современный радикальный исламизм, вобрав в себя чрезвычайное множество течений различной степени экстремизма, так же оперирует сакральными пространствами. Рассмотрим некоторые черты организации пространства сакрального применительно к двум представителям радикального исламизма: «Исламскому государству» и российской части движения «Таблиги Джамаат», чья деятельность носит в большей степени характер мистических духовных поисков. Примечателен и тот факт, что сами члены «Таблиги Джамаат» всячески подчеркивают мирный характер своей организации и оппозиционность всем ваххабитским и радикальным движениям.

Хотя исследование И.В. Пономарева допускает способность таблигов переходить к насильственным действиям¹⁵⁷, в целом движение «Таблиги Джамаат» находится на другом полюсе радикального исламизма, предполагая преобразование мира не путем военного джихада, а духовного преображения мусульман. Сравнение пространственных топосов двух организаций, находящихся на противоположных спектрах современного исламизма, способно охарактеризовать топографию пространства, присущую дискурсу радикального исламизма.

¹⁵⁷ Пономарев И.В. Таблиги Джамаат и международный терроризм на Северном Кавказе // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. С. 579-596.

Будучи достаточно крупными организованными сообществами, и мистическое движение таблигов, и воинствующий экспансионизм «Исламского государства» столкнулись с необходимостью формирования собственных нарративов. В зависимости от степени гетерогенности, неоднородности социальной структуры задача создания собственной убедительной трактовки исторических событий приобретает все большую значимость. Проект «Исламского государства» осуществлялся в разнородной политической и социальной среде, весьма условно объединенной религиозной доктриной. В условиях ожесточенного военного противостояния с однозначно превосходящими силами правительственных войск и международной коалиции, жесткой оппозиции всему мировому сообществу и военного поражения в качестве квазигосударственной структуры, лишь успехи на поле идеологической и символической борьбы стали залогом выживания «Исламского государства». В отличие от прямого военного столкновения, исход противостояния в котором заранее предрешен, на поле символической и идеологической борьбы структуры исламистов имеют гораздо больше шансов на победу. Формирование общей памяти о прошлом (реальном или воображаемом) – важнейший инструмент консолидации общества. Однако символическая борьба ведется не только посредством трансляции объединяющего нарратива, но и с помощью широкого спектра невербальных средств¹⁵⁸. Предлагаемая радикальными организациями трактовка исторического процесса и выборка определенных исторических событий оказывается неразрывно связанной с пространственным и географическим измерением.

Для средств исламистской пропаганды «Исламского государства» характерно тесное вплетение событий настоящего времени в историческое повествование. Так, пропагандистские материалы исламистов (в особенности – самостоятельно изготовленные материалы сторонников ИГ, не

¹⁵⁸ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

аффилированные с организацией) тяготеют к архаизации современности; на основе коранических текстов и хадисов значительное место уделяется выстраиванию преемственности между временами четырех праведных халифов и современным положением ИГ. Специфическая мифологическая организация темпорального режима исламистов оказывает определяющее влияние на пространственную картину мира. В качестве развитой идеологической системы нарратив радикального исламизма во многом опирается на мифологические структуры. Включение мифологем в медийное послание позволяет задействовать неосознаваемые аудиторией информационные пласты¹⁵⁹. Структурирование пропагандистской реальности происходит с помощью двух важнейших компонентов: временного и пространственного.

Исследование пространственной организации, географического компонента джихадистской пропаганды не может осуществляться в отрыве от ее действующего лица, главного героя. Зададимся вопросом: кто или что занимает центральное место в пропаганде радикальных исламистов? Изучение материалов радикальной пропаганды довольно быстро выведет нас на во многом стереотипный образ боевика. Выделим две категории актора джихадистской пропаганды с точки зрения отношения героя к окружающему пространству, а затем проанализируем пространственное окружение, в котором помещен главный герой.

Тип 1. К данному, главенствующему, типу мы отнесем стереотипного сторонника радикальной организации. Транслируемый средствами пропаганды образ боевика характеризуется следующими чертами: активность и целеустремленность, готовность к действию и самопожертвованию. Жизненные обстоятельства, окружающие героя данного типажа, второстепенны: и в момент триумфа, и перед лицом смерти стереотипный боевик сохраняет твердость духа и уверенность в грядущей победе. Боевик данного типа уже находится в сакральном пространстве –

¹⁵⁹ Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук, 2002. 528 с.

если не физически (территория «Халифата» и вооруженного противостояния), то духовно. Перемещение на сакральные пространства противоборства (land of Malahim) возвышает героя пропаганды, он уже не принадлежит полностью профанному пространству Дуныи.

Тип 2. Данная категория образов представляет скорее не самостоятельно действующий субъект, но объект, точку приложения усилий со стороны окружающего мира. Этот типаж может быть выражен героем, только совершающим хиджру (переселение) на земли «Халифата», или же человеком, находящимся на территории «тагутского государства» и претерпевающего гонения с его стороны. Трансформация героя либо не началась, либо находится на начальном этапе. Однако и здесь герой вырван из нормального пространства – его путешествие может совершаться как в привычном нам понимании (сам процесс переселения и физического бегства), так и быть помещенным в «пространства угнетения»: тюрьма, лагерь и т.д. Находясь во враждебном окружении, герой ментально совершает перемещение в пространстве, мысленно находясь со своими сторонниками на землях джихада. Сюжет мысленного единения с ведущими боевые действия сторонниками занимает важное место в обнаруженных нами лирических источниках джихадистского нарратива.

Крайне важными нам представляются характерные изобразительные черты образа боевика. Джихадистская пропаганда активно эксплуатирует стереотипный образ боевика, затянутого в черные одежды, с закрытым лицом. Полагаем, что данный своеобразный «канон» связан не только с обеспечением безопасности (опознать на видео и фотографии человека, практически полностью скрытого за черными одеяниями, довольно сложно), но и с возможностью ассоциации зрителя с изображенным героем. Деперсонафикация служит важной цели, обеспечивая возможность экстраполирования Я-образа читателя на изображаемого террориста.

Джихадистская пропаганда раз за разом предлагает читателю историю чудесного преобразования своих героев. Покидая родные страны, джихадисты

совершают не только физическое перемещение, но и бегут из профанного мира в сакральный. Наиболее четко данное утверждение подтверждается обнаруженной нами «агиткой», изображающей авиабилет сторонника радикальной организации, пунктами отправки и прибытия в котором обозначены Дунья и Ахират. Помимо легко считываемых аллюзий на террористический акт 11 сентября (билет обозначен как «в один конец»), есть и еще один слой трактовки данного изображения: совершая перелет (с целью попасть на территории «Халифата» или использования самолета как орудия теракта), джихадист в буквальном смысле покидает пространство обыденного мира, перемещаясь в пространство мифа. Уточнение одностороннего характера перелета – свидетельство необратимой трансформации пассажира.

Джихадистская пропаганда оперирует бинарными оппозициями «Дунья-Ахират», «Дар аль-Ислам – Джахилийя (дар аль-харб)». Отметим следующую закономерность: для источников пропаганды, аффилированных с «Исламским государством», более характерен второй сюжет, противопоставление «территории ислама» и «территории невежества/войны», в то время как «неофициальные» источники пропаганды концентрируются на противопоставлении мистико-религиозного характера. Полагаем, что данное обстоятельство связано с возможностью вести активные действия и наличия подконтрольной территории (на момент 2014-2019 гг.), в то время как «стихийная» пропаганда исходит от сторонников джихадистов, не имеющих возможности присоединиться к боевым действиям. В этом аспекте особый интерес представляют практики конструирования пространств внаходимости, «воображаемого Джихада».

Важнейшей характеристикой организации пространства религиозного является его противопоставление мирскому. Пара «сакральное-мирское» проявляется в виде двух оппозиций: «Дунья-Ахират» и «Дар аль-Ислам - Джахилийя». Пространство Джахилийи (невежества) неупорядоченно, охвачено пороками и хаотично. Оно отдано на откуп силам тагута,

идолопоклонников и в самой своей сути враждебно приверженцу таухида. Неприспособленность хаотического пространства светского мира для существования сторонника радикальной идеологии порождает практики венаходимости, бегства (реального или воображаемого) от мирского.

Помимо четкой дихотомии Дунья-Ахират картина мира радикального исламизма обладает особой категорией пространства венаходимости. Пропаганда радикального исламизма конструирует воображаемые пространства с помощью развитой сети масс-медиа, однако не меньший интерес в плане изучения организации сакральных пространств воображения представляют группы квиетистского ислама, нацеленные на мирное и мистическое преобразование самих себя и окружающего мира. Так, в социальных практиках организации «Таблиги Джамаат», группы которой до недавнего времени действовали практически на всей территории России, центральное место отведено «сафару» (от ар. «путешествие») миссионерско-паломнического характера. Осуществляя сафар разной продолжительности (от двух до сорока дней), члены группы перемещаются не только в физическом пространстве, но и сакральном. Участники таких паломничеств отмечают иную природу пространства сафара, принципиально отличную от профанного пространства. Пространство паломничества представляется как территория порядка и гармонии: участники сафаров упоминают о особом состоянии душевного спокойствия, которое недостижимо в мирском существовании.

Несмотря на достаточно протяженные маршруты паломничеств, для перемещения в сакральное пространство сафара недостаточно лишь физического перемещения. На помощь участникам паломничества приходят перформативные ритуалы, видоизменяющие саму окружающую реальность. Важнейшим таким ритуалом является зикр – многократное повторение символа веры (шахады). Длительностью до нескольких минут, коллективное повторение шахады оформляет физическое перемещение участников группы, закрепляя мистическое озарение сафара. Сакральное пространство

формируется не только посредством произнесения зикра, но и в ходе ночного итикафа – коллективного пребывания в мечети. Участники таких паломничеств по их окончанию отмечают духовное преображение, «сладость» сафара и свое принципиально иное, отрешенное от всего мирского, состояние в ходе совершения поездки.

Отметим, что до недавнего времени для групп таблигов совершение таких поездок не представляло особенной сложности в силу концентрации руководства в одном месте (своеобразным центром движения стало село Средняя Елюзань в Пензенской области) и наличия развитой организационной структуры. Участники движения, несмотря на незаконный характер организации, практически не считали необходимым соблюдение мер конспирации. Открытость, тесное повседневное общение участников джамаата в значительной мере облегчало подготовку к паломническим поездкам. Переход в пространство вненаходимости для групп таблигов не был сопряжен со значительными сложностями, в отличие от участников иных радикальных сообществ.

Если участники движения «Таблиги Джамаат» все же способны на практике осуществить выход из профанного пространства, то многие из симпатизирующих «Исламскому государству» не способны на такой шаг в силу необходимости соблюдения конспирации, трудности создания полноценной организации и налаживания стабильных межличностных связей на больших расстояниях. Исследование практик организации пространства воображения сторонниками «Исламского государства», которые неспособны покинуть регион проживания, требует проведения всестороннего социологического анализа виртуальных джамаатов, однако в наших силах дать обобщенный анализ пространственной организации мира абстрактного «джихадиста», основываясь на анализе оформления личных и публичных страниц в социальных сетях. С.А. Рагозина, исследуя интернет-пространство радикального исламизма Северного Кавказа, отмечает уникальность удаленной формы коммуникации для не имеющих легальной площадки

сторонников радикального исламизма, что приводит к первичности дискурса над социальным действием¹⁶⁰.

Действительно, наблюдается отрыв транслируемых исламистами посланий и реальной действительности. В качестве примера приведем телеграм-канал «Парламент ЧРИ», который имитирует деятельность правительства Чеченской республики Ичкерия в изгнании. Несмотря на свою очевидную полную виртуальность, упомянутый телеграм-канал все же имеет опору на реально существовавший прецедент контроля боевиков над частью территорий Северного Кавказа. В ином положении оказываются те сторонники радикальной идеологии, которые не имеют возможности физически присутствовать на землях «джихада». Полагаем, что применительно именно к данной категории носителей радикальных взглядов возможно говорить о полноценных пространствах воображения.

Размещаемые на личных интернет-страницах сторонников радикальных организаций нашивы, иллюстрации джихадистского или околоджихадистского характера и – важнейший элемент, – многочисленные цитаты религиозных авторитетов структурируют воображаемые пространства джихада. Эту же функцию выполняют иллюстративные материалы, во множестве присутствующие на страницах исследуемых нами изданий.

Одним из наиболее частых сюжетов оформления личных страниц является противопоставление Дуњи и Ахирата. Профанное пространство Дуњи представлено как несостоящее внимания место временных страданий, предваряющее вознаграждение Ахирата. Частотность появления данного сюжета значительно уступает дихотомии «Дар аль-Ислам / Джахилия», столь характерной для пропагандистских материалов, исходящих непосредственно от «Исламского государства». Полагаем, что данное обстоятельство является следствием физической невозможности покинуть

¹⁶⁰ Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А. Л. Рябинына, Г. В. Лукьянова. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 144 с.

«пространство джахилий» – сторонники радикального исламизма, не имеющие возможность выехать на джихад, или подобно таблигам совершить сафар, вынуждены мигрировать в пространство воображаемого, заменяя физическое перемещение духовными трансформациями. Столь важная для любой мифологической системы идея пути, необходимая для преображения героя, приобретает характер исключительно духовно-виртуальных странствий.

Пространство традиционного общества строится вокруг сакральных категорий, выполняющих роль «якорей», географически и символически оформляя реальность. Именно по такому принципу построено пространство средневековой Европы – географические ориентиры мира полны скрытых смыслов: алтари церквей ориентированы на символизирующий жизнь Восток, там же средневековые картографы помещают утраченный рай; география оказывается теснейшим образом связана с системой морали¹⁶¹.

Важнейшим компонентом пространства религиозного человека является опорная точка, централизующее и оформляющее мироздание¹⁶². В исламской картине мироздания таким центром мира является Кааба. Образ Каабы в обилии встречается в материалах интернет-групп исламской (не исламистской) направленности, а также занимает важное место в исламистской символике. Однако вопреки ожиданиям, в доступных нам пропагандистских материалах периодических изданиях Исламского государства образ Каабы встречается относительно редко. Роль *axis mundi*, опорного столпа мироздания, отведена иной локации – городу Дабик.

Дабик, небольшой город на северо-западе провинции Алеппо, играет чрезвычайно важную роль в организации пространства «Исламского государства». Джихадистская пропаганда и, в более широком смысле, идеология ИГ, основана на хадисе о последней битве небольшого войска мусульман против войск «римлян», которая должна произойти именно

¹⁶¹ Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (3001300). Очерк христианской культуры Запада. М.: НЛО, 2014. 568 с.

¹⁶² Элиаде М. Священное и мирское. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

вблизи Дабика. Данный город дал название первому периодическому изданию исламистов, распространяемому посредством интернет-сети.

Согласно хадису, гибель защитников города в неравном противостоянии является катализатором Армагеддона. Дабик централизует пространство глобального джихада: противоборство на отдаленных фронтах (Филиппины, Африка, Кавказ) является лишь обрамлением грядущего последнего сражения. Взятие города, а также пленение в его окрестностях представителей Коалиции послужило причиной восторга в периодической печати джихадистов – «крестоносцы» появились в области Дабика, свидетельствуя об истинности пророчества. Тем не менее, базирование на «пророческой методологии» (о чем не устают напоминать пропагандистские материалы) не означает неспособности исламистов к рациональным действиям. Так, войска ИГ не стали оборонять город, а оставили его практически без боя; утрата Дабика имела следствием лишь выход нового журнала под названием «Румийя».

Название нового издания отсылает нас к иному маркеру пространства пропаганды – Риму. В отличие от Дабика, образ Рима не наполнен эсхатологическим смыслом, но лишь обозначает направление грядущей экспансии. Если номинальная «столица» халифата, город Ракка, воплощала в себе идеальное государство времен праведных халифов, Дабик был обещанием грядущей победы, то Рим стал символом «чужих» земель, целью предстоящей экспансии

Совершая краткий обзор основных компонентов пространства пропаганды радикального исламизма, необходимо остановиться на противоположности сакральному пространству «Дар аль-Ислам» – «Дар аль-харб», территории войны. Земля неверия, как уже упоминалось нами ранее, является вторым компонентом бинарной оппозиции пространств, положенной в основу радикального исламизма. Территория джахилийи, «невежества», не имеет четких границ и подвижна в зависимости от

успехов/неудач исламистов. Пространство джахилии обладает следующими характеристиками:

1. Хаос и неупорядоченность;
2. Общая греховность образа жизни;
3. Опасность не только для души «истинно верующего», но и угроза его физической безопасности.

В противопоставлении «Дар аль-ислам» и «Дар-аль харб» четко прослеживается отмеченная М.Ю. Лотманом идея избранности, вытекающая из оппозиции «святое-грешное / свое-чужое»¹⁶³. Вне зависимости от этно-религиозных характеристик или государственной принадлежности, все земли Джахилии обладают значением греховности, и непригодны для жизни верующего. Даже в случае принадлежности территории к исламскому миру, ее «очищение» происходит только с переходом под контроль «Исламского государства».

Изменение нравственного статуса индивида связано с перемещением из пространства греховности в пространство святости. Сторонникам «Исламского государства» предписана реализация этого перехода посредством совершения хиджры, переселения на контролируемые боевиками территории. В той же ситуации последователи квиетистского ислама не видят необходимости покидать территорию страны (пусть даже для переселения в духовный центр движения – г. Деобанди), но обретают святость посредством совершения длительного сафара.

Как правило, процесс перемещения, выход из профанного пространства связан со множеством лишений. Пространство Джахилии не выпускает потенциального мухаджира, предлагая ему множество соблазнов; участники сафара в своих поездках придерживаются простой диеты, как бы отказываясь от наслаждений Дуны. Принцип аскетизма и самоограничения – неотъемлемая характеристика сакрального. Сознательно ограничивая себя в

¹⁶³ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Внутри мыслящих миров. С 255-265

получении мирских удовольствий, индивидуум совершает обмен профанных благ на эквивалентное количество сакральных¹⁶⁴.

Необходимые лишения, которые должен претерпеть верующий в процессе выхода из профанного пространства – залог успеха его духовной трансформации. Общим местом джихадистской пропаганды являются страдания верующего, вынужденного жить в «тагутском» обществе. Схожие настроения прослеживаются и в среде членов «Таблиги Джамаат». В разговорах между собой участники сафаров упоминают постоянную тоску по поездкам, тяжесть существования в мире Дуњи.

Подводя итоги исследованию категории пространства в мировосприятии радикальных исламистов, можно утверждать о важнейшем компоненте сакрального, который занимает центральное место в организации пространства (реального или конструируемого) современного исламизма. Дихотомия сакральное-профанное пронизывает весь дискурс исламизма, демонстрируя одинаковый набор параметров для двух организаций, занимающих полярные места на шкале течений радикального исламизма.

Вне зависимости от приверженности организации идеям вооруженной борьбы, наличия или отсутствия экспансионистских планов, мирское пространство Дуњи мыслится как недостойное внимания, полное соблазнов и угроз верующему. Противовесом ему выступает сакральное пространство, воображаемое или реальное в зависимости от возможностей конкретной организации и ее сторонников. Исламисты, способные осуществить физический переход в сакральное пространство, реализуют возможность путем совершения многодневных паломничеств либо совершением «хиджры» на территории ИГ. Основная же масса доступных для наблюдения сторонников «Исламского государства», не имея возможности или решительности для совершения переселения, конструирует своеобразные виртуальные пространства святости, должным образом оформляя свои страницы в социальных сетях.

¹⁶⁴ Роже Кайуа. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 159

Необходимым оформлением духовной трансформации актора джихадистской пропаганды, сторонника «Таблиги Джамаат» являются мирские лишения, принимающие форму страданий от греховности Дуньи, тюремного заключения (распространенный сюжет в русскоязычной исламистской пропаганде) или сознательной аскезы в ходе совершения сафара. В то же время отметим, что изучение пространственного компонента исламистской картины мира должно осуществляться в непрерывной связи с анализом ее временного измерения, которое, как мы полагаем, также обладает сакральными чертами.

Присущая современному глобализированному миру практически абсолютная информационная свобода индивида среди прочего обозначает утрату государством монополистичного контроля над информационными потоками. Становится возможным появление не-секулярных проектов общественного устройства: в эпоху множественности политических акторов ставится под вопрос существование секулярного государства как главенствующей формы организации социума. В противовес упорядоченным символическим пространствам, выстроенным институтами секулярного государства, возникают символические пространства альтернативных религиозных проектов. В условиях подавляющего экономического и военного превосходства «традиционных» государственных институтов именно трансляция собственной пространственно-временной картины мира становится залогом выживания разнообразных проектов радикального исламизма. Противостояние с государством на поле символических концептов – единственный вид противоборства, где альтернативные проекты общественного устройства имеют не только все шансы на победу, но зачастую и обладают определенным перевесом над секулярным государством. Полагаем, что к настоящему моменту уже сложился определенный канон пространственно-временной картины мира, исходящей от проанализированных нами радикальных организаций. Важным моментом представляется невозможность даже частичного включения исламистского

нарратива в государственный в силу полной оппозиционности основополагающих составляющих исламистского нарратива.

На протяжении данной главы нами был осуществлен анализ пространственно-временных характеристики дискурса радикального исламизма, а также эволюции дискурса северокавказского исламизма. Как пропаганда мощной медийной машины «Исламского государства», так и пропагандисты северокавказского исламизма уделяют внимание созданию сакральных пространств и конструированию собственных временных схем. Для сосредоточенного на глобальной мессианской цели «исламского государства» таким сакральным центром мироздания стал город Дабик, а после утраты контроля над ним джихадистская пропаганда сосредоточилась на иных ключевых точках-столицах вражеского христианского мира. Более локальная северокавказская пропаганда, несмотря на декларацию разрыва с национальным проектом Ичкерии, сосредоточена на местах памяти Чеченских войн: безусловное доминирование принадлежит г. Грозный, который стал символом ожесточенного противостояния.

Общим местом для радикальной пропаганды является представление о жертвенной роли мусульман. Данное представление проявляется в продвигаемой «Исламским государством» мифологеме о проходящем сквозь всю историю глобальном заговоре против мусульман, а также в предлагаемых З. Яндарбиевым исторических параллелях – сравнениях событиях в Чечне со Вьетнамской войной и карательными действиями немецких войск на территории Чехии и Франции.

В связи со значительной территориальной разбросанностью своих сторонников «Исламское государство» оказалось вынуждено формировать дискретное историческое повествование, объединенное лишь некоторыми сюжетами – историей о миновавшем (и восстановленном ИГ) золотом веке исламской цивилизации, мифа о многовековой агрессии против мусульман, мессианскими пророчествами. Героика прошлых эпох в пропаганде ИГ воплощена в фигурах раннеисламского периода, которые, как мы полагаем, в

той или иной степени знакомы всем мусульманам, вне зависимости от их культурно-географической принадлежности. Пропаганда северокавказского исламизма изучаемого периода сосредоточена не на временах зарождения ислама, а на более близком «героическом периоде» – вооруженном противостоянии с российском государством конца XX в.. Исходя из выбора сюжетов радикальной пропагандой на Северном Кавказе справедливым представляется утверждение, что «Имарат Кавказ», несмотря на декларируемый разрыв с «ичкерийской традицией государственности», все же не сумел в полной мере отойти от своего национального базиса.

Общей характеристикой пространственного измерения является присуще всем исследуемым организациям особое восприятие концепции путешествия (ар. «сафар») и пути. Образ путешествия встречается уже в одном из первых текстов современного радикального исламизма – манифесте «Присоединяйтесь к каравану!» авторства Абдуллы Аззама, обосновывающем лежащую на всех мусульманах мира обязанность сражаться в Афганистане. Тематика пути и связанных с ней ассоциаций (каравана как одного из наиболее популярных сюжетов) неизменно присутствует в исламистском дискурсе, а сама деятельность таблигов немыслима без постоянных путешествий-сафаров. Вне зависимости от степени радикализации и видения джихада, каждый изучаемый нами представитель радикального исламизма выстраивал пространства вненаходимости, призывая своих последователей к физическому перемещению на «земли Халифата», уходу в леса и горы Северного Кавказа, или же подталкивая к своеобразной «внутренней эмиграции» – миссионерским поездкам сторонников «Таблиги Джамаат».

Решая схожие в своей основе задачи идейного противостояния государственным институтам, каждый из трех различных изучаемых акторов радикального исламизма задействовал схожий инструментарий.

ГЛАВА 3. ПРАКТИКИ ЛЕГИТИМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМИЗМА

3.1. Риторические приемы легитимации современного исламизма

Данный раздел работы фокусирует внимание на практиках легитимации, присущих дискурсу радикального исламизма, останавливаясь на его особенностях в северокавказском регионе. В отличие от широкого спектра идей, задействованных пропагандой «Исламского государства» в период 2014-2020 гг., известные нам пропагандистские источники «Имарата Кавказ» демонстрируют значительно меньший набор легитимизирующих концептов. Основу для легитимации северокавказского исламизма после формального разрыва с предшествующим проектом независимой Ичкерии составляли аргументы религиозного характера. Тем не менее, отказ от декларируемой конечной цели ЧРИ – построения независимого чеченского государства не обозначал отказ от ассоциируемых с периодом военного противостояния с Россией ярких медийных образов.

Легитимация северокавказского исламизма начала XXI в. строится прежде всего на принципе фард аль-айн, личного обязательства каждого мусульманина вести вооруженную борьбу против «тагутского государства». Таким же нечестивым государством пропаганде северокавказского исламизма представлялась и сама Ичкерия, руководство которой на первых порах реализации сепаратистского проекта подчеркивали национальный характер государства; при этом религиозный компонент далеко не всегда являлся главенствующим и определяющим фактором построения независимого государства. Пропаганда северокавказского исламизма оказалась в довольно трудном положении: практически не выходя за пределы Северокавказского региона, «Имарат Кавказ» был вынужден опираться преимущественно на локальные ресурсы; в то время как позиционирование противостояния на Северном Кавказе как части глобального

общемусульманского сопротивления логичным образом подразумевало по крайней мере тесную координацию с действиями иных организаций. Данное обстоятельство привело к расколу в рядах организации: часть полевых командиров сохранила верность региональному проекту «Имарата», в то время как значительное количество других принесло присягу Абу Бакру аль-Багдади, лидеру глобального джихада.

Провозглашение Халифата 29 июня 2014 г. (2 Рамадана 1435) в захваченном боевиками Мосуле не только поставило ИГИЛ, до этого одну из многих террористических групп Сирийского конфликта, в новую позицию лидера джихадистского движения региона, но и позволило утверждать о принципиально новом характере террористической группировки. Рождение нового исламистского проекта сопровождалось не только крупными военными успехами, но и значительными медийными усилиями, которые обеспечили новой группировке имидж грозной и безжалостной военной машины. Волны джихада, берущие начало в котле сирийского конфликта, были разнесены глобальной интернет-сетью по всему миру и докатились до точек перманентного религиозно-политического напряжения, в том числе и в России. Несмотря на то, что наиболее четко оформленная идеология ИГ транслируется посредством «официальной» медиа-продукции (такой, как материалы медиафондов «Амак» и «Фуркан»), находящиеся как бы на периферии медиафронта ИГ русскоязычные журналы представляют собой часть того контекста глобального исламизма, который и порождает выверенные идеологемы самого «Исламского государства».

Первоочередной задачей пропагандистской машины ИГ являлось обоснование легитимности своих взглядов и законности провозглашения Халифата. Халифат является универсальной, вневременной формой исламского государства, поэтому его провозглашение от лица одной из многих исламистских группировок не могло не вызвать к нему настороженного отношения в среде мусульман. В ходе период наиболее активной пропагандистской деятельности (2014-2017 гг.) произошло

становление и оформление политического языка исламистов. Постановка вопроса о цели появления русскоязычных журналов и методов достижения этой цели способна предоставить больше информации о развитии дискурсивного поля русскоязычного исламизма, нежели попытка извлечь принципиально новые фактологические данные из журнальных материалов.

Так как в фокусе рассмотрения исследования лежат тексты ярко выраженной политической направленности, считаем уместным применение методов политической лингвистики при анализе метафорической картины, конструируемой пропагандой исламистов. Анализ метафорических моделей позволит лучше понять символическую картину исламистской пропаганды в аспекте легитимации Халифата на начальном этапе ее конструирования.

Полагаем, что в попытках придать законный характер провозглашению Халифата пропаганда исламистов апеллировала сразу к нескольким уровням легитимации, обращаясь к аргументам религиозного, светского и нравственно-морального характера.

Исследование одного из номеров упомянутого нами журнала «Dabiq» содержится в статье П. Колозариدي, А. Ильина «Исламское медиагосударство»: на примере анализа ключевого для исламистов термина «рибат» авторы выдвигают любопытную концепцию саморадикализации аудитории, вовлечения читателя в конструируемую радикалами медийную реальность¹⁶⁵. Исследования А.Г. Фомина, Е.А. Мона акцентируются на применяемый спикерами ИГ риторических приемах и лексических средств выразительности¹⁶⁶.

Фокусирование исследования на практиках легитимации Халифата делает необходимым обращение к изучению мусульманской

¹⁶⁵ Колозариди П., Ильин А. Исламское медиагосударство // Индекс безопасности. 2015. №2 (113). С. 161-168.

¹⁶⁶ Фомин А. Г., Мона Е. А. Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видеообращениях ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-osobennosti-organizatsii-rechi-spikera-terrorista-v-videoobrascheniyah-igil-organizatsii-zapreschennoy-na-territorii> (дата обращения: 16.07.2021); Фомин А. Г., Мона Е. А. Синтаксические особенности организации звучащей речи террориста // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2016. С. 144-146.

государственности, в частности, к работам Л. Сюкияйнена¹⁶⁷. В работе С.В. Голунова предпринимается важная для настоящего исследования обстоятельная попытка концептуализации понятия «Халифата», а также поднимаются проблемы соотношения постулируемой средневековой сущности «Исламского государства» с освоенными террористами современными методами работы транснациональных корпораций¹⁶⁸.

Первый номер русскоязычного издания «Исток» вышел в свет в сентябре 2015 г., в период интенсивных военных успехов «Исламского государства». Весной 2015 г. боевики контролировали значительные территории в Центральной Сирии, усиливалось давление на северном направлении (на севере страны продвижение ИГ было остановлено в ходе осады Кобани и противоборства с курдскими силами и отрядами ССА). К сентябрю 2015 г. правительство Сирии находилось на грани поражения, в то время как на захваченных ИГ территориях оперативно создавались административные структуры террористов. Захват Пальмиры обозначил фактический контроль боевиками Центральной Сирии и позволил ИГ усилить давление на западном направлении. Сложилась угроза выхода террористов к западным районам Сирии и распространения конфликта на территорию сопредельных стран (прежде всего Ливана). В условиях угрозы коллапса государственной власти и неконтролируемого расширения конфликта 30 сентября 2015 г. Россия объявила о начале военной операции в Сирии, которая и переломила ход конфликта. Таким образом, момент начала распространения нового периодического журнала исламистов соответствует высшей точке успехов «Исламского государства» и в военном отношении, и на поле государственного строительства (помимо стремительного территориального расширения, предпринимаются и усилия выстраивания

¹⁶⁷ Сюкияйнен Л. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2017. №9 (303). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-kontseptsiya-halifata-ishodnye-nachala-i-sovremennaya-interpretatsiya> (дата обращения: 18.07.2021).

¹⁶⁸ Голунов С.В. Террористический «Халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации [Электронный ресурс] // Полития. 2020. №2 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskiy-halifat-kak-kvazigosudarstvo-problema-kontseptualizatsii>. (дата обращения: 07.07.2021)

государственной системы: так, в июне 2014 г. был зафиксирован выпуск собственной валюты ИГ – золотого динара).

Первый номер журнала «Исток», не имея четко обозначенной тематики, сконцентрирован на оправдании легитимности Халифата. Несмотря на то, что издание заявлено в качестве «информационно-аналитического журнала Исламского государства», часть материалов написана от первого лица. Первая статья повествует о пути группы кавказских сторонников ИГ на территорию, контролируемую боевиками в Сирии. Практически с первых страниц звучит одна из основных тем исламистской пропаганды – борьба с несправедливостью, чинимой светскими государствами. Исходя из первого и последующих выпусков, становится ясна принадлежность авторской группы к группировке «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар» (Армия мухаджиров и сподвижников), возглавляемой Абу Умаром аль-Шишани (Тархан Батирашвили). Неясным остается момент, являлся ли выпуск журнала санкционированным высшим руководством ИГ, или же это инициатива данной группировки, влившейся в состав ИГ.

Аргументы легитимации Халифата условно можно разбить на четыре группы:

1. Базирование на мусульманском праве (фикх);
2. «Халифат по пророческой методологии»: легитимация на основе коранических текстов и хадисов;
3. Апелляция к моральному праву установления Халифата;
4. Позиционирование Халифата как традиционного суверенного государства с его атрибутами.

Интересуемая нас проблематика легитимации ИГ поднимается во второй статье журнала, озаглавленной «Ахлюль-халь валь-Акд» (Совет влиятельных лиц). Само название статьи отсылает читателя к первому аргументу легитимности Халифата: исламское государство было установлено

в результате волеизъявления авторитетных лиц. В дальнейшем развитие данного аргумента будет неоднократно встречаться на страницах издания.

Закончив вводную часть текста словами об избрании халифа Абу Бакра аль-Багдади, авторы переходят к отражению возможной контраргументации критиков нового государства. В качестве таковой был выбран тезис о незаконности объявленного Халифата, так как в предварительном процессе обсуждения не принимала участие большая часть мусульманской уммы. Отвергая данное возражение, авторы прибегают преимущественно к религиозным авторитетам: трудам Ибн Теймийи, аль-Мардауи аль-Ханбали, ар-Рази аш-Шафии. Главным аргументом издания является обязанность как уммы в целом (фард аль-кифая), так и каждого конкретного мусульманина (фард аль-айн) избрать себе правителя либо главу, амира. Установление института власти является религиозным правилом (ваджиб). Подчеркивается, что именно Исламское государство первым получило возможность проведения в жизнь ваджиба установления государственной власти: данный шаг представлен как долг и «лекарство» (видимо, в болезни, поразившей мусульманскую умму). Отметим, что метафорическая сфера-источник болезни, нездорового положения уммы довольно характерна для исламистской агитации.

Данные аргументы соотносятся с постановлением Ведомства фетв Египта, которое 2011 г. опубликовало специальную фетву № 3759 «Халифат и исламские государства». Согласно фетве, в случае отсутствия власти, мусульмане вправе выдвинуть из числа достойных людей того, кто станет их правителем и чьим приказам они обязаны подчиняться. Кроме того, допускается, чтобы в одно время на различных территориях, где живут мусульмане, было несколько центров власти – своего рода самостоятельных исламских государств¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Сюкияйнен Л.Р. Современная исламская правовая мысль о халифате и гражданском государстве с исламской ориентацией [Электронный ресурс] // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-islamskaya-pravovaya-mysl-o-halifate-i-grazhdanskom-gosudarstve-s-islamskoy-orientatsiey> (дата обращения: 18.07.2021)

Подчеркивается также характер избрания халифа советом, а не самопровозглашения или захвата власти. Община верующих, посредством своих доверенных представителей, не уступает своих исключительных прав халифу, а лишь поручает, доверяет ему руководить собой. Подчинение общины власти халифа обусловлено его точным следованием предписаниям шариата¹⁷⁰. Отметим, что главный законосовещательный орган Исламского государства, Шура, изначально обладал значительным административным ресурсом в силу большого количества в своих рядах бывших функционеров иракской партии «Баас»¹⁷¹.

Крайне интересен факт практически полного отсутствия фигуры самого Халифа на страницах издания. За исключением приведенной во втором номере журнала мосульской речи, Аль-Багдади выступает как атрибут Халифата, но не как самостоятельный правитель. Л. Сюкияйнен отмечает, что современные взгляды на политическое устройство исламского общества предполагают принадлежность верховного суверенитета лишь Аллаху, в то время как община верующих лишь выполняет божественные поручения, «отражая» верховный суверенитет Аллаха¹⁷².

Вторым значимым аргументом законности халифата является его базирование на следующем пророческом хадисе: «Сказал посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Будет среди вас пророчество столько, сколько пожелает Аллах, потом Аллах, если пожелает, заберет его. Потом будет Халифат, основанный на пророческом манхадже (с ар. «методология»), столько, сколько пожелает Аллах, потом, если пожелает Аллах, то Он заберет его. Потом будет царствие столько, сколько пожелает

¹⁷⁰ Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2017. №9 (303). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-kontseptsiya-halifata-ishodnye-nachala-i-sovremennaya-interpretatsiya> (дата обращения: 18.07.2021)

¹⁷¹ ISIS's Financial and Military Capabilities. (2014) // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf](http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf) (дата обращения: 18.07.2021)

¹⁷² Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. 2017. №9 (303). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-kontseptsiya-halifata-ishodnye-nachala-i-sovremennaya-interpretatsiya> (дата обращения: 18.07.2021)

Аллах, потом, если Аллах пожелает, то Он заберет его. Потом будет тирания столько, сколько пожелает Аллах, потом, если Аллах пожелает, то Он заберет ее. Потом будет Халифат, основанный на пророческом манхадже (метод, путь)», – затем он замолчал»¹⁷³. В представлении исламистов провозглашение Халифата является осуществлением данного пророчества, а Абу Бакр аль-Багдади продолжает цепочку халифов, которая должна завершиться с приходом Махди: «Воистину, умма от востока до запада ожидает возвращения праведного Халифата, с терпением и убежденностью, и надеется, что остальные праведные халифы будут в это время»¹⁷⁴.

Отметим, что проблема легитимации религиозно-политического режима вовсе не является новой для исламских обществ. Так, легитимация религиозной власти в регионе Хиджаза длительное время была одной из важных задач, лежащих перед османскими халифами, которые не принадлежали к числу потомков Пророка. В конце XIX в. султан Абдул-Хамид II, в условиях нестабильного османского контроля над регионом Хиджаза, выстраивал свою легитимность в качестве халифа на основании служения исламу, а не принадлежности к курейшитам¹⁷⁵. Пропагандистские издания ИГ уделяют довольно много внимания позиционированию «халифа» Абу Бакра аль-Багдади как законного продолжателя рода Пророка.

В основе религиозного характера легитимности Халифата лежат идеи Абдул-Ала Маудуди, согласно которым легитимность исламского государства как такового исходит единственно лишь из божественного источника¹⁷⁶. Подтверждением тому является цитирование некоторых сур Корана, которые приводятся в качестве обоснования законности Халифата: «Вот твой Господь сказал ангелам: "Я установлю на земле наместника"»¹⁷⁷,

¹⁷³ Данный хадис не обнаружен в ходе исследования

¹⁷⁴ Исток 1, с. 14

¹⁷⁵ Kemal Karpat. The Politicization of Islam. Oxford University Press, 2001. P.267

¹⁷⁶ Голунов С.В. Террористический «Халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации [Электронный ресурс] // Полития. 2020. №2 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskiy-halifat-kak-kvazigosudarstvo-problema-kontseptualizatsii>. (дата обращения: 18.07.2021)

¹⁷⁷ Корова, 30

«О, Дауд, воистину, мы сделали тебя Халифом на земле»¹⁷⁸. Тема наследия (ар. «халифа») всей земли мусульманами и Халифатом в частности довольно распространена на страницах исследуемых нами изданий. Легитимность ИГ аргументируется предсказанным в Коране переходом земли под власть мусульман: «Этот аят (прцитированный выше отрывок суры «Корова») является основой в установлении Имама и Халифа, которого будут слушать и подчиняться ему. По причине него мусульмане объединятся и Халифат будет иметь законную силу»¹⁷⁹.

Весьма важной авторам издания представляется проблема претензии на исключительность Халифата как уникального общемусульманского государства в условиях существования суверенных арабских стран и лишь частичного контроля исламистов над землями Сирии и Ирака. Напомним, что идея Халифата призвана объединить всех мусульман мира, упразднив необходимость в иных мусульманских государствах. Весьма подробное рассмотрение данного вопроса также сопровождается многочисленными отсылками к ряду исламских богословов.

Вывод посвященной данному вопросу статьи довольно предсказуем: обозначается легитимность Халифата и в случае неполного контроля исламских территорий, а также в случае наличия иных мусульманских правителей. Четко прослеживаются исторические параллели, проводимые автором статьи. Для обоснования законности правления Халифа в текст статьи вводится повествование о первой фитне, расколовшей общину мусульман после смерти Пророка. В ходе междоусобицы государство Мухаммада раскололось на три части, возглавляемые Али (зять Пророка), Муавией и Абу аль-Курайши¹⁸⁰. Главным тезисом статьи является легитимность Али, статус Халифа которого не оспаривался значительными территориями мусульман, несмотря на неполный контроль Али над исламскими землями. Пространные экскурсы в столь отдаленную историю

¹⁷⁸ Сад, 26

¹⁷⁹ Исток 1, с. 15

¹⁸⁰ Большаков О.Г. История Халифата. Т.І. Ислам в Аравии. 570 - 633. М., 1989. 310 с.

времен становления ислама (к моменту фитны даже не был кодифицирован Коран) являются характерной чертой исламистской пропаганды. Время в пропаганде исламистов приобретает линейный характер: материалы изданий ИГ осуществляют четкое маркирование положения читателя на временной шкале от зарождения ислама до начала апокалипсиса в результате битвы при Дабике. Статья о легитимности халифа, не в полной мере контролирующего территорию исламского мира, несмотря на отсутствие принципиально новых сведений, проливает свет на эсхатологическую картину мира исламистов: на непрерывной линии от начала пророческой миссии Мухаммада до конца времен совершенно четко определено положение как читателя, так и Халифата. Ясно прослеживается детерминизм и глобальная предопределенность, характерная для пропаганды исламистов: легитимность Абу Бакра в качестве халифа обусловлена событиями более чем тысячелетней давности, сам Халифат призван продолжить цепочку двенадцати халифов, а его конец, равно как и конец мира, предопределен древним эсхатологическим хадисом о битве при Дабике.

Несмотря на очевидную тягу ИГ к архаизации, выстраивании своей легитимности на основе средневековых теолого-юридических концепций, вполне справедливо отмечается умелое использование методов сетевой организации современных транснациональных корпораций в ходе управления анклавами исламистов далеко за пределами родной территории. В административной структуре Халифата присутствует особое Управление удаленных провинций, которое оказывает поддержку периферийным вилайятам Исламского государства¹⁸¹. Данное обстоятельство указывает на то, что архаизация ИГ во многом возникает на страницах пропагандистских изданий, и в случае жизненно важного для выживания организации решения уступает место рациональному поведению и использованию современных методов административного управления.

¹⁸¹ Голунов С.В. Террористический «Халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации [Электронный ресурс] // Полития. 2020. №2 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskiy-halifat-kak-kvazigosudarstvo-problema-kontseptualizatsii> (дата обращения: 16.07.2021).

Отметим, что преднамеренная архаизация, ориентация на времена становления ислама во многом является и слабой стороной организации. Так, на захваченных территориях ИГ тщательно выстраивало исламскую систему экономики, о чем неоднократно повествовали агитационные материалы. Однако строго фундаменталистское понимание экономической системы, которая ориентировалась на времена праведных халифов, поставило жесткие ограничения в хозяйственно-экономической деятельности ИГ: был отсечен целый сектор экономической системы, который отсутствовал в VII-VIII вв. (исламские банки, страховые компании и др.)¹⁸².

Своеобразным манифестом организации является материал, размещенный во втором номере журнала под заголовком «Кто мы, откуда и куда?». От лица стороннего наблюдателя авторы журнала ставят вопрос, чем же является «Исламское государство» и каковы его цели.

В рамках данной работы интерес представляет позиционирование ИГ как надежного щита населения Сирии и Ирака: «Вам говорят, что мы кровожадные убийцы, у которых нет другой цели, кроме как убивать и грабить, но в реальности вы наблюдаете 10-миллионное население, проживающее на подконтрольных нам территориях, которые не опасаются ничего, кроме вражеской авиации»¹⁸³.

Авторы издания наделяют Халифат моральным правом обороны от внешней агрессии, к которой причисляются и посягательства на честь Пророка (имеется в виду ряд скандалов, связанных с публикацией карикатур на Мухаммада), и несправедливостей по отношению к мусульманам «в Ираке и Афганистане, в Леванте и Алжире, на Кавказе и в Средней Азии, в Бирме и Центральной Африке». Неоднократно поднимается тема насилия мусульманок: данный сюжет представляет собой одну из ключевых аргументаций противостояния светским режимам.

¹⁸² Беккин Р.И. Исламская экономика в "исламском государстве"? [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО. 2017. №6 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-ekonomika-v-islamskom-gosudarstve> (дата обращения: 16.07.2021).

¹⁸³ Исток 2, с. 31

В обещании неминуемого возмездия авторы журнала уподобляют противостоящие им государства Вавилону, намекая на аналогичный крах порочной древней державы. Как и в предшествующих материалах, вновь поднимается тема преемственности арабского Халифата и современных исламистов: «Мы – это знающие и помнящие о том, что мы являемся потомками мусульман, когда-то припеваючи живших в тени самой интернациональной и могущественной империи мира, называемой Халифат». В представлении исламистов, предел процветания под властью религии был положен договором Сайкс-Пико, который имел единственной целью разобщение мусульманских стран и их контроле руками марионеточных светских режимов (сюжет глобального заговора против ислама, а также преемственности Праведному Халифату подробнее разобран в предыдущих параграфах). Статья завершается массовым обвинением граждан западных стран в пособничестве преступлений против мусульман («если вы скажете, что не участвовали ни в чем из вышеперечисленных преступлений против Ислама и мусульман, то ведь ваше молчание делает вас соучастниками этих преступлений») и воззванием к моральному долгу каждого мусульманина встать на сторону ИГ.

Тема глобального «заговора» против мусульман на страницах исламистских изданий поистине неисчерпаема: к уже упомянутому нами договору Сайкс-Пико можно добавить и представление о гражданах России как о «агентах влияния» в исламских странах, целью которых среди прочего является моральное развращение местного населения. Так, в статье, посвященной уничтожению российского лайнера над Синайским полуостровом среди погибших упомянута «некая российская топ-модель, которая сеяла разврат и нечестие в этой и без того извращенной стране»¹⁸⁴. В этой же статье поднимается тема мести мусульман. Очевидно, что авторов журнала особенно волнует противостояние на Северном Кавказе: взрыв самолета позиционируется как месть за военные действия начала 2000 гг..

¹⁸⁴ Исток 3, с. 4

Одним из проявлений мщения боевики считают гибель заместителя мэра Пскова, родного города 76-й гвардейской Псковской дивизии, десантники которой приняли бой во время попытки прорыва боевиков из Аргунского ущелья в феврале 2000 г.

Несмотря на декларируемую непримиримую оппозицию мировому сообществу, неприятие концепции национального государства и ставку на выстраивание лояльности Халифату на основе религиозной идентичности, «Исламское государство» не всегда отвергает модели и практики «традиционного» государственного строительства и легитимации. Столкнувшись с вакуумом власти на территориях охваченной гражданской войной Сирии и пребывающего в перманентном кризисе Ирака, ИГ вынуждено было не только выстраивать собственные административные структуры, но и всячески транслировать успех процесса государственного строительства посредством пропаганды. В общих чертах известна структура государственной власти «Халифата» со множеством управлений и министерств (диваны). Верхний уровень управления состоял из законосовещательной Шуры, Военного Совета (под управлением уже упомянутого Тархана Батирашвили вплоть до его гибели в 2016 г.), Шариатского совета, Совета военной помощи и Совета разведки. Многочисленные министерства координировали деятельность в самых разных сферах государственного управления и социального обеспечения: образования, здравоохранения, общественной безопасности, взаимодействия с племенными шейхами и т.д.¹⁸⁵. Более того, на контролируемых боевиками территориях даже функционировал институт защиты прав потребителей¹⁸⁶.

Пропаганда исламистов активно освещала функционирование служб низового характера (социальное обеспечение, службы инфраструктуры, здравоохранения), стремясь создать имидж успешно функционирующего

¹⁸⁵ ISIS's Financial and Military Capabilities". (2014) // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center, November. URL: http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf (дата обращения: 12.07.2021)

¹⁸⁶ Александер Э. «ИГИЛ и контрреволюция: рождение „Исламского государства“» // Кемаль А., сост. ИГИЛ: Зловещая тень халифата. М.: Алгоритм. С.8-56.

государства. Так, второй номер журнала «Исток» содержит статью, посвященную деятельности шариатской полиции. Приставка «шариатская» указывает не на сферу деятельности (слежение за соблюдением норм шариата), а на характер органов безопасности, руководимых религиозными нормами. Интерес представляют атрибуты традиционного государства, с которыми авторы материала ассоциируют ИГ: институт полиции (авторы не используют арабский эквивалент, а употребляют русский термин), выдача водительских прав, упомянутое в статье взаимодействие шариатской полиции с органами госбезопасности и иных министерств. Показательны слова заключения: «Я скажу братьям, вас приветствует Исламский Халифат, будьте спокойны и спите без тревоги. И мужи Исламского Государства в целом, и Исламская полиция в частности, взяли на себя завет и обязательство нести и устанавливать Шариата Аллаха на земле, повсеместно, и смотреть за сохранностью ваших семей и вашего имущества!»¹⁸⁷.

Похожие репортажи встречаются и в иных изданиях исламистов (в частности, в первом номере журнала «Rumiyah» повествуется о деятельности «Центрального управления по расследованию жалоб»); в 2015 г. в Интернете был размещен рекламный ролик службы здравоохранения в Ракке, использующей переделанный логотип аналогичной британской службы¹⁸⁸.

Очевидна одна из магистральной линии пропаганды, направленной на нерегиональную аудиторию: во внешнюю среду активно транслируется послание о способности Халифата обеспечить соблюдение прав своего населения и полной функциональности государственной машины. Одной из наиболее ярких попыток легитимации в глазах мирового сообщества стала одобренная высшим руководством ИГ поездка немецкого журналиста Юргена Тоденхефера в Ракку, номинальную столицу Халифата¹⁸⁹. Таким образом, в своей пропагандистской деятельности исламисты способны

¹⁸⁷ Исток 2, с. 38

¹⁸⁸ Islamic State Health Service: Video shows murderous terror group's medical services - including NHS-style logo // URL: [Islamic State Health Service: Video shows murderous terror group's medical services - including NHS-style logo - World News - Mirror Online](#) (дата обращения: 12.07.2021)

¹⁸⁹ Тоденхефер Ю. Десять дней в ИГИЛ. М.: Эксмо, 2017. 320 с.

применять и более доступные для западной аудитории аргументы, в случае необходимости отходя от апелляции ко временам Пророка.

Стратегия успеха «Исламского государства» времен расцвета организации во многом базировалась на соединении средневековой ментальности времён зарождения ислама и вполне современного медиа-инструментария. Маневренность руководства ИГ демонстрируется и в различных уровнях аргументации, к которым прибегают исламисты в попытках легитимации своего «государства». Читателю-мусульманину предлагаются аргументы, основанные на религиозных авторитетах (в «официальных» изданиях ИГ роль материалов религиозного характера намного выше) и вольно толкуемом радикалами исламском праве.

При работе со внешней, во многом немусульманской средой, пропагандистами ИГ был сделан выбор в пользу трансляции атрибутов традиционного государства: освещение деятельности административных структур ИГ, демонстрация собственной экономической системы, в обилии представлена государственная символика. В ряде случаев на страницах пропаганды ИГ презентовало себя как вполне привычное нам государство: так, пропагандистские издания упоминали об объявлении войны «тагутским странам», освещали деятельность анклавов ИГ вне основного региона активности.

Универсальным аргументом в стремлении приобрести симпатии аудитории является апелляция к установлению социальной справедливости. Террористическое образование предстает в качестве гаранта защиты и безопасности миллионов людей, места прибежища для притесняемых мусульман со всего мира. В ряде случаев месть за «преступления» против мусульман приобретает практически личный характер, как в случае с радостным сообщением об уничтожении российского самолета над Синаем.

Магистральной линией пропаганды изучаемого периода является непрерывное обращение к архаике, возвращение ко временам зарождения ислама. События VIII-X вв. оформляют все символическое пространство

пропаганды: в представлении исламистов Фитна после смерти Пророка имеет такое же значение, как и ненавистный договор Сайкс-Пико. Отметим, что именно в русскоязычной пропаганде и агитации очень ярко проявляется тяга к архаизации: размещаемая на русскоязычных ресурсах визуальная пропаганда в значительно большей степени использовала архаичные символы и образы, нежели «официальная» продукция медиаструктур Исламского государства.

При изучении пропаганды джихадистов необходимо обращать внимание и на непостулируемые положения. Так, несмотря на статус правителя правоверных, номинальный глава ИГ практически не возникает на страницах издания. Вполне допустим вывод, что фигура аль-Багдади во многом являлась лишь оформлением легитимности Халифата. Будучи мертвым, аль-Багдади может оказать куда большую пользу делу джихадистов, превратившись в хрестоматийного мученика веры. В конечном итоге, с именем первого Халифа связан не только феноменальные успехи джихадистского проекта, но и столь же болезненные поражения, которые ИГ потерпело в конечном итоге.

3.2. Метафоры в дискурсе радикального исламизма

Уже в период активных действий «Исламского государства» наряду с разветвленной сетью исламистских пропагандистских медиафондов сложилась не менее развитая структура «стихийной» пропагандистской деятельности. Зачастую не обладая должными профессиональными навыками и высоким уровнем религиозной подготовки, несвязанные напрямую с «Исламским государством» источники джихадистской пропаганды тем не менее сумели создать самобытную картину мира, успешно осуществляя пропагандистскую деятельность в интернет-пространстве.

В рамках исследования символического пространства исламизма представляется необходимым анализ «низового» уровня мировосприятия,

характерного для симпатизирующей исламистам аудитории, и транслируемых вовне мировоззренческих установок самих исламистских структур. Наиболее доступной для наблюдения средой являются многочисленные интернет-сообщества русскоязычных исламистов.

Наиболее яркой категорией, демонстрирующей различия в «догматическом» и «низовом» мировоззрении являются военные сюжеты, в обилии присутствующие в пропагандистских материалах. «Неофициальный» русскоязычный исламистский дискурс тяготеет к намеренной архаизации, в то время как усилия средств пропаганды, подчиненных непосредственно «Исламскому государству», направлены на создание имиджа современной военной машины. Кроме того, «неофициальная» картина мира в значительной степени пессимистична, в то время как транслируемая средствами масс-медиа «ИГ» пропаганда полна триумфальных ожиданий и победоносного продолжения джихада.

Центральное место в данном разделе работы отведено военным сюжетам джихадистской пропаганды. Понятие «военный» осмысливается нами в русле методов политической лингвистики (т.к. тексты «Исламского государства», безусловно, во многом обладают характером политического манифеста). Несмотря на то, что, как это будет продемонстрировано в ходе исследования, пропаганда исламистов довольно бедна на непосредственно метафорические модели, сам образ войны и сопутствующих ей ассоциаций занимает центральное место в пропаганде исламистов. Важным операционным понятием политической лингвистики является сфера-источник – та исходная понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы описываемых понятий¹⁹⁰. Для военного сюжета / военной метафорической модели такой сферой будет являться военное противостояние и сопряженные понятия-фреймы, структурирующие исходную сферу-источник. Важными составляющими (фреймами)

¹⁹⁰ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2020. 256 с.

милитарного сюжета будут являться знакомые нам ассоциации: вооружение, военная техника, образы солдат и т.д. Различие в выстраивании милитарного сюжета разными источниками пропаганды, как мы полагаем, будет строиться именно на уровне первоначальных структурных единиц – выборке для пропагандистских материалов определенного комплекса вооружения и техники, ассоциируемых с противником/сторонниками объектов, характеристик образа свой/чужой и т.д.

Так как задача полномасштабного анализа смыслового поля сторонников радикального исламизма требует гораздо больших усилий и всестороннего анализа феномена религиозного насилия, нами принято решение сконцентрироваться лишь на одной категории смыслового поля современного исламизма, наиболее ярко, по нашему мнению, иллюстрирующей мировоззренческую разницу двух групп исламистов.

В качестве анализируемой единицы знаний, организованной вокруг центрального понятия, нам был принят милитарный сюжет, в обилии встречающийся в пропагандистских материалах исламистов.

Полагаем, что исходя из анализа визуальных милитарных сюжетов пропаганды можно констатировать следующую разницу в мировосприятии двух категорий джихадистов: «неофициальный» русскоязычный исламистский дискурс тяготеет к намеренной архаизации, в то время как усилия средств пропаганды, подчиненных непосредственно «Исламскому государству», направлены на создание имиджа современной военной машины, вооруженной по последнему слову техники.

Кроме того, для материалов «стихийной» пропаганды характерен значительно больший пессимизм в восприятии будущего противоборства – если материалы аффилированных с «Исламским государством» изданий транслируют картину свершившегося провозглашения Халифата, окончания борьбы на подконтрольных территориях и победоносного продолжения джихада вовне, то «неофициальная» пропаганда во многом сконцентрирована на мотиве неизбежности смерти, гибели современного

поколения джихадистов в неравном противоборстве с государственной машиной.

Исследование визуальных образов и визуальной культуры лежит в рамках провозглашенного Уильямом Митчеллом в конце XX в. пикториального (иконического поворота)¹⁹¹. Очередной культурный поворот обозначил особую, свободную от языка, силу воздействия изображений¹⁹². Митчелл поднимает вопрос агентности и самостоятельности изображений, которые обладают собственной субъектностью и особой социальной и психологической властью. Пикториальный поворот нацелен на полное восприятие визуального образа, отказываясь от интерпретативной составляющей исследования. Тем не менее, в контексте данного исследования именно интерпретация знака, прочитывание его социальных и идеологических смыслов представляется нам крайне важным. В контексте семиотических подходов визуальный знак подвергается непрерывному процессу означивания и интерпретации: именно данное концептуальное положение, как нам представляется, является принципиально важным для понимания как механизмов действия джихадистской пропаганды, так и символически-смыслового наполнения ее визуальных образов.

Информационное поле, в которое погружен действующий джихадист или сторонник радикальной организации, условно делится на четыре составляющих¹⁹³:

1. Салафитско-джихадистская пропаганда;
2. Пропаганда конкретной группировки;
3. Культурная среда, создающая предпосылки для дальнейшей радикализации. Тем не менее, сама по себе культурная среда и ее составляющие является недостаточной для запуска процесса радикализации,

¹⁹¹ Уильям Дж. Митчелл. Чего на самом деле хотят картинки. [Электронный ресурс] // Moscow art magazine. № 94. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/1/article/60> (дата обращения: 04.08.2021)

¹⁹² Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. С. 394

¹⁹³ Крупнов А. Исламское государство. Пропаганда группировки и механизмы ее распространения: Аналитический доклад. М.: Центр изучения новых коммуникаций, 2017. С 8.

а зерна диспозитива насилия и террора способны прорасти из любой социальной доктрины¹⁹⁴.

4. Средства массовой информации, освещающие деятельность группировки и тем самым вовлекающие радикальные группировки в информационную повестку общества.

Одним из важнейших сюжетов, присутствующих (а подчас и главенствующих) на всех уровнях информационного поля радикального исламизма, является милитарный сюжет. Образ самоотверженного воина-сподвижника Пророка является нравственным ориентиром для многих поколений мусульман, а сама история становления и укрепления ислама неотрывно связана с периодом арабских завоеваний. Милитарные образы прослеживаются даже в коммуникации сторонников квиетистских, мистических течениях ислама: так, во внутренней коммуникации членов «ТаблигиДжамаат» обнаружено уподобление мусульманской Уммы разобранному автомату Калашникова. Милитарный сюжет вполне естественно занимает центральное место в пропаганде самих экстремистских группировок и в освещении их деятельности со стороны государственных СМИ.

Столь успешная экспансия милитарного сюжета во все компоненты информационного поля позволяет предположить наличие милитарной метафорической модели и важнейшую роль данного сюжета в пропагандистской деятельности исламистских группировок. Именно на основе единого милитарного сюжета джихадистского нарратива проявляются скрытые мировоззренческие различия внутри одной джихадистской группировки.

Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет категория вооружения. Именно различие в образцах вооружения, презентуемых пропагандой джихадистов, в наибольшей степени

¹⁹⁴ Рогозинский Ж. Джихадизм: назад к жертвоприношениям. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 42.

демонстрирует разницу в мировосприятии сторонников «Исламского государства». Прежде всего кратко рассмотрим милитарные образы, предлагаемые непосредственно «Исламским государством».

Как было продемонстрировано в предыдущем параграфе, направленные на внешнюю аудиторию усилия медиааппарата «Исламского Государства» преследуют важнейшую цель оправдания террористических действий, легитимации «Халифата». Джихадистская пропаганда стремится создать образ полноценного государства, размещая материалы о работе разнообразных социальных служб, освещая картины мирной жизни на подконтрольных территориях. Милитарные образы, присутствующие на страницах периодических изданий, направлены на достижение той же цели – создание имиджа отлаженной государственной и военной машины. Формирование такого образа достигается с помощью соответствующего визуального ряда: обильной демонстрации «государственной» символики (флага организации), кадров триумфального вступления джихадистов в города и встреч с ликующим местным населением. В отличие от неаффилированных с ИГ источников, «официальная» пропаганда в большей мере использует фотокадры, нежели рисованные изображения, не испытывая нехватки в «живых» материалах.

Наиболее частый милитарный сюжет – изображение самих боевиков «Исламского государства». Как правило, средства пропаганды джихадистов стремятся создать оптимистичную картину триумфа ИГ, однако довольно часто встречается и восхваление погибших (которое в большинстве случаев приобретает характер житийного, агиографического повествования). Распространенным сюжетом являются кадры захваченной вражеской техники либо технического оснащения отрядов джихадистов. Создаваемый пропагандой образ – вооруженная по последнему слову техники, хорошо отлаженная централизованная военная машина молодого государства.

Нами было выделено 60 визуальных материалов милитарной тематики, размещенных в четырех номерах журнала «Исток» - «официального»

русскоязычного издания «Исламского государства». На большинстве изображений помещены боевики «Исламского государства», часть визуальных материалов заимствована из более ранних выпусков англоязычного журнала «Dabiq», первого и наиболее известного СМИ джихадистов. Ряд текстовых материалов представляет собой переводные статьи журнала «Dabiq». Проанализируем наиболее часто встречающиеся милитарные образы «официального» измерения джихадистской пропаганды.

Наиболее распространенный образ – ставшее каноничным изображение боевика организации: темная одежда или униформа, борода (обязательный атрибут мусульманина), стрелковое вооружение. Крайне интересным представляется факт именования боевиков исключительно «воинами» или «муджахидами», в то время как термин «солдат» употребляется только по отношению к противникам ИГ. В отличие от материалов «стихийной» пропаганды, на страницах журнала боевики в большинстве случаев вооружены современным огнестрельным оружием. Созданный усилиями джихадистской пропаганды хрестоматийный образ вооруженного ножом террориста появляется в единичном экземпляре, и лишь в первом номере журнала. В целом, по сравнению с основным информационно-пропагандистским изданием ИГ в период 2014-2016 гг. журналом «Dabiq», рассчитанное на русскоязычную аудиторию издание отличается относительно «умеренным» характером визуальных материалов, избегая изображений последствий терактов и жертв среди мирного населения.

Русскоязычную и англоязычную пропаганду роднит очевидная направленность пропагандистских усилий на создание образа традиционной структурированной военной машины. Важным компонентом в данном случае является техническая вооруженность организации. «Исток» транслирует картину находящегося в руках террористов полноценного парка военной техники, не исключая и трофейную авиацию. Уже привычный образ «джихад-мобиля» и пикапов с размещенным в кузове вооружением дополняют изображения трофейного танка с размещенной на нем

символикой «Исламского государства». Тем не менее, подавляющее большинство изображений военной тематики – фотографии пеших джихадистов в различных ситуациях: боестолкновения, чтение религиозной литературы, молитва, патрульная служба, триумфальные фотографии с флагом организации.

Пропагандистские усилия джихадистов, в значительной мере направленные на легитимацию «Халифата», зачастую апеллируют к восстановлению Халифата времен праведных халифов, намеренно прибегая к архаизации своего дискурса. Популярным визуальным мотивом, отсылающим ко временам становления халифата Аббасидов, является изображение конного воина. Однако образ всадника на страницах «официальных» изданий ИГ не представляет собой самостоятельного элемента визуальной составляющей пропаганды. Вместе с тем архаичный способ передвижения не вполне чужд джихадистскому повествованию: так, текстовый материал, посвященный совершению Хиджры (переселения) на территорию «Халифата», сопровождает изображение каравана.

Русскоязычная пропаганда джихадистов довольно бедна на метафорические модели. Тем не менее, и ей бывают присущи довольно яркие образы. Достаточно распространенным штампом стало отождествление сторонников ИГ со львами: в общей сложности, данный образ встречается 14 раз в четырех выпусках журнала «Исток». Приведем несколько наиболее ярких цитат: «Я не завершу, пока не восхвалю кровожадных львов вероубеждения – войско Халифата в Багдаде, северном и южном. Схвативших горящие угольки голыми руками, превосходящих в своей прочности скалы, втоптавших носы рафидитов в пыль в своих же домах, в сердце крепости. О Аллах, как вы прекрасны! Как же вы прекрасны! Каждый из вас равен тысяче!»¹⁹⁵, «... молодые львы, которым по 14-15 лет, сражаются и становятся шахидами, проводят операции истишхадии»¹⁹⁶, «К

¹⁹⁵ Исток 2, с. 8

¹⁹⁶ Исток 3, с. 41

бомбардировкам прибегают трусы, слабаки, неспособные вступить в наземный бой со львами Халифата. Ведь в таком бою полетят их головы и будут перерезаны глотки этих собак, прольется их кровь, и будут разбросаны их тела»¹⁹⁷.

Образ противников ИГ также довольно традиционен: враги обозначаются «свиньями» и «собаками» (традиционно нечистыми животными в исламе), а также абстрактными «крестоносцами». Противник представлен как предпочитающий воздерживаться от прямого боестолкновения, неспособный на равных соревноваться со «львами Халифата». Символом такого уклоняющегося от честного боя врага является авиация антиигиловской коалиции.

Неизменным приемом, сопровождающим милитарные сюжеты джихадистской пропаганды, является подчеркивание братских отношений в среде боевиков. Метафорическая модель семьи («все участники джамаата – братья») в некоторых случаях распространяется и на неодушевленные предметы. Так, во втором выпуске журнала «Исток» помещен рассказ о некоем боевике, оставившем свою семью и новорожденного сына ради участия в джихаде. В ходе боевых действий герою рассказа предстоит совершить самоподрыв, а подготовленная для операции машина именуется «невестой» боевика.

Кратко характеризуя журнал «Исток», отметим вполне традиционную для иных изданий ИГ подачу материала. Своеобразие «Истока» выражено лишь в некотором количестве материалов, освещающих путь группы кавказских сторонников ИГ на территорию «Халифата» и историю перехода группировки «Джейш аль-Мухаджирин аль-Ансар» в состав «Исламского государства». Вопреки ожиданию, журнал не уделяет внимания северокавказской повестке и «Вилайату Кавказ», а концентрируется на событиях ближнего фронта ИГ. В отличие от «стихийной» пропаганды, милитарные сюжеты «Истока» не задействуют знаковые культурные

¹⁹⁷ Исток 4, с. 19

символы постсоветского пространства – очевидно, русскоязычная пропаганда «Исламского государства» стремится действовать исключительно в рамках, установленных медиафондом «Furat». Строгое следование канону джихадистской пропаганды, безусловно, позволяет выдержать единую информационную политику и поддерживать на высоком уровне качество оформления материалов, но значительно сужает набор средств воздействия на аудиторию. Нахождение в ментальном пространстве аудитории, общее информационное и культурное окружение – вот те очевидные преимущества «стихийной» пропаганды, которые в значительной мере компенсируют отставание последней в качестве материалов и уровне религиозной компетенции.

Изучение милитарных образов стихийной джихадистской пропаганды представляет гораздо больший простор для анализа. Обозначим доступные нам каналы распространения: до недавнего времени (2019 г.) основной поток материалов поставляли каналы мессенджера Telegram, однако к настоящему времени известные нам джихадистские группы данного мессенджера в основном прекратили свое существование. Благоприятное поле для исследователя (и для сотрудников правоохранительных органов) представляет основная социальная сеть России – платформа «ВКонтакте». Группы явной джихадистской направленности встречаются гораздо реже, чем салафитские и ортодоксальные площадки, однако также способны предоставить материал для исследования.

Основное отличие стихийной пропаганды от аффилированных с ИГ источников заключается в практически полном отсутствии картин мирной жизни, аргументации легитимации Халифата наряду с подавляющим преобладанием милитарных сюжетов. Кроме того, стихийная пропаганда тяготеет к гораздо большей степени архаизации своих материалов. Прежде всего это проявляется в использовании архаичного комплекса вооружения: мечи, копья, луки и стрелы в количественном отношении составляют достойную конкуренцию современному комплексу вооружения.

Одним из излюбленных мотивов неорганизованной джихадистской пропаганды является изображение холодного оружия, в том числе и переосмысление образа Зульфикара – двулезвийного меча Пророка. Стилизованное изображение Зульфикара (либо двух скрещенных мечей) используется не только в качестве сопровождения пропагандистских материалов, но и выступает как знак одобрения того или иного материала со стороны аудитории, используется в качестве «водяного знака» (watermark) некоторыми Telegram-каналами джихадистской направленности.

Крайне популярным образом среди русскоязычных исламистов является фигура всадника. Как правило, используются архетипичные изображения, отсылающие к образу арабской конницы. Данный сюжет демонстрирует ментальный возврат к архаике, легендарным временам Арабских завоеваний и нарастающего могущества молодой исламской цивилизации. Не имея возможности похвастаться реальными успехами государственного строительства или сколь-нибудь успешного сопротивления с государственной машиной, русскоязычные исламисты осуществляют бегство в пространство воображения, активно эксплуатируя атрибуты ушедшего блеска раннего ислама.

В представлении «стихийной» пропаганды сторонник Халифата – не хорошо вооруженный и подготовленный боец организованной армии, а скорее волк (лев) – одиночка, противостоящий в разы лучше вооруженному противнику. Если аффилированные с ИГ пропагандистские издания стремятся создать образ армии триумфаторов, то для «неофициальной» пропаганды характерен совершенно иной образ джихадиста. В этом отношении показательным текстовое сопровождение к одному из визуальных материалов, иллюстрирующее общий пессимистичный тон стихийной пропаганды: «Мы из того поколения, которое даже не планирует дожить до старости!» – если пропаганда ИГ предчувствует грядущее решительное эсхатологичное сражение при Дабике, то в представлении «неофициальных» источников современное поколение джихадистов уже проиграло неравную

борьбу с «тагутским государством» и единственным устремлением оставшихся в живых является гибель в бою, гарантирующая попадание в Рай. Сомнения в неизбежности окончательной победы отсутствуют, но сам момент триумфа отодвинут в неизвестное будущее.

Милитарные сюжеты пропаганды переосмысливают категорию детства: будущее поколение представлено как продолжатель дела отцов: «Когда вырастут наши дети, вы поймете, что мы не такие уж и жестокие...», «как нам воспитать будущее поколение муджахидов, которое должно достойно прийти на замену своих отцов?», «Подождите немного, придет к вам подкрепление из львов в сияющих доспехах, батальон за батальоном» (последний текст сопровождает изображение взрослого боевика и двух детей).

Полагаем, что столь пессимистичный взгляд на современную борьбу джихадистов и государства обусловлен уже имеющимся опытом неудачного противостояния институту государства на Северном Кавказе. Если «Исламское государство» в течение какого-то времени имело возможность организации действительно государственных институтов, то радикальный исламизм на Северном Кавказе, будь то «национальный» проект «Имарата Кавказ», или же региональное отделение «Исламского государства» (Вилайят Кавказ) давно ограничен рамками подпольных ячеек без какого-либо шанса на полномасштабное институционально-организационное оформление.

Одной из наиболее интересных пропагандистских практик русскоязычных исламистов является заимствование знаковых символов «тагутского» мира и их переосмысление. Наиболее ярко эту тенденцию иллюстрирует обработанное широко известное изображение водружения флага на Иводзиме с наложенным на него текстом «Воистину, наше войско одержит победу! Коран 37:173». В качестве материалов для переосмысления также встречаются фотографии парада на Красной площади, Георгиевской ленточки, переделанной в стилистике символики Исламского государства.

Именно способность переосмысления чуждой символики отличает «неофициальное» измерение джихадистской пропаганды.

Джихадисты постсоветского (или русскоязычного) пространства умело используют знаковые, легко считываемые культурные символы. Использование в «стихийной» пропаганде широко известных образов способно компенсировать относительно низкое качество материалов. К уже упомянутому образу льва как воплощению воина Халифата русскоязычная пропаганда добавляет фигуру волка, подчас придавая ей неожиданное значение: «будь муджахидом, знай – ты санитар, очищаешь землю от куффар». В данном случае на традиционный для русскоязычной джихадистской пропаганды образ волка накладывается хорошо знакомый жителям СНГ символ «санитара леса», выполняющего санирующие функции.

Проведенный отечественными исследователями анализ медиастратегии «Исламского государства» обращает особое внимание на идеи французского философа и социолога Ж. Эллюля¹⁹⁸. Авторы подчеркивают необходимость постоянного воздействия пропаганды на индивида, в ходе которого количественное измерение приобретает не меньшую важность, чем качество пропагандистских материалов. Массированная «стихийная» пропаганда русскоязычных джихадистов, значительно уступая в качестве проработки и выборке сюжетов «официальным» изданиям ИГ, формирует первоначальный контекст и способствует погружению индивида в воображаемое пространство Халифата.

Концепция пропаганды Ж. Эллюля подразумевает наличие т.н. «пре-пропаганды» – среды, усиливающей непосредственно пропагандистское воздействие, формирующей пропагандистские образы и нарративы. Полагаем, что «стихийная» пропаганда исламистов, не обладая отточенными приемами аффилированных с ИГ изданий, тем не менее, способна добиться большего эффекта «погружения» аудитории в воображаемое пространство

¹⁹⁸ Васильева А., Исаев Л., Коротаев А., Шишкина А. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности. Азия и Африка сегодня. 2018, № 2. С 3-10

непрекращающегося джихада за счет своей гибкости, умения творческого переосмысления заимствованных образов и культурной близости аудитории. Безусловно не обладая авторитетом «официальных» масс-медиа джихадистов, неорганизованная и зачастую малограмотная пропаганда сторонников ИГ является значительным вкладом в формирование информационного поля джихадизма. Отсутствие сложных для восприятия догматических религиозных материалов в определенном смысле является преимуществом «стихийной» пропаганды. Труднодоступность и высокие требования к уровню религиозных знаний читателя, которые характерны для аффилированных с «Исламским государством» изданий, делают пропаганду сторонников ИГ своеобразным «подготовительным этапом» перед знакомством с насыщенной религиозной догматикой «официальными» текстами. Трансляция легких для восприятия сюжетов, высокая доступность пропагандистских материалов в интернет-пространстве делают материалы неорганизованной пропаганды во многом более опасными по сравнению с продукцией медиафондов самого «Исламского государства».

На пике своего развития исламисты контролировали до трети территории Ирака и практически вышли к границе Сирии и Ливана, что повлекло бы за собой расширение географии конфликта, и, вполне возможно, коллапс еще одной страны региона¹⁹⁹. Однако недолгий период расцвета «Халифата» закончился со вступлением ВКС России в боевые действия в Сирии. Уже к 2017 г. ИГ было изолировано от границ, прилегающих к конфликту стран (прежде всего, Турции и Иордании), и фактически заперто в сирийско-иракском ареале²⁰⁰. С периодом военных поражений связано и изменение тональности пропаганды группировки: военные поражения подавались как посланные Аллахом испытания, а в мае 2016 г. спикер ИГ Абу Мухаммад аль-Аднани даже допустил мысль о потере Мосула, Сирта и

¹⁹⁹ Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное господство. Свободная мысль. 2019. № 1. С. 169-180

²⁰⁰ Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 370 с.

Ракки (столицы ИГ), подчеркивая примат идеи, а не контролируемых территорий, для выживания «Исламского государства».

Состояние русскоязычной пропаганды «Исламского государства» на момент верхней границы нашего исследования достаточно ярко выражено журналом «Hidayat», два номера которого вышли летом 2020 г. Очевиден упадок медийных возможностей группировки по сравнению с предшествовавшим периодом бурной экспансии: несмотря на позиционирование в качестве официального информационного органа, журнал производит впечатление кустарной поделки, а не периодического издания медийного аппарата «Исламского государства». Так, подавляющий объем второго номера состоит из критики соперников ИГ, Талибана и Джабхат ан-Нусры, полностью отсутствуют эксклюзивные материалы непосредственно из района действий ИГ. Деграция русскоязычного «официального» измерения джихадистской пропаганды выводит на первый план пропагандистскую неорганизованных сторонников группировки.

Большинство терактов конца 2010-х гг., связанных с «Исламским государством», были совершены террористами-одиночками, а не организованными группами джихадистов-участников сирийского «джихада»²⁰¹. Высказываются предположения, что с 2016 г. в условиях жестокого военного кризиса произошло изменение характера террористических актов: на смену организованным операциям пришли действия террористов-одиночек, которые зачастую не имеют прямого канала связи с «Исламским государством»²⁰². Полагаем, что в условиях деграции русскоязычной «официальной» пропаганды ИГ и прекращения существования «Халифата» на территории Сирии значительно возросла роль

²⁰¹ Степанова, Е. Терроризм в асимметричном конфликте. М.: Новая книга, 2010. С. 159.

²⁰² Caliphate Soldiers and Lone Actors: What to Make of IS Claims for Attacks in the West 2016-2018 [Электронный ресурс] // European Counter-Terrorism Centre (ECTC) at Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/caliphate-soldiers-and-lone-actors-what-to-make-of-claims-for-attacks-in-west-2016-2018> (дата обращения: 20.07.2021)

«информационного предполя», которую выполняли неорганизованные, но крайне многочисленные интернет-объединения джихадистов.

В то время как материалы стихийной пропаганды органично заняли нишу экспрессивного, основанного на эмоциях, стиля подачи материала, довольно сложно организованная аргументация блага установления Халифата, исходящая от «официальных» изданий ИГ оперировала разнообразными этическими, юридическими и историческими концептами. Практики легитимации, присущие «Исламскому государству» периода его наивысшего расцвета, органично соединили в себе позиционирование Халифата как современного государства одновременно с использованием исторических сюжетов раннего ислама. Особо отметим выделенный нами образ процветающей империи прошлого (Аббасидского халифата) и идеи преемственности этому погибшему государству.

Проанализированные в данном разделе работы практики легитимации имеют прямое отношение к временным представлениям сторонников радикальных организаций. Вплетение в легитимистский нарратив сюжетов из ранней истории ислама (экскурс в историю Фитны и последнего праведного халифа, упоминания о процветающем едином государстве мусульман) сочетается с футурологическим компонентом - убежденностью в истинности «пророческой методологии», которая легла в основу строительства Халифата.

Полагаем, что именно многокомпонентная легитимация «Исламского государства» являлась залогом популярности данной организации и ее становления в качестве доминирующего «бренда» среди иных джихадистских проектов.

Заключение

В ходе исследования нами был проведен анализ структуры исторического нарратива, его составных частей. Обозначены отличительные черты «экспансионистского» направления радикального исламизма и специфика пропаганды региональных радикальных исламистских движений.

Выявлена особая роль травматичных событий и метафоры в пропагандистских тестах исследуемых организаций. Наиболее важным травматическим событием, эксплуатируемым пропагандой МТО «Исламское государство», нам представляется вхождение Ближнего Востока в сферу влияния великих держав в начале XX в. Наиболее болезненным моментом травматического события пропаганда «Исламского государства» представляет соглашение Сайкс-Пико 1915 г. Травматическое значение придано и сюжету о многовековом заговоре против исламской уммы: пропагандисты джихадистов стремятся выстроить образ гонимого на протяжении столетий мусульманского большинства. Для пропаганды радикального исламизма на Северном Кавказе в ряду травматических событий следует упомянуть депортацию чеченцев и ингушей 1944 г., Кавказскую войну 1817-1864 гг. На основе данных травматических событий пропагандой северокавказского исламизма выстраивается нарратив о многовековой освободительной войне против российского империализма. Полагаем, что появление идеи неравного противоборства с империей в значительной степени объясняется историческим периодом начала реализации сепаратистского проекта – распадом единого советского пространства, появлением ряда независимых национальных государств. Несмотря на то, что способность к оперированию историческими событиями мировой истории не фиксируется нами к моменту 2020 г., исламистская пропаганда на Северном Кавказе все же сохранила данный тезис противостояния и разрушения империи. В том числе в эксплуатации данного тезиса состоит одно из ключевых различий и причина разногласия между экспансионистским проектом «Исламского государства» и региональным

проектом «Имарата Кавказ». Пропаганда первой организации в период наибольших военных успехов ИГ активно выстраивала образ восстановленной общемусульманской империи, объединяющей в своих границах (насколько у нее могут быть границы) всех мусульман мира. Данная концепция вступила в очевидное противоречие с пусть и декларирующем свою приверженность глобальному джихаду, но все же в своей основе локально-национальным «Имаратом Кавказ», чем и объясняется отход от последней организации «Вилайята Кавказ» в июне 2015 г. Отказ от довольно богатого набора концепций, характерных для исламистской и джихадистской риторики периода военного конфликта на Северном Кавказе был сделан в результате позиционирования руководством «Имарата» своей организации как части глобального джихада мусульман. Тем не менее, национальный фундамент и региональный характер джихадистской организации проявился в опоре пропаганды на национальную коллективную травму прошлого и ее эксплуатацию.

Важным компонентом пропаганды радикального исламизма является метафорическая составляющая. Так, в пропаганде «Исламского государства» умело эксплуатируются метафорические конструкции для создания образа сильного государства, обладающего мощными вооруженными силами. Русскоязычные пропагандистские издания ИГ активно задействуют легко считываемые на постсоветском пространстве культурные символы. Богатство смыслов, способность использовать сложные метафорические конструкции характерна и для пропаганды северокавказского исламизма в период вооруженного противостояния в Чечне. В отличие от предшествующего этапа северокавказского исламизма (период ЧРИ), современная исламистская пропаганда «Имарата Кавказ» не обнаруживает похожих способностей. Особо отметим то обстоятельство, что метафоры современного джихадизма во многом строятся на эксплуатации архаических образов, отсылают аудиторию ко временам становления ислама. При этом метафорические модели (особенно из военной сферы) значительно разнятся в зависимости

от источника эксплуатации – так, источники русскоязычной джихадистской пропаганды тяготеют к более архаическим моделям, в целом сохраняя более пессимистический настрой, в то время как эксплуатируемые пропагандистским аппаратом «Исламского государства» метафорические модели наоборот направлены на создание образа победоносной военной машины и выстраивания картины современного «праведного» государства мусульман. «Официальное» измерение пропаганды радикального исламизма стремится к утверждению триумфальной картины полноценного государства, соединяющего архаические основания легитимации и устремления к глобальному господству.

Как для регионального, так и глобального вариантов религиозного радикализма исторические нарративные конструкции являются важнейшей частью пропаганды. Важным элементом пропаганды «Исламского государства», особенно на раннем периоде активной экспансии являлась опора на исторический нарратив о прошедшем расцвете исламской цивилизации, ее упадке в результате глобального заговора врагов ислама и грядущем возрождении. Пространственная разбросанность сторонников исламизма, различные социокультурные установки и чуждость арабской истории для значительной части аудитории вынудили джихадистскую пропаганду глобального, экспансионистского направления эксплуатировать дискретный, фрагментарный нарратив, включающий в себя самое общее описание важнейших событий исламской истории. Значимое место в общем повествовании занял сюжет глобального многовекового заговора, который характерен не только для «официальной» пропаганды Исламского государства, но и для мистических представителей исламизма, таких как движение таблигов.

Многовековыми происками врагов ислама акторы пропаганды объясняли длительный период колониального подчинения Западу, социально-экономических неудач независимых арабских правительств, а также современное состояние арабских государств. Отметим, что сюжет заговора

представляется универсальным для исламистского дискурса, присутствуя и в пропаганде северокавказского джихадизма. Зачастую целями пропагандистских материалов становятся сами мусульмане: так, пропаганда «Имарата Кавказ» и «Исламского государства» исследуемого периода зачастую содержит обвинения абстрактных мусульманских авторитетов в стремлении погасить огонь джихада, снизить накал противостояния с институтом светского государства.

Одной из наиболее важных задач в ходе исследования дискурса радикального исламизма является анализ временной картины сторонников радикальных религиозных организаций. Выявленная нами темпоральная схема, предлагаемая медиааппаратом «Исламского государства», в период стадии активного государственного строительства включала в качестве наиболее значимых временных маркеров эпоху Праведного халифата (идеализированный «золотой век»), времена фитны (распада единой мусульманской империи и начала длительного упадка) и соглашение Сайкс-Пико как символ порабощения исламского мира Западом. Пропаганда «Исламского государства» в период 2015-2020 гг., фокусируясь на провозглашении Халифата в 2014 г., обозначала последнее событие как рубежное для исламской уммы, возвращение ко временам героических предков и расцвету единого исламского государства. В то же время длительное существование халифата в виде Османской империи практически игнорировалось пропагандистским аппаратом джихадистов – этот значимый временной промежуток исламской истории выпадает из фокуса внимания пропаганды.

Для пропагандистских ресурсов северокавказского исламизма исследуемого периода такими точками сборки идентичности стали события покорения Кавказа в XIX веке, а также обладающая особым травматическим характером депортация чеченцев и ингушей в феврале 1944 г. В основу исторического нарратива «Имарата Кавказ» легли события времен активных боевых действий в Чечне. Особое внимание стоит обратить на тот факт, что

события периода, непосредственно предшествующего началу боевых действий (занимающие немаловажное место в тексте Зелимхана Яндарбиева), отсутствуют в историческом нарративе «Имарата Кавказ». Полагаем, что это следствие разрыва данной группировки с предшествующим периодом строительства национального государства, который окончательно оформился провозглашением «Имарата» в 2007 г.

Помимо анализа временного компонента, достаточно большое внимание в данной работе было уделено характеристикам пространственного измерения в пропаганде радикального исламизма в рассматриваемый период. По естественным причинам в период активной территориальной экспансии «Исламского государства» концепт мухаджирства (переселения) занял крайне важное место в джихадистской пропаганде. Идея совершения хиджры проявлялась как на уровне пропаганды физического перемещения на подконтрольные боевикам территории, так и совершения одновременно реальных и духовных странствий (частным примером последней идеи является практика сафара, присущая последователям Таблиги Джамаат). До определенного момента совершение хиджры представлялось пропагандистскими материалами как высший личный долг (фард аль-айн) каждого мусульманина. Однако по мере сокращения подконтрольных «Исламскому государству» территорий идея перемещения в регион боевых действий (Левант) уступила место призыву к совершению индивидуального джихада в родных регионах сторонников исламистов.

Сами территории «Халифата» представлялись авторам пропаганды как находящиеся в четкой оппозиции территориям джахилии (невежества) по ряду параметров. В первую очередь, пространство джахилии в пропагандистских материалах характеризуется отсутствием социальной справедливости в ее исламистском понимании и нравственными контрастами между «землей невежества» и «дар аль-ислам». Необходимо отметить отсутствие категории джахилии в пропаганде северокавказского джихадизма, а также в риторике членов «Таблиги Джамаат». Полагаем, что

данный факт объясняется локальным характером «Имарата Кавказ», не сумевшего выйти на стратегический простор и во многом редуцировавшегося до виртуального регионального подпольного движения. В описываемый в работе период для пропаганды северокавказского исламизма был более характерен концепт цивилизационного противостояния, суть которого состоит в многовековом противоборстве «имперской» России и кавказских народов. Стоит также отметить, что если светский проект дудаевской «Ичкерии» (а также концепция Х.-А. Нухаева) на определенном этапе своей реализации теоретически подразумевал общность интересов с населением России в борьбе против «империализма», то пропаганда современного «Имарата Кавказ» окончательно перешла на позиции явной русофобии.

Члены «Таблиги Джамаат», хотя и действуют фактически в пространстве джахилийи, не используют данный термин в повседневном общении. Противопоставление пространства сафара и повседневной жизни скорее соответствует дихотомии «священное-мирское», а не паре «джахилийя» – «дар аль ислам». Кроме того, к моменту 2020 г. специфика движения проявлялась в отсутствии стремления к массовой политической мобилизации своих сторонников и полноценной территориальной экспансии: вместо массовой пропаганды объединения всех мусульман под единым знаменем, российские ячейки таблигов предпочитали вести агитационно-разъяснительную работу (а в некоторых случаях и прозелетистскую), выстраивая устойчивые и относительно небольшие локальные сообщества.

В ходе анализа временных и пространственных представлений радикального исламизма следует особо выделить географические точки сборки идентичности. Конструируемая в период 2014-2020 гг. пропагандой «Исламского государства» категория пространства оказывается насыщена историческими элементами. В качестве локаций, наиболее важных для пропаганды «Исламского государства», стоит отметить две сакральные точки – города Дабик и Рим. Создание единой темпорально-географической

картины обеспечило особое восприятие данных компонентов как связующего звена между прошлым (Рим как символ христианского социума, противника ислама) и будущим (город Дабик как ключевой компонент апокалиптического пророчества о решающей битве между войском «римлян» и мусульман).

Нами обозначена сакральная географическая составляющая и для северокавказского исламизма. Своеобразным «местом памяти» северокавказского исламистского дискурса стал город Грозный, концентрирующий вокруг себя память о событиях Первой чеченской войны и предшествующих событиях обретения фактической независимости. Акцентирование внимания ресурсами «Имарата Кавказ» на событиях именно Первой чеченской войны вполне объяснимо – период после 1996 г. отмечен постепенной деградацией сепаратистско-исламистского проекта на Северном Кавказе, а относительный успех боевиков в ходе боев за столицу Чечни представляет собой удобный сюжет мифотворчества (итоговое вытеснение боевиков «Ичкерии» из города в ходе боев 1994-1995 г., как правило, игнорируется джихадистской пропагандой).

Общая ситуация, в которой находятся два варианта (экспансионистский и региональный) радикального исламизма и дискурса данных вариантов к моменту верхней границы исследования, обозначенная в данном исследовании, выглядит следующим образом. К моменту 2020 г. нацеленный на экспансию проект «Исламского государства» потерпел поражение в качестве квазигосударственной структуры, не выдержав военного противостояния с рядом региональных государств, силами антиигиловской коалиции и иными джихадистскими группировками. Немаловажную роль в поражении «Халифата» сыграли активные действия России и Исламской республики Иран. Однако, с потерей последних контролируемых территорий на восточном берегу Евфрата (н.п. Багуз-Фукани), «Исламское государство» не прекратило свое существование, а лишь перешло в новый формат подпольной группировки. Кризисный период отражен в материалах

исследованного нами журнала «Hidayat»: несмотря на то, что данное издание позиционировало себя как официальный информационно-аналитический орган «Исламского государства», к этому моменту нами зафиксировано резкое падение качества русскоязычной пропаганды, уровня технического оформления материалов и общее упрощение идейной составляющей джихадистской пропаганды.

Региональный вариант радикального исламизма, представленный в нашей работе группировкой «Имарат Кавказ», с момента провозглашения группировки существовал в формате подпольной организации. Проникновение на территорию России идей «Исламского государства» обернулось очередным кризисом в истории группировки: в 2015 г. под знамя более успешного и активного исламистского проекта ИГ стала значимая часть полевых командиров «Имарата». Весной того же года была уничтожена большая часть оставшихся лидеров группировки, однако информационная активность организации продолжилась. Считаем допустимым утверждать о деятельности данной группировки исключительно в формате информационно-пропагандистской работы. Впрочем, и данная форма существования организации до сих пор представляет угрозу безопасности Российской Федерации, проводя в жизнь политику «индивидуального джихада». Противодействие данной угрозе возможно не столько инструментами силового воздействия, сколько тщательным изучением дискурса радикального исламизма и выработки соответствующих инструментов информационного противоборства.

Список источников и литературы

1. Законодательные и нормативные акты

1. Конституция Чеченской республики Ичкерия (с изменениями, дополнениями, внесенными Законом от 11 ноября 1996 г., Законом от 3 февраля 1997 г.). – [Электронный ресурс]. URL: <https://chechenlaw.ru/?p=94> (дата доступа: 30.03.2022)
2. Сборник указов и распоряжений президента Чеченской республики с 1 ноября 1991 г. по 26 мая 1993 г. Грозный, 1993.
3. Тернистый путь к свободе. Правительственные документы Чеченской Республики, статьи, интервью. Вильнюс, 1993.

2. Пропагандистские и методические материалы исламистских организаций

2.1. Материалы «Таблиги Джамаат»

4. Advice to those who participate in dawah along with the Tableeghi Jamaat in Dawat. – [Электронный ресурс] URL: <https://ia802600.us.archive.org/18/items/AdviceToThoseWhoParticipateInDawahAlongWithTheTableeghiJamaatFor/AdviceForThoseWho.pdf> (дата обращения: 22.01.2023)

2.2. Материалы МТО «Исламское государство»

5. Исток 1, Раджаб 1436 (Апрель 2015). – 24 с.
6. Исток 2, Шавваль 1436 (Июль 2015). – 44 с.
7. Исток 3, Сафар 1437 (Ноябрь 2015). – 70 с.
8. Исток 4, Раджаб 1437 (Апрель 2016). – 44 с.
9. Дабик 1, Рамадан 1435 (Июнь 2015). – 26 с.
10. Дабик 3, Шавваль 1435 (Июль-август 2014). – 42 с
11. Дабик 4, Зуль-Хиджа 1435 (Сентябрь - октябрь 2014). – 56 с.
12. Дабик 5, Мухаррам 1436 (Октябрь 2014). – 40 с.
13. Дабик 8, Джумада аль-Ахира 1436 (Февраль-апрель 2015). – 68 с.
14. Дабик 9, Шабан 1436 (Май-июнь 2015). – 79 с.

15. Дабик 10, Рамадан 1436 (Июнь-Июль 2015). – 79 с.
16. Дабик 11, Зу-ль-када 1436 (Август-сентябрь 2015). – 66 с.
17. Дабик 12, Сафар 1437 (Ноябрь 2015). – 66 с.
18. Дабик 13, Раби-ль-Ахир 1437 (Январь-февраль 2016). – 56 с.
19. Дабик 14, Раджаб 1437 (Апрель-май 2016). – 68 с.
20. Румийя 1, Зу-ль-хиджа 1437 (Сентябрь 2016). – 38 с.
21. Румийя 9, Шабан 1438 (Апрель-май 2017). – 58 с.
22. Румийя 10, Рамадан 1438 (Май-Июнь 2017). – 46 с.
23. Румийя 12, Зу-ль-када 1438 (Июль - август 2017). – 46 с.
24. Румийя 13, Зу-ль-хиджа 1438 (Август-сентябрь). – 44 с.
25. Хидайя 1, Рамадан 1441 (Апрель-май 2020). – 19 с.
26. Хидайя 2, Июнь 2020. – 22 с.
27. Furat.Press 1, Раджаб 1436 (апрель-май 2015). – 13 с.

2.3. Материалы «Имарат Кавказ»

28. 14 лет со дня образования Имарата Кавказ. О некоторых аспектах провозглашения ИК: Факты и домыслы // Кавказ.Центр. – [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkazcenter.com/russ/content/2021/10/11/120226/14-let-so-dnya-obrazovaniya-imarata-kavkaz--o-nekotorykh-aspektakh-provozglasheniya-ik-fakty-i-domysly-.shtml> (дата обращения: 05.11.2022)
29. 25 Рамадан: День провозглашения Имарата Кавказ // Кавказ.Центр. – [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkazcenter.com/russ/content/2022/04/25/120659/25-ramadan-den-provozglasheniya-imarata-kavkaz.shtml> (дата обращения: 25.09.2022)
30. Ахмед Умаров: «В Имарате Кавказ идет процесс реорганизации» // Чечен.Инфо. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.checheninfo.com/2017/10/20/419/> (дата обращения: 25.09.2021)
31. Знай свою историю. От Ичкерии к Имарату Кавказ // Кавказ.Центр. – [Электронный ресурс]. URL:

<https://kavkazcenter.com/russ/content/2019/09/07/118415/znaj-svoyu-istoriyu--ot-ichkerii-k-imaratu-kavkaz.shtml> (дата обращения: 25.09.2021)

32. Имарат – фундамент общекавказского дома // Чечен.Инфо. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.checheninfo.com/2020/10/05/имарат-фундамент-общекавказского-д/> (дата обращения: 09.10.2021)

33. Имарат Кавказ – не спонтанное решение, а неизбежное возвращение к основам // Кавказ.Центр. – [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkazcenter.com/russ/content/2020/05/17/118971/имарат-kavkaz---ne-spontannoe-reshenie-a-neizbezhnoe-vozvrashchenie-k-osnovam.shtml> (дата обращения: 17.04.2022)

34. Официальный релиз заявления Амира Докки Умарова о провозглашении Кавказского Эмирата // Чечен.Инфо. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.checheninfo.com/2020/05/06/337/> (дата обращения: 15.04.2022)

35. Провозглашение Имарата Кавказ: Отречение от Тагута // Кавказ.Центр. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2020/10/07/119352/znaj-svoyu-istoriyu--provoglashenie-imarata-kavkaz-otrenchenie-ot-taguta--.shtml> (дата обращения: 15.04.2022)

36. Разъяснения по поводу провозглашения Имарата Кавказ // Чечен.Инфо. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.checheninfo.com/2021/04/26/разъяснения-по-поводу-провозглашени/> (дата обращения: 25.05.2022)

37. Шамиль спросил меня: «Когда ты станешь Амиром, ты объявишь Имарат?» // Кавказ.Центр. – [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkazcenter.com/russ/content/2011/08/30/84755.shtml> (дата обращения: 05.05.2022)

3. Стихотворные материалы северокавказского исламизма

38. Х. Бетелгериев, Кровавая Русь. [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/хусейн-бетельгиреев-кровавая-русь> (дата обращения: 02.05.2022).
39. И. Алимсултанов, Клинки звенели и свистели пули. [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/имам-алимсултанов-клинки-звенели-и-свистели-пули> (дата обращения: 02.05.2022).
40. И. Алимсултанов. Черные дни. [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/имам-алимсултанов-чрные-дни> (дата обращения: 02.05.2022).
41. Т. Муцураев, Святые воины Чечни. [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/тимур-муцураев-святые-воины-чечни> (дата обращения: 02.05.2022).
42. Т. Муцураев, Кавказский Карфаген. [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/тимур-муцураев-кавказский-карфаген> (дата обращения: 02.05.2022).
43. Т. Муцураев. О Русь, забудь былую славу. [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/муцураев-о-русь-забуть-былую-славу> (дата обращения: 02.05.2022).

4. Политические тексты акторов северокавказского сепаратизма

44. З. Яндарбиев. Чечения - битва за свободу. – Львов, 1996. – 354 с.
45. Х.-А. Нухаев. Ведено или Вашингтон 18.04.2001 [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/net/2001-04-18/0_euroasia.html (дата обращения: 27.11.2022)
46. Х.-А. Нухаев. Давид и Голиаф, или Российско-чеченская война глазами "варвара"». – URL: http://scenario.ng.ru/expertize/2000-12-10/4_goliaf.html (дата обращения: 27.11.2022)

5. Эпистолярные источники джихадистского происхождения

47. Atiyah's Letter to Zarqawi// Combating Terrorism Center at Wes Point. – URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/atiyahs-letter-to-zarqawi-original-language-2/>

48. Zawahiri's Letter to Zarqawi // Combating Terrorism Center at Wes Point. – URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/>

6. Литература религиозного характера

49. Анвар аль-Авлаки. Аллах готовит Умму для победы. URL: <https://freecaucasus.wordpress.com/2010/07/03/ шейх-анвар-аль-авлаки-аллах-готовит-у/>

50. Коран, Бакара, 194

51. Коран, Бакара, 30

52. Коран, Сад, 26

53. Коран: Аль-Араф, 187; Ан-Назиат, 35

54. Сахих Муслим // Сборник достоверных хадисов имама Муслима, 2889

7. Монографии и учебные пособия

55. Anthony D. Smith. Myths and memories of the nation. – N.Y.: Oxford university press, 1999

56. Arnold T.W. The Caliphate. Oxford, Clarendon Press, 1924. – 234 p.

57. Ibrahim S.E. The Changing Face of Egypt's Islamic Activism. Egypt, Islam and Democracy. – Kairo: The AUS Press, 1996.

58. Kemal Karpat. The Politicization of Islam. Oxford University Press, 2001. – 533 p.

59. Lambton A.K. State and Government in Medieval Islam. Oxford, 1985. – 364 p.

60. Nallino C.A. Notes of the «Caliphate» in General and on the Alleged «Ottoman Caliphate». – Rome, 1919. – 41 p.

61. Rosental E. Islam in Modern National State. // Religious Studies , Volume 3 , Issue 1 , October 1967 , pp. 423-426

62. Sachs J. Winning the story wars: Why those who tell (and live) the best stories will rule the future. Boston: Harvard Business Press, 2012. – 276 p.
63. The Political Geography of Religious Radicalism. – URL: https://bibliographie.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/49985/pdf/20131118_publication_radical.pdf?sequence=1&isAllowed=y
64. ИГИЛ и контрреволюция: рождение «Исламского государства» // Кемаль А., сост. ИГИЛ: Зловещая тень халифата. М.: Алгоритм. – 224 с.
65. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 328 с.
66. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. – Москва: Яз. слав. культуры, 2004. – 363 с.
67. Асташкин Н.С. По волчьему следу. Хроники чеченских войн. – М.: Вече, 2005. – 416 с.
68. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
69. Большаков О.Г. История Халифата. Т.1. Ислам в Аравии. 570 - 633. – М., 1989. – 310 с. – Второе издание. М., 2000
70. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX в.). М.: Новый хронограф, 2004. – 408 с.
71. Воскобойников О.С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 568 с.
72. Восток: идеи и идеологи Москва. – М.: Наука, 1982 г. -
73. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. – 464 с.

74. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение: теоретические проблемы: учебник. – М.: Проспект, 2016. – 248 с.
75. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т «Открытое общество», 2004 . – 707 с.
76. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под редакцией Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – 800 с.
77. Добаев И.П. Исламские радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2003 (ЗАО Книга). – 414 с.
78. Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). ФГБУН Институт востоковедения РАН. – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 208 с.
79. Исламские партии и движения в политическом процессе стран Востока: учебное пособие / Д.Г.Бдоян, Б.В. Долгов, Ю.Н.Зинин [и др.]. Под ред. Л.М.Ефимовой, М.А.Сапроновой. – Москва: МГИМО, 2020. – 247 с.
80. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – 768 с.
81. Игнатенко А.А. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. – 420 с.
82. Именем Аллаха: политизация ислама и исламизация политики / Л. И. Медведко, А. В. Германович. - М. : Политиздат, 1988. – 254 с.;
83. Ислам и исламизм : Сб. ст. / Рос. ин-т стратег. исслед. ; под общ. ред.: Е. М. Кожокина, В. И. Максименко. – М., 1999. – 238 с.
84. Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока: (Идейн. аспект) / З. И. Левин; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1988. – 221 с.
85. Историческая память: введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.

86. Кавказ в политике Российской империи и русском общественном мнении. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2019. –115 с.
87. Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Жиль Кепель; пер. с фр. В.Ф. Денисова. – М.: Ладомир, 2004. – 468с.
88. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане / Энвер Кисриев. – М.: Логос, 2007. – 126 с.
89. Лакофф Джордж, Джонсон Марк Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
90. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги, Ин-т Ближнего Востока, 2005 г. – 286 с.
91. Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
92. Малашенко А. Исламское возрождение в современной России / М.: Московский центр Карнеги, 1998. – 222 с.
93. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / М.: Московский центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002. – 267 с.
94. Малашенко А.В. Ислам: век XXI. – М.: Институт Ближнего Востока, 2019. – 230 с.
95. Малашенко А.В., Тренин Д.А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М.: Гендальф, 2002. – 267 с.
96. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
97. Матвеев И.А. Сирия в огне. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 252
98. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / колл. авторов. – М.: АО «Первая образцовая типография», 2017. – 608 с.

99. Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты / Георгий Мирский. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. – 163 с.
100. Общественная мысль на Востоке: Постколониальный период, Восточная литература, РАН, 1999 г. – 196 с.
101. Почепцов Г.Г. Психологические войны. – М.: Рефл-бук, 2002. – 528 с.
102. Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А. Л. Рябикина, Г. В. Лукьянова. – М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 144 с.
103. Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте, – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003 г. – 274 с.
104. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования, ИВ РАН: Крафт+ 2005 г. – 240 с.
105. Рогозинский Ж. Джихадизм: назад к жертвоприношениям. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 184 с.
106. Роже Кайуа. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2003. – 296 с.
107. Сикоев Р.Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамаллудин Афгани и его религиозно-политические последователи XX – начала XXI в.. М.: Аспект Пресс, 2010. – 287 с.
108. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л. П. Репиной — М.: Аквилон, 2017. – 400 с.
109. Степанова, Е. Терроризм в асимметричном конфликте. – М.: Новая книга, 2010. – 288 с.
110. Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Россия и мусульманский мир. 2017. №9 (303). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-kontseptsiya-halifata-ishodnye-nachala-i-sovremennaya-interpretatsiya> (дата обращения: 18.07.2021). С. 90
111. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – 533 с.

112. Тоденхедер Ю. Десять дней в ИГИЛ. – М.: Эксмо, 2017. – 320 с.
113. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов – 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 256 с.
114. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.
115. Элиаде М. Священное и мирское. Священное и мирское. — М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с
116. Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения / Р.Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский. – М.: Наука, 2010. – 300 с.
117. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

8. Публикации в сборниках статей, журналах и периодических изданиях

118. «Хайят Тахрир аш-Шам»: как бывшая «Джебхат ан-Нусра» движется к легализации. 10.12.2020. – [Электронный ресурс]. РИА ФАН. URL: <https://riafan.ru/1350518-khaiyat-takhrir-ash-sham-kak-byvshaya-dzhebkhath-an-nusra-dvizhetsya-k-legalizacii> (дата обращения: 02.01.2021)
119. Ahmed M. Islamic fundamentalism in South Asia: The Jamaat-i-Islami and the Tablighi Jamaat of South Asia // Fundamentalisms Observed / ed by M.E. Marty & R.S. Appleby; Chicago, IL: Chicago University Press, 1991. – P. 510-524.
120. Fradkin H. The History and unwritten future of Salafism. Current Trends in Islamist Ideology. 2008. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.hudson.org/research/9865-the-history-and-unwritten-future-of-salafism> (дата обращения: 05.04.2021)
121. ISIS's Financial and Military Capabilities. (2014) // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center, November. – [Электронный

ресурс]. URL: [http:// www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf](http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf) (дата обращения: 12.07.2021)

122. Islamic State Health Service: Video shows murderous terror group's medical services – including NHS-style logo – [Электронный ресурс]. URL: [Islamic State Health Service: Video shows murderous terror group's medical services – including NHS-style logo – World News – Mirror Online](#) (дата обращения: 12.07.2021)

123. Islamist movements and the Democratic Process in the Arab World: Exploring the Gray Zones // Carnegie papers. Middle East Series. Number 67, March 2006

124. Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God. University of California press, 2000. – 319 p.

125. Olivier Roy. Political Islam after Arab Spring. Foreign Affairs. November/December 2017. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2017-10-16/politicalislam-after-arab-spring> (дата обращения: 05.04.2021)

126. Petraeus explains how jihadists could be peeled away to fight ISIS — and Assad // CNN Politics. – [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2015/09/01/politics/david-petraeus-al-qaeda-isis-nusra/> (дата обращения: 02.01.2021)

127. Shadi Hamid, Rashid Dar. Islamism, Salafism, and jihadism: A primer. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/07/15/islamism-salafism-and-jihadism-a-primer/> (02.01.2021)

128. Shah-Kazemi Reza. Crisis in Chechnya. Islamic World Report. Vol. 1, №1, London, 1995, p. 43.

129. Terrorist attacks in Tunisia, Kuwait and France stun three continents. – The Guardian, 26 Jun 2015. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/26/terror-attacks-tunisia-kuwait-and-france-islamic-state> (дата обращения: 20.05.2020)

130. Абидулин А.А., Аюпова Н.И. Анализа факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абудл-Хаида II // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. №4, 2016. – С. 18-32.
131. Абидулин А.А., Аюпова Н.И. Роль традиционных восточных ценностей в процессе легитимации султанской власти в Османской империи на рубеже XIX-XX вв. // Ислам в современном мире. – № 3, 2015. С. 95-106.
132. Александер Джеффри, Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал, 2012. – №3. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-identichnost>. (дата обращения: 26.04.2022)
133. Ананьев А.Г., Рыжов И.В. Албанский фактор в контексте исламизации Балкан на рубеже XX-XXI вв. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 16-47.
134. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти// История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. – М.: Кругъ, 2006. – С. 57-55
135. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод / Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7-53
136. Баранов А. В. Влияние исторической памяти на формирование внешней политики Исламской Республики Иран. // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – Вып. 1. – 280 с. С.51-64;
137. Баранов А.В. Иран и египетская революция 2011 года: восприятия и трактовка // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. – Вып. 12. С. 104-133.
138. Баранов А.В. Историко-культурный контекст «Ашур» и «политика памяти» в современном Иране // Историческая память и культурные символы

- национальной идентичности: Матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С. 164-167.
139. Баранов А.В. Мнемонизация исторической памяти в государственной символике Ирана // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2020. Вып. 21. С. 63-81.
140. Баранов А.В. Отражение событий 2011 года на страницах «Аш-Шарк Аль-Аусат» // История и историческая память: межвуз. сб. научных трудов / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2019. Вып. 18. С. 79–93;
141. Беккин Р.И. Исламская экономика в «исламском государстве»? // Вестник МГИМО – 2017. – № 6 (57). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-ekonomika-v-islamskom-gosudarstve> (дата обращения: 16.07.2021).
142. Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Аверьянова Д.А. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке // Мировая политика. – 2020. – № 4. – С. 18–31. – [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34673 (дата обращения: 02.03.2021)
143. Васильев А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – 2012. – С. 215-248.
144. Васильева А., Исаев Л., Коротаев А., Шишкина А. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // Азия и Африка сегодня. – 2018, № 2. – С. 3-10
145. Гараев Д. Идеология русскоязычного джихадизма до ИГИЛ: рецепция советского как рождение постсоветского радикализма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017, №3 (35). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-russkoyazychnogo-dzhihadizma-do-igil-retsepsiya-sovetskogo-kak-rozhdenie-postsovetskogo-radikalizma> (дата обращения: 28.04.2022).

146. Генезис фронтирных идентичностей в эпоху Кавказской войны // Научная мысль Кавказа. – 2014, № 4. – С. 100–110
147. Голунов С.В. Террористический «Халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации // 2020, №2 (97). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskiy-halifat-kak-kvazigosudarstvo-problema-kontseptualizatsii> (дата обращения: 18.07.2021).
148. Горюшина Е.М. Непримиимые нарративы «о Другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // Ideology and Politics Journal. – 2020, № 2 (16). – С. 279–303.
149. Горюшина Е.М. Эхо непреодолимых последствий событий в Чечне 1994–1996 гг. и 1999–2000 гг.: конфликт и нивелирование памяти // Новое прошлое/The New Past. – 2018, № 2. – С. 146–166.
150. Гучинова Э.М. Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива // Сибирские исторические исследования. – 2021, №2. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-kalmyki-rasskazyvayut-o-deportatsii-diskursivnye-strategii-narrativa> (дата обращения: 16.04.2022).
151. Добаев И., Черевков О. Трансформация радикального исламистского движения на Северном Кавказе: от «Имарата Кавказ» – к «вилайяту Кавказ» // Россия и мусульманский мир. – 2017. – №9 (303). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-radikalnogo-islamistskogo-dvizheniya-na-severnom-kavkaze-ot-imarata-kavkaz-k-vilayyatu-kavkaz> (дата обращения: 30.04.2022).
152. Добаев И.П. Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» // Центральная Азия и Кавказ. – 2009, №1 (61). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnoy-kavkaz-protsess-rastekaniya-dzhihada> (дата обращения: 02.05.2022).
153. Долгов Б.В. Сирийский кризис и феномен «исламского государства»//Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 103-124

154. Долгов Б.В. Исламистские движения в сирийском и иракском конфликтах: геополитический аспект / Исламистские движения на политической карте современного мира. Выпуск 3. Афразийская зона нестабильности – М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 121-129
155. Долгов Б.В. Кризис в Арабском мире и политический ислам // Азия и Африка сегодня. 2020 – № 6. – С. 14-20
156. Долгов Б.В. Сирийский кризис и феномен «исламского государства» // Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 103-124
157. Егоров Е.Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. 2016. – Т. 7. № 3. – С. 516
158. Ермаков А.А., Корнилов А.А., Рыжов И.В. Новый этап палестино-израильского противостояния // Азия и Африка сегодня, № 6, 2016. С.18-22;
159. Пономарев И.В. Таблиги Джамаат и международный терроризм на Северном Кавказе в 1990-е гг. // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. М.:Институт Африки РАН, 2017. – С. 579-595.
160. Исламское государство Ирака 2.0: как ИГ возрождается и снова захватывает территории // Федеральное агентство новостей. – [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1278183-islamskoe-gosudarstvo-iraka-2-0-kak-ig-vozrozhdaetsya-i-snova-zakhvatyvaet-territorii> (дата обращения: 02.05.2020).
161. Колдунова Е.В. Две модели трансрегиональных исламских движений в Южной и Юго-Восточной Азии: Джамаат Таблиг и Джамаат-и-Ислами // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. №4. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-modeli-transregionalnyh-islamskih-dvizheniy-v-yuzhnoy-i-yugo-vostochnoy-azii-dzhamaat-tablig-i-dzhamaat-i-islami> (дата обращения: 21.01.2023).
162. Колозариди П., Ильин А. Исламское медиагосударство // Индекс безопасности. – 2015. – №2 (113). – С. 161-168.

163. Комиссина И.Н. Движение «Таблиги Джамаат»: теория и практика радикализма // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 1 (6). – С. 45-65.
164. Кринко Е.Ф. Институционализация памяти о депортациях народов Северного Кавказа в СССР и современной России // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – С. 279–303.
165. Кузнецов В.А. Единство и множественность мира в арабо-мусульманских историко-политических дискурсах X–XV веков // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной – М.: Кругъ, 2010. – С. 502-537
166. Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабо-мусульманской историографии // Диалог со временем – 2007. – С. 52-86
167. Кузьмин Н. Исламское государство: адаптация к новой реальности // Российский совет по международным делам. – [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/islamskoe-gosudarstvo-adaptatsiya-k-novoy-realnosti/#4> (дата обращения: 04.06.2020)
168. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Внутри мыслящих миров. – С. 255-265.
169. Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. – С. 26-39.
170. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. – С. 7-38.

171. Наумкин В. В. Изучение исламского радикализма на пост-советском пространстве концепции и подходы. // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. М «Гуманитарий», 2004. – 21 с.
172. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций // Россия и мусульманский мир, 2006. – №7. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-radikalizm-v-zerkale-novyh-kontseptsii-i-podhodov> (дата обращения: 01.12.2022).
173. Нечитайло Д. «Аль-Каида» в Китае // Россия и мусульманский мир, 2014. №5 (263). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-v-kitae>. (дата обращения: 30.03.2021)
174. Нечитайло Дмитрий Анатольевич «Аль-Каида» и «Исламское государство» – общее и особенное // АНИ: экономика и управление. - 2017. - №3 (20). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-i-islamskoe-gosudarstvo-obschee-i-osobennoe> (дата обращения: 30.03.2021)
175. Осмаев А. Д. Роль религиозного фактора в чеченском кризисе конца XX-начала XXI вв. // Via in tempore. История. Политология. – 2008. – №5 (45). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-religioznogo-faktora-v-chechenskom-krizise-kontsahh-nachalahh1-vv> (дата обращения: 03.06.2022).
176. Полный разгром: Россия объявила об окончательной победе над ИГ в Сирии // Федеральное агентство новостей. – [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20171206/1510372695.html> (дата обращения: 05.05.2020)
177. Пономарев И.В. Таблиги Джамаат и международный терроризм на Северном Кавказе // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. – С. 579-596.
178. Прилуцкий А.М. Семиотическое пространство конспирологического нарратива и мифа // Вестник РХГА. – 2016. – № 3. – С. 264-270.

179. Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное господство // Свободная мысль, № 1, 2019. С. 169-180.
180. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. – 2007. – С. 5-21.
181. Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. – 2007. – С. 106-118.
182. Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное господство // Свободная мысль. – 2019. – С. 169-180.
183. Сапронова М.А. Партия «Исламский фронт спасения в Алжире» / М.А. Сапронова // Исламские партии и движения в политическом процессе стран Востока. Под ред. Л.М.Ефимовой, М.А.Сапроновой. – Москва: МГИМО-Университет, 2020. – С. 58-80.
184. Сапронова М.А. Фундаменталистский и демократический «проекты» в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран. Ближний Восток и современность: сб. науч. тр.; выпуск 50 / Институт Ближнего Востока, 2016. – С.121-141;
185. Сапронова М.А. Мусульманское представление о государственной власти: исторический аспект и современные концепции // Ислам в мировой политике в начале XXI века. МГИМО МИД РФ, 2016. – С. 104-133.
186. Сапронова М.А. Фундаменталистский и демократический «проекты» в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран // Ближний Восток и современность: сб. науч. тр.; выпуск 50 / Институт Ближнего Востока. – М., 2016. – С.121-141
187. Солдатов А. Почерк «Аль-Каиды» в Магрибе // Россия и мусульманский мир. – 2007. – №7. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pocherk-al-kaidy-v-magribe>. (дата обращения: 30.03.2021)

188. США ликвидировали лидера сирийской «Аль-Каиды». 25.06.2020. – [Электронный ресурс]. Коммерсантъ: Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391295> (дата обращения: 18.08.2020)
189. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – №3. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-pravovaya-mysl-ob-islamskom-gosudarstve-i-halifate> (дата обращения: 18.07.2021).
190. Сюкияйнен Л.Р. Современная исламская правовая мысль о халифате и гражданском государстве с исламской ориентацией // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2016. – №2. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-islamskaya-pravovaya-mysl-o-halifate-i-grazhdanskom-gosudarstve-s-islamskoy-orientatsiey> (дата обращения: 18.07.2021).
191. Танайлова В.А. (Не) быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 99-118
192. Тишков В. А. Восстановление культуры через гражданское содействие // Осмаев М. К., Апиросв И. Ю. История и культура вайнахов. - М.: Academia. - 2003. - С. 313—316.
193. Тишков В. А. Слова и образы в постконфликтной реконструкции // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А.Д. Яндарова. - М.: ИЭА, 2001. - С. 49-72.
194. Тишков В. А. Чеченский дискурс как идеология крайностей (анализ СМИ в условиях конфликта) // Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. - М.: ИЭА РАН. - 2002. - С. 75-106.
195. Тумаков Д.В. Политика сепаратистского режима Чечни по отношению к войне в Дагестане в августе-сентябре 1999 г. // СНВ. – 2021. – №1. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika>

separatistskogo-rezhima-chechni-po-otnosheniyu-k-voyne-v-dagestane-v-avguste-sentyabre-1999-goda (дата обращения: 02.05.2022).

196. Урушадзе А.Т. А. П. Ермолов в мемориальном пространстве юга России: конфликты исторических интерпретаций // Символические аспекты политики памяти в современной России и восточной Европе. Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – Москва, 2021. – С. 164-176.

197. Урушадзе А.Т. Кавказ в конце XIX — начале XX вв.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // Quaestio Rossica. – 2015, № 2. – С. 144–157.

198. Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. – М., изд-во Европейского университета, 2020. – С. 250-269.

199. Урушадзе А.Т. Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. - 2018. - №3. - С. 106–128. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pomnit-nelzya-zabyt-kavkazskaya-voyna-v-istoricheskoy-pamyati-adygov-i-rossiyskom-prostranstve-kommemoratsii> (дата обращения: 10.05.2022)

200. Фомин А. Г., Мона Е. А. Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видеообращениях ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации) // Политическая лингвистика. – 2018. – №1. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-osobennosti-organizatsii-rechi-spikera-terrorista-v-videoobrascheniyah-igil-organizatsii-zapreshchennoy-na-territorii> (дата обращения: 16.07.2021).

201. Фомин А. Г., Мона Е. А. Синтаксические особенности организации звучащей речи террориста // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2016. – С. 144-146.

202. Чотаев З.Д., Турсунбеков З.А., Жумакунов Э.М., Сманова Н.Т., Гайббаева А.Т. Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане: методическое пособие. Бишкек: ГКДР КР, 2015. 90 с.
203. Шегаев И.С., Царихин В.А. Становление террористического интернационала: организация неуправляемого хаоса // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – №2. – С. 37-39.
204. Ярлыкапов А.А. Конфликтующие формы ислама на Северном Кавказе // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – С. 604-626.
205. Яшлавский А. Аль-Каида: старое зло в новом обличье // Проблемы безопасности в современном мире. – 2017, № 7. – С. 27-34.
206. Яшлавский А. Террористическая активность джихадистов из Центральной Азии на Западе // Россия и новые государства Евразии. – 2020. - № 4. – С. 133-149.

9. Диссертации и авторефераты диссертаций

207. Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. стратегия и тактика: дисс. ... доктора политических наук: 23.00.01 / ИВ РАН – Москва, 2017. – 633 с.
208. Хайруллин Т.Р. Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе: дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Институт Африки РАН – Москва, 2018. – 235 с.
209. Котленко Д.Г. Концепт исламизма в политической теории: автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.01 / Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2005. – 22 с.
210. Лабазанов М.М. Идеология и практика исламизма в современном мире : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Дагестан. гос. ун-т. - Махачкала, 2002. – 20 с.

211. Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф. Исламизмы в современном русском языке и дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / - Воронеж, 2016. - 26 с.

212. Кадырова К.А. Джихад: историческая традиция и основные тенденции интерпретации в XX - начале XXI вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Москва, 2015. – 29 с.

213. Кузьменко Н.С. Социокультурные интерпретации идеи джихада: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 5.7.8. / Симферополь, 2022. – 22 с.

10. Аналитические доклады

214. Caliphate Soldiers and Lone Actors: What to Make of IS Claims for Attacks in the West 2016-2018 // European Counter-Terrorism Centre (ECTC) at Europol. – [Электронный ресурс]. URL: <https://icct.nl/publication/caliphate-soldiers-and-lone-actors-what-to-make-of-is-claims-for-attacks-in-the-west-2016-2018/> (дата обращения: 20.07.2021)

215. Charles Lister. Profiling Jabhat al-Nusra. The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper. 55 p. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf (дата обращения: 25.05.2020).

216. Daveed Gartenstein-Ross, Jason Fritz, Bridget Moreng, Nathaniel Barr. Islamic State vs. Al-Qaeda / New America // International Security, 2015. – [Электронный ресурс]. URL: https://static.newamerica.org/attachments/12103-islamic-state-vs-al-qaeda/ISISvAQ_Final.e68fdd22a90e49c4af1d4cd0dc9e3651.pdf (дата обращения: 20.08.2020)

217. Jennifer Cafarella. Jabhat Al-Nusra in Syria. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/JN%20Final.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).

218. Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма»: аналитический обзор / РАН ИНИОН. – М., 2008. – 104 с.
219. Ислам в политике: идеология или прагматизм. Аналитический доклад, М., Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2013 – 58 с.
220. Исламское государство: сущность и противостояние. Аналитический доклад / Под общей редакцией Я.А. Амелиной и А.Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. – 226 с.
221. Крупнов А. Исламское государство. Пропаганда группировки и механизмы ее распространения: Аналитический доклад. – М.: Центр изучения новых коммуникаций, 2017. – 123 с.
222. Панкратенко И.Н. ИГИЛ сегодня: на пути к полноценному государству. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. – 29 с.
223. Хассан Хассан. Исламское государство. Идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды / Московский центр Карнеги. Москва, 2017. – [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Hassan_Rus_web.pdf (дата обращения: 04.04.2021)